

СТАЛИНГРАДЦЫ

ЗА НАШУ СОВЕТСКУЮ РОДИНУ!

СТАЛИНГРАДЦЫ

Рассказы жителей о героической обороне

Литературная запись
ЕВГЕНИЯ ГЕРАСИМОВА,
ВЛАДИМИРА ШМЕРЛИНГА

Военное Издательство
Военного Министерства Союза ССР
Москва
1950

Центральная В-Морская
Библиотека ВМФ СССР

1951

«ВОЙНУ С ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ НЕЛЬЗЯ СЧИТАТЬ ВОЙНОЙ ОБЫЧНОЙ. ОНА ЯВЛЯЕТСЯ НЕ ТОЛЬКО ВОЙНОЙ МЕЖДУ ДВУМЯ АРМИЯМИ. ОНА ЯВЛЯЕТСЯ ВМЕСТЕ С ТЕМ ВЕЛИКОЙ ВОЙНОЙ ВСЕГО СОВЕТСКОГО НАРОДА ПРОТИВ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ВОЙСК».

И. СТАЛИН

ПРЕДИСЛОВИЕ

В истории Великой Отечественной войны золотыми буквами сверкает славное и гордое имя — Сталинград.

Сталинград — город-герой — дорог и близок сердцу каждого советского человека.

У стен этого города дважды за четверть века решалась судьба Советского государства. В 1918 году Царицын, превращенный товарищем Сталиным в крепость революции, не дал возможности белогвардейским войскам соединиться на Волге и прорваться на Москву. Защитники города — красноармейские полки и отряды рабочих, выдержав тяжёлую осаду, перешли в контрнаступление и нанесли силам контрреволюции тяжёлое поражение.

В наиболее опасный и грозный для судьбы нашего отечества 1942-й год, когда немцы прорвались к предгорьям Кавказа, когда враг стоял в 120 километрах от Москвы и рвался к Волге, чтобы обойти советскую столицу с востока, у стен Сталинграда развернулась величайшая в истории войн битва.

Как известно, битва под Сталинградом закончилась окружением и разгромом более чем 300-тысячной ударной группировки немцев. Гитлеровская армия потерпела у стен Сталинграда такое поражение, после которого уже не могла оправиться. Сталинград был закатом немецко-фашистской армии. Здесь советские войска покрыли неувядаемой славой свои боевые знамена и заложили прочный фундамент для полной победы над врагом. Захватив в дни Сталинградской битвы инициативу в свои руки, Советская Армия развернула наступательные операции, закончившиеся всемирно-исторической победой над фашистской Германией.

Сталинград — величайшая вершина воинского подвига советского народа, его силы, непревзойдённого героизма, мужества и стойкости.

Сталинградская победа — венец военного искусства, самая выдающаяся победа в истории великих войн, триумф сталинской стратегии и тактики.

Сталинградская победа — торжество сталинской военной науки, гениального плана и мудрого предвидения великого полководца И. В. Сталина, проницательно раскрывшего замыслы врага и использовавшего слабости его авантюристической стратегии. Товарищ Сталин — организатор и вдохновитель сталинградской обороны и наступления — предвидел развитие событий и подчинил своей могучей воле весь ход гигантского сражения на берегу Волги.

Война Советского Союза с фашистской Германией не была войной обычной, войной только между двумя армиями. Она была великой войной всего советского народа против немецко фашистских войск. Партия Ленина — Сталина сплотила всю страну в единый боевой лагерь, организовала всенародную войну против иноземного нашествия. Наша армия в своей борьбе на фронте опиралась на несокрушимое морально-политическое единство советского народа, на могущество советского тыла. Её боевой дух питался высоким чувством советского патриотизма, сплотившим всех советских людей в едином стремлении — разгромить врага.

И когда славный город на Волге и его защитники приняли на себя всю тяжесть бешеного натиска ударных сил гитлеровской армии, тогда весь советский народ, отдававший на святое и правое дело защиты отечества все свои силы, лучших своих сыновей и дочерей, пришел на помощь Сталинграду. К городу-герою потянулись поезда с войсками, вооружением, боеприпасами, продовольствием, обмундированием. Весь советский народ ковал великую победу под Сталинградом.

Героическая оборона Сталинграда была блестящим примером патриотического единства фронта и тыла.

Мужественное поведение сталинградцев — жителей героического города — во время обороны родного города — яркое свидетельство такого тесного единения фронта и тыла, армии и населения, какого не знала еще история.

Еще во время обороны города в 1918 году товарищ Сталин научил царицынских рабочих, как надо бороться с врагами, как надо защищать свою Родину, советскую власть, воспитывал их в духе высокой организованности, сплоченности, бесстрашия в борьбе с врагом. Сталинградские горожане свято хранили боевые революционные традиции сталинской обороны Царицына. На этих славных традициях воспитывалась сталинградская молодежь. И когда осенью 1942 года сталинградцы оказались на ре-

шающем участке борьбы, на направлении главного удара противника, город встретил врага как бывалый, испытанный воин.

Гражданское население Сталинграда деятельно помогало армии в защите города. Сталинградцы рыли окопы, строили баррикады, формировали рабочие батальоны, отряды местной противовоздушной обороны, санитарные дружины. Партийная организация Сталинграда сплотила всех жителей города и его предместий на помощь армии для отпора врагу. Подлинно боевым помощником партии в грозные дни и ночи Сталинграда была комсомольская организация города, награждённая правительством орденом Красного Знамени.

Когда немцы прорвались к северной окраине Сталинграда и подвергли неслыханной по варварству бомбардировке жилые кварталы, когда весь огромный город, протянувшийся на 60 километров вдоль Волги, был объят пламенем и горе и смерть вошли в тысячи семейств,— сталинградцы не дрогнули. Рабочие, специалисты, служащие остались на своих постах, они продолжали строить танки, орудия, бронепоезда, минометы, сооружать баррикады. Ответом на удары врага было не смятение, а еще большее сплочение горожан вокруг армии, самоотверженная помощь ей во всем. Гордость Сталинграда — его индустрия, его знаменитые заводы — Тракторный, «Баррикады», «Красный Октябрь», Сталгрэс... Эти заводы стали бастионами обороны. Рабочие ковали оружие и вместе с войсками обороняли свои заводы. Седые ветераны царицынской обороны, сталевары и тракторостроители, мастера-баррикадцы, волжские матросы и грузчики, железнодорожники и судостроители, служащие и домохозяйки, отцы и дети — все они стали солдатами Сталинграда.

Тысячи горожан добровольно вступили в ряды доблестной 62-й армии. Вчерашние кузнецы, сталевары, слесари, плотники стали храбрыми, стойкими и умелыми солдатами. Другие вошли в так называемые отряды спасения, которые выносили раненых, женщин, детей из горящих и разрушенных зданий.

Велики жертвы сталинградцев, но эти жертвы не сломили боевого духа советских патриотов. Население разделяло вместе с армией тяготы жестокой борьбы. Сталинградцы не сошли с земли Сталинграда, они верили в свою армию, в то, что она не отдаст их родного города врагу. Все знали, что товарищ Сталин приказал оборонять Сталинград во что бы то ни стало и армия, чувствуя за своей спиной живое дыхание заводов, видя жертвы, которые несло гражданское население, наливалась новыми силами, стойко стояла на великом волжском рубеже, отбивая бесчисленные атаки врага.

Боевые действия войск и трудовая самоотверженность горожан, доблесть воинов слились здесь с гражданским мужеством сталинградцев, и это вместе создало ту незыблемую стойкость, о которую разбились волны вражеского наступления.

Многие тысячи сталинградских горожан пали как воины — смертью храбрых в бою.

Публикуемые в этой книге рассказы сталинградцев показывают благородные черты советских людей, их высокие моральные качества. Они раскрывают природу невиданной стойкости защитников Сталинграда, их пламенную любовь к советскому отечеству, славному городу, носящему великое имя любимого вождя.

Книга эта — не художественное произведение, и авторы ее не литераторы. Они — рядовые сталинградские жители: строители тракторов, металлурги, железнодорожники и водники, домохозяйки, партийные и советские работники, люди различных возрастов и профессий. Они рассказывают о том, как горожане помогали армии, как жили, трудились, как боролись с врагом все сталинградцы — мужчины и женщины, старики и дети во время исторической обороны города. Рассказы их — простые и правдивые — восстанавливают многие детали героической обороны Сталинграда. В этих рассказах читатель найдет немало примеров трогательной братской дружбы военных и гражданских людей.

Через все рассказы сталинградцев красной нитью проходит вера в победу, вера в товарища Сталина. С именем вождя в сердце своем стойко оборонялись сталинградцы. С именем вождя в сердце своем они перешли в победное наступление. Сталин был душою героической обороны города. Он всегда был с защитниками Сталинграда, незримо присутствовал в осажденном городе.

В последней главе книги «После битвы» рассказывается о первых днях жизни горожан в разрушенном городе, о массовом черкасовском движении патриотов, горящих желанием быстрее восстановить родной Сталинград. Самоотверженный труд сталинградцев является новым подвигом жителей города-героя. Сталинградцы с помощью всей страны успешно возрождают родной город.

ФРОНТ ПРИБЛИЖАЕТСЯ

В Вишневой балке

☆

И. З. РОЖКОВ

Фронт проходил еще за Доном. К Волге двигались гурты скота, вереницы подвод с беженцами, перегруженные машины, тракторы с тягачами, навьюченные коровы, верблюды. Можно было встретить женщину или старика, тащивших по обочине дороги ручную тележку с домашним скарбом, уцелевшим после пожара, девочку восьми-десяти лет с огромным узлом на спине, подталкивающую обеими ручками тележку, а за ней пятилетнего карапуза с кошкой за пазухой, месившего пыль голыми ножками. И все уже поглядывали на небо: не видно ли со стороны Дона быстро приближающихся, зловеще растущих чёрных точек?

Поток беженцев проходил мимо наших рубежей. На дальних подступах линии обороны были уже готовы, хотя ещё не заняты войсками. Немцы уже забрасывали на наши рубежи разведчиков и диверсантов. Их ловили ежедневно и даже под самым Сталинградом, куда переместилась из далекой степи многотысячная масса строителей «рубежей смерти для гитлеровских захватчиков», — так называли сталинградцы свои оборонительные рубежи.

К началу августа волна эвакуированных с дальних мест прошла через город. По ночам видны были в степи пожары: горели массивы хлебов, сёла; всё говорило о том, что фронт приближается, но у нас, на «Красном Октябре», никто не собирался никуда уходить, покидать свой завод. С заводского двора попрежнему непрерывно выезжали машины, нагруженные колпаками для огневых точек, броневыми плитами, противотанковыми ежами, лопатами, ломами, касками. Но если раньше всё это отправлялось

далеко в степь, то сейчас машины развозили оборонную продукцию завода по городу, по его окраинам. Сталинград торопился закончить строительство внутреннего оборонительного рубежа. Зимой к месту строительства укреплений наши рабочие ездили на поездах, а сейчас нужно было только пройти через бугор к Вишневой балке, чтобы попасть на рубеж обороны.

Ежедневно с восходом солнца больше тысячи домохозяек, школьников, учителей, стариков-инвалидов шли одиночками, семьями, группами к Вишневой балке и до вечера рыли здесь противотанковые рвы, окопы, готовили огневые точки, маскировали их. Сюда же в кустарники и к участковой усадьбе лесопосадочной МТС, где помещался штаб строительства, подвозились на машинах и на подводах хлеб, яблоки, помидоры и огурцы для работавших на рубеже.

Дни стояли жаркие. Вдоль всей линии работ, от границ Баррикадного района до Мамаева кургана, два конных водовоза непрерывно курсировали со своими бочками и поили людей.

Глинистый грунт высох, стал, как камень; его приходилось бить ломом и киркой, однако с каждым днём прибывало всё больше и больше людей, которые за своё рабочее время перерабатывали свыше двух кубометров земли.

Люди чувствовали, что война подходит к их собственному дому, что здесь им придётся драться самим, и все работали с ожесточением, упорно, молчаливо. Крепко попадало прорабам от женщин, когда где-нибудь нехватало лопат или ломов. Доставалось и исполкому райсовета, и врачам, когда они освобождали кого-нибудь от работ по болезни или по семейным обстоятельствам. Женщины требовали, чтобы без согласия бригады никто не освобождался от работы. Они говорили: «Мы на своей улице лучше врачей знаем, кто чем болен».

Всё чаще и чаще над местом работы появлялась вражеская авиация. Когда в первый раз раздалась команда укрыться, можно было наблюдать такие картины: одна женщина закрылась газетой, там где её застала команда, другая — лопатой, третья — носилками. Однако ничего похожего на панику не было. А потом во время воздушных тревог, спрятавшись в окопы, за стенки эскарпов, женщины спокойно наблюдали за немецкими самолётами, за разрывами зениток, и только тех, у кого дома остались дети, нельзя было заставить укрыться — по сигналу тревоги они бежали в посёлок.

После отбоя все возвращались на свои места и продолжали работать так же молча и упорно. Вечером на смену домохозяйкам, подросткам и ста-

Враг приближался. Сталинградцы торопились закончить строительство внутреннего оборонительного рубежа

рикам приходили прямо из цехов рабочие завода, служащие районных учреждений. Они становились на наиболее трудные участки — там, где земля не поддавалась женским рукам.

Улицы рабочего посёлка перегораживались противотанковыми завалами и ежами. На площадях и заводском дворе проходили строевые занятия подразделений истребительного батальона и батальона народного ополчения. Ополчение в Сталинграде было создано ещё летом 1941 года. На нашем заводе первыми ополченцами стали все участники гражданской войны и рабочие, проходившие военную службу. С приближением фронта к городу к оружию потянулись все. Даже старики стали учиться военному делу. Они приходили в райком партии и говорили, что хотя «ноги уже не те, да и здоровье... но если немец придёт на завод, то на своем-то заводском дворе мы немца встретить сможем», и просили научить их пользоваться гранатой РГД, с которой им еще не приходилось иметь дела.

— А винтовку мы помним,— говорили они.

Посовещавшись в райкоме, мы решили организовать военное обучение рабочих в цехах. Комнаты секретарей парторганизаций и красные уголки превратились в военные кабинеты. Здесь были и учебные гранаты РГД, и учебные винтовки, и плакаты для изучения материальной части оружия.

Учебного оружия на заводе было много, но всё же его стало нехватать, особенно гранат. Гранатой почему-то увлекались больше всего. Я видел в цехе блюминга, как группа рабочих во время небольшой вынужденной остановки прокатного стана отошла в угол и бригадир, вынув из кармана две учебные гранаты, стал объяснять рабочим, как ими пользоваться. А после смены все рабочие группами расходились по уголкам цеха и занимались изучением гранаты. Многие уносили гранаты домой, чтобы научить пользоваться ими всю свою семью.

На блокированном пути

☆

Ф. И. ЛЕОНОВ

В середине августа немецкие войска вошли в излучину Дона у станицы Качалинской и начали артиллерийский обстрел железной дороги Сталинград — Поворино, основной магистрали, питавшей наши войска под Сталинградом. Тяжело пришлось железнодорожникам станций Качалино, Паньшино, Котлубань. Они уже испытали массированные налёты вражеской авиации. Теперь надо было восстанавливать разрушенные пути, подготавливать их для пропуска поездов под градом осколков рвущихся вокруг снарядов.

Сталинград имел ещё одну железную дорогу, связывающую его с тылом, дорогу, только что построенную сталинградцами, с паромной переправой через Волгу. Когда немцы вышли к Дону, все поезда с техникой, боеприпасами и людским пополнением для войск, сражающихся под Сталинградом, устремились к Волге по новой дороге. Паромная железнодорожная переправа перебрасывала через Волгу ежедневно сотни вагонов.

Но как быть с встречным грузопотоком? Сталинградский узел не мог больше впитывать в себя поезда. Он задыхался от излишка вагонов. Подъездные пути, ветки, тупики, вторые пути двухпутных перегонов — всё было забито порожняком. Узел потерял всякую маневренность. Станции не имели в резерве более одного свободного пути. Чтобы разгрузить сталинградский узел и спасти вагонный парк, надо было во что бы то ни стало продолжать движение по блокированной врагом дороге на Поворино. В светлое время суток на виду немецких войск, занимавших господствующие высоты на правом берегу Дона, об этом не могло быть и речи, но ночью смелая попытка сулила удачу.

Утром 20 августа станции участка Сталинград — Качалино получили приказ подготовиться к пропуску ночью пятнадцати порожняковых составов.

Исходным пунктом этого каравана поездов была станция Гумрак. Я работал тогда начальником этой станции. Часть поездов мы подготовили сами, часть приняли из Сталинграда и Воропоново. Все их надо было отправить точно с десятиминутными интервалами. Эта задача была выпол-

нена, несмотря на бомбёжку станции вражеской авиацией. Паровозные и составительские бригады, стрелочники и осмотрщики вагонов не прекращали работы, когда вокруг рвались бомбы. Бомбёжка была не меткая, станция уцелела. Поезда отправлялись в строгом соответствии с приказом. В час ночи был отправлен последний поезд, в три часа он проследовал Качалино, миновал опасное место. Противник ничего не заметил.

Успех этой операции по перегонке порожняка позволил командованию на следующую ночь поставить перед путейцами качалинской дистанции ещё более ответственную задачу. С севера по блокированной дороге к Сталинграду двинулись эшелоны с войсками и танками.

К началу темноты на нашей станции была закончена вся работа по приёму, пропуску эшелонов и выгрузке части их. На маневровые паровозы, на стрелочные посты, в ремонтные бригады были назначены самые надёжные люди. Руководители станции и партийной организации обходили рабочие места. Десятки зенитных батарей почти непрерывно вели огонь, отражая налёты вражеской авиации.

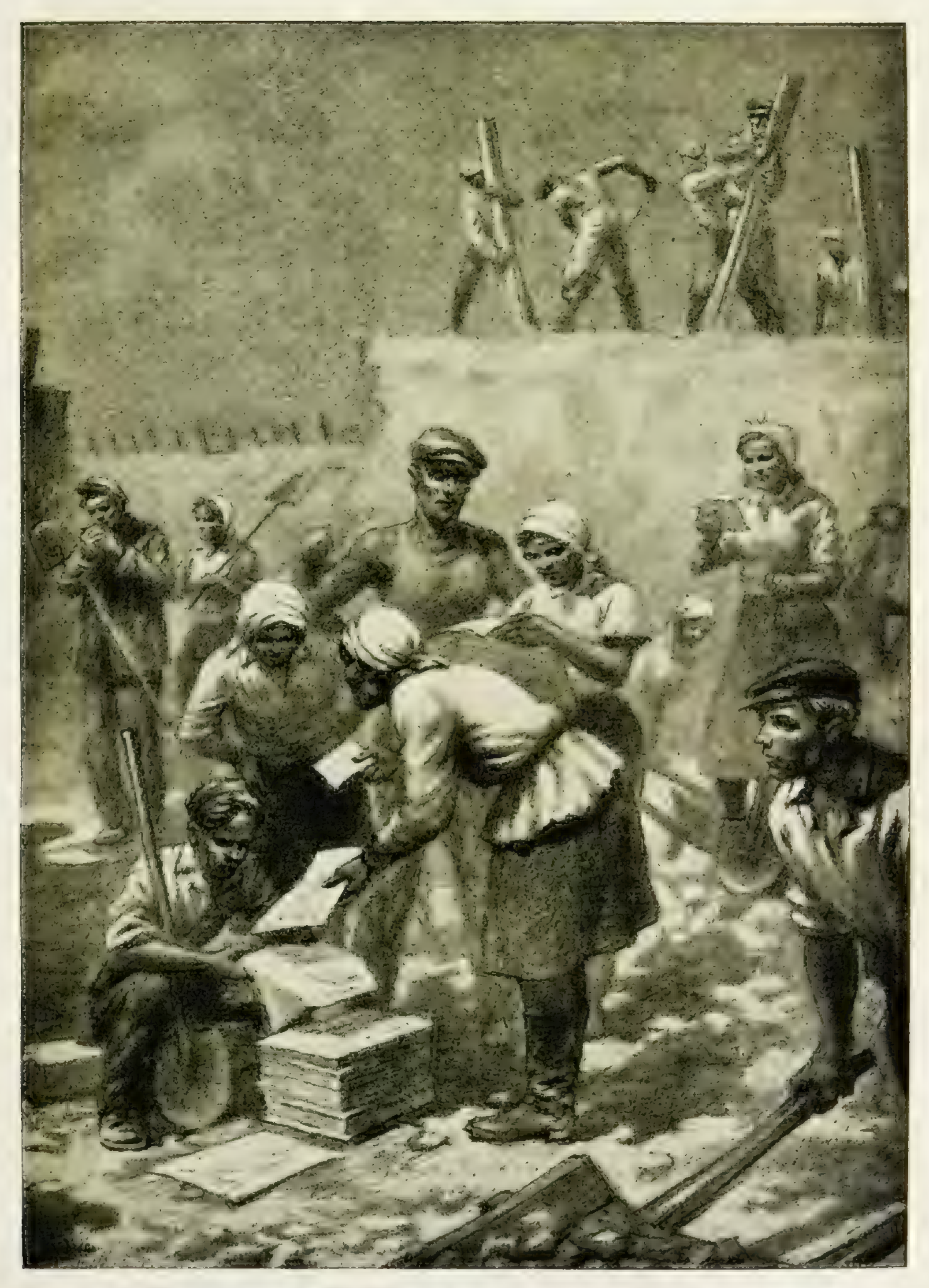
В девять часов вечера с самой дальней точки диспетчерского круга, со станции Качалино, донёсся голос оператора:

— Товарищ диспетчер! Первый прошёл в 20 часов 50 минут.

Диспетчер и все окружавшие его руководители дороги и представители военного командования поняли, что началась одна из самых ответственных операций, какие могут выпасть на долю железнодорожников. Все стояли, затаив дыхание.

Через несколько минут тот же голос сообщил:

— Товарищ диспетчер! Над станцией на бреющем полете группа вражеских самолетов ведёт пулемётный обстрел, дежурное помещение не покидаем.

Летом 1942 года под Сталинградом на строительстве оборонительных рубежей

С десятиминутными интервалами проследовали второй и третий эшелоны. Потом диспетчерская связь прервалась. Первый эшелон прибыл в Гумрак ровно в полночь. Проследовал благополучно и второй. Следующий мы ждали всю ночь.

С наступлением рассвета мы увидели множество немецких самолётов. Это была воздушная армада, расчищавшая путь наземным немецким войскам, прорвавшим нашу оборону и форсировавшим Дон в районе хутора Вертячий. Несмотря на то, что на станции было до 300 вагонов и 5 паровозов под поездами, враг не подвергал её бомбардировке: вероятно, думал, что всё это уже брошено, оставлено ему. Но стоило только нам переставить паровоз с одного пути на другой, как на станцию посыпались десятки фугасных бомб.

Старший стрелочник Лунев из будки северного стрелочного поста вызвал дежурного по станции и доложил:

— Товарищ дежурный! При перестановке паровоза пролетевшие самолёты сбросили в районе стрелочного поста семь бомб, которые упали около меня, ушли в балласт и не взорвались.

Лунев остался на своем посту, окружённый залегшими вокруг него бомбами. Немного спустя он сообщил, что на перегоне Конная — разъезд 564-й километр немецкие самолёты кружатся над поездом и ведут по нему пушечный и пулемётный огонь. Ясно было, что речь идёт о том эшелоне, который мы ждали всю ночь.

Выбежав на северную сторону станции, я увидел километрах в 11—12 дымок, через минуту превратившийся в пламя. Вражеские самолёты уже улетели. Мне удалось благополучно проскочить к месту происшествия на маневровом паровозе. Картина, которую я увидел тут, не оставляла никаких сомнений в том, что бригада, сопровождавшая эшелон, сделала всё возможное для спасения груза. Она дважды отцепляла горящие вагоны с боеприпасами и продвигала уцелевшую головную часть эшелона вперед, пока паровоз не остановился. Пробитый в нескольких местах котёл выпускал струи пара. На паровозе остались в живых только главный кондуктор и тяжело раненный машинист. Давление в котле упало до пяти атмосфер.

Посоветовавшись с главным кондуктором, мы решили, что надо во что бы то ни стало дотянуть уцелевшие вагоны с танками и автомашинами до станции. Я стал на место лежавшего без сознания машиниста, кондуктор заменил убитого кочегара. Нам удалось заставить простреленный паровоз протащить остаток эшелона последние 11—12 километров.

Больше поездов в Гумрак уже не приходило.

23 августа

☆

П. И. КУЗЬМИН

На сталинградской железнодорожной переправе все уже работали в касках, так как над переправой большую часть суток бушевал огонь зенитных батарей и осколки барабанили по палубе. Люди освоились с тем, что над головой постоянно сверкает несколько огненных ярусов зенитных разрывов. Вражеские бомбардировщики не оставляли нас в покое. На помощь нашим зенитчикам пришли истребители, расположившие свой аэродром вблизи переправы. Над нами то и дело происходили скоротечные воздушные бои.

Ночью небо освещали прожектора, и всё оно было в мигании вспыхивавших и мгновенно гасших звёзд, а на Волге была тьма; без единой искры, как тени туч, плыли паромы. В такие ночи переправа перебрасывала с берега на берег столько же вагонов и паровозов, сколько и днём.

Утром 23 августа на переправе всё было, как обычно: зенитчики били по фашистским самолётам, упорно стремившимся прорваться к переправе, в воздухе то и дело завязывались воздушные бои, в Волгу и в сады села Латашинки падали горящие машины, спускались на парашютах лётчики; работники переправы спокойно продолжали своё дело — на станциях обоих берегов передвигались составы, бегали паровозы, готовя на ряжи новые партии груза. По Волге курсировали суда переправы с пулемётами на башнях. И грузовой поток шёл, как обычно: с левого берега — снаряды, бомбы и тому подобное; с правого — оборудование эвакуируемых заводов, раненые. Пожалуй, только раненых было больше, чем в предыдущие дни, и погрузка на паромы происходила быстрее.

Днём меня вызвали на станцию, где по селекторной связи передали, что со стороны Гумрака к переправе движутся немецкие войска. Я немедленно выставил в этом направлении наблюдателей и, посоветовавшись с замполитом Мелешко, на всякий случай приступил к эвакуации Латашинки.

Появление немцев вблизи переправы никого особенно не удивило, так как предполагалось, что это небольшой авиадесант. Примерно через два часа, проверяя посты наблюдения, я вышел на возвышенность, где стоял знакомый боец украинец. Он показал рукой в направлении села Орловка, немного правее его, и спросил:

— Шось там таке гортуется?

Я вскинул бинокль и увидел танки, двигающиеся в направлении Тракторного завода. Ясно было, что это не десант, а прорыв нашей обороны. С минуты на минуту противник мог появиться в Латашинке, от которой до переправы всего сто метров.

Начальник переправы Фетисов, накануне уехавший на катере в Сталинград для доклада заместителю наркома путей сообщения Богаеву, ещё не вернулся. Прибежав на станцию, я связался по телефону с Богаевым, сообщил ему о появлении немецких танков в районе переправы. В ответ донеслось только одно слово: «Работайте...» Телефонная связь прервалась. Враг уже свирепствовал на линии наших проводов.

Дежурный по станции Ивченко, убедившись, что на продолжение моего разговора с Богаевым рассчитывать нельзя, со свойственным ему хладнокровием сообщил, что на станции в ожидании погрузки стоит еще несколько

составов, напоминая этим, что надо немедленно действовать. Мы тут же договорились подавать составы лентой, не теряя ни одной минуты. Команда была подхвачена составителями, стрелочниками, и вагоны двинулись к погрузке.

Враг уже вёл по станции артиллерийский огонь. Один снаряд упал на высоководные ряжи. В Волгу полетели щепки. Другой разорвался у борта 2-й переправы.

— Ну, нас не возьмёшь, мы в касках,— шутили матросы.

На горе показались наши тяжёлые танки. Они остановились у самого обрыва, сдерживая огнём немцев на северном подходе к переправе. Зенитчики били уже не только по самолётам врага, но и по его танкам. Небольшой наш гарнизон обливался кровью, защищая переправу.

В 18 часов прибыл из Сталинграда на катере, подбитом в пути, товарищ Фетисов. Выслушав мой рапорт, он приказал мне итти на «2-ю переправу» и быть там ответственным дежурным.

— Я останусь на станции, надо вывезти всё, — сказал он.

Я прибыл на «2-ю переправу»; она приняла 28 вагонов и пошла на выгрузку к левому берегу, сопровождаемая «мессершмиттами», которые во множестве носились над Волгой. Под защитой зенитчиков, стрелявших с башен, каждый матрос работал за троих. Раздавались голоса, обращённые к врагу:

— Не пото́пите! Ни одного вагона не оставим!

К ночи над Сталинградом поднялось зарево, но что происходит в городе, мы не знали. Немцы заняли часть Латашинки. На станции собралось много раненых и беженцев. Не исключена была возможность, что немцы, пробравшись садами села, в темноте замешаются в толпу и проберутся к судам переправы. Поэтому с очередным эшелоном приказано было погрузить на паром всех собравшихся на станции людей, освободить её территорию.

В 3 часа ночи наш паром отправился на правый берег за последними вагонами. Пожар в районе Тракторного и «Баррикад» начинал освещать Волгу; дым стлался по воде густой пеленой, вызывая сильное слезотечение. Когда подходили к берегу, машины были приведены в готовность дать задний ход, так как немцы были в сотне метров от берега, били по Волге из миномётов. Есть ли на берегу кто-нибудь из наших, мы не знали; думали, что остались только вагоны, но, подойдя к самому берегу, увидели катер и услышали голос начальника переправы Фетисова.

— Эх, хотя бы не рассветало подольше! — сказал рулевой Мантухов.

Зенитчики защищают Волгу от воздушных пиратов

Стоя на правом берегу у бортовых кнехтов, об этом думали, конечно, многие. Как ни освещал отдалённый пожар Волгу, но ночь всё же прикрывала нас. Работа во тьме становилась привычной. Матросы зацепляли погрузными канатами вагоны и шопотом передавали: «Вира правая».

Но вот на востоке показалось небольшое серое пятно. Оно растет, светлеет, скоро становится ярче, чем зарево пожара на западе. Вахтенный помощник начинает торопить с погрузкой, подбадривать уставших матросов. Из садов Латашинки раздаётся очередь автомата, за ней — другая. Немцы бьют по причалам.

— Ну, гады, проснулись,— ворчат матросы, зацепляя канатами последние вагоны с авиабомбами.

Команда: отдать носовые и кормовые чалки — и, содрогаясь всем корпусом, паром отходит, развёртывается и набирает скорость. Один «фоккевульф» заходит с кормы, бомбы падают в воду в нескольких метрах

позади парома. Другой пролетает над палубой. Наши пулемёты не могут пробить его бронированного брюха. Команда знает, что прятаться некуда, и молча стоит на своих местах. Самолёт делает разворот и бросает бомбы, которые пролетают в нескольких метрах от носовой части правого борта.

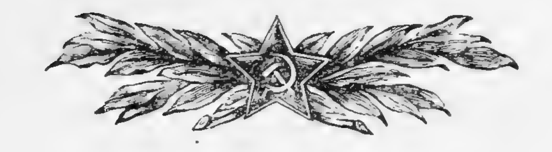
В этот момент наши зенитчики на обоих берегах Волги молчали. Зенитчики правого берега погибли в бою с немецкими танками, а зенитчики левого берега не решались стрелять по «фокевульфам», низко кружившимся над паромом, боялись, что осколки поразят своих.

Только благодаря искусству капитана Иноземцева, быстро маневрировавшего паромом, судно было спасено и груз в целости доставлен на левый берег.

Последним с правого берега — уже под обстрелом немецких танков — уходил катер «Рутка» с начальником переправы Фетисовым. Мы видели, как немецкие танки спускались на причалы, и на наших глазах вражеские самолёты, не разобравшись в обстановке, сбросили на них свой бомбовый груз.

СТАЛИНГРАД В ОГНЕ

Начало обороны

☆

А. С. ЧУЯНОВ

В июне 1942 года немецко-фашистские войска вступили в пределы Сталинградской области. Указом Президиума Верховного Совета СССР Сталинградская область была объявлена на военном положении. Острие своего удара немцы направили на Сталинград. Я был тогда секретарем сталинградского обкома партии и председателем Городского Комитета Обороны.

Стало понятно, что мы вступаем в решающие бои. Здесь, под Сталинградом, мы должны встретить небывалый натиск немецких войск, пытающихся решить исход всей войны.

Наш город — крупнейший узел железных дорог, стратегический центр юго-востока. Сталинград — это ворота на Кавказ, в Среднюю Азию и Урал. Сталинград — это крупнейший речной порт СССР, через который транзитом и с перевалкой идут миллионы тонн нефтепродуктов, хлеба, рыбы, леса, овощей и других продуктов.

Сталинград — город тракторов и танков, пушек, аэросаней и мин, высококачественных сталей и химии, город машиностроения и стройматериалов. В дни войны он стал могучим арсеналом снабжения фронта. Сталинград раскинулся по правому берегу великой русской реки как могучий форпост нашей Родины, защищающий проходы на юг, север, юго-восток.

В Донской излучине велись тяжёлые, непрерывные бои. Сталинград напряжённо готовился к обороне. Сталинградцы не растерялись перед лицом грозной опасности, нависшей над городом. Непоколебимая стойкость, мужество, беззаветная преданность Родине — все эти качества, которые повседневно воспитывались большевистской партией в наших людях, в полной мере раскрылись в эти дни.

Приказом Верховного Главнокомандующего товарища Сталина был создан Сталинградский фронт. Штаб фронта размещался в Сталинграде. Командующим фронтом был назначен генерал-полковник А. И. Еременко.

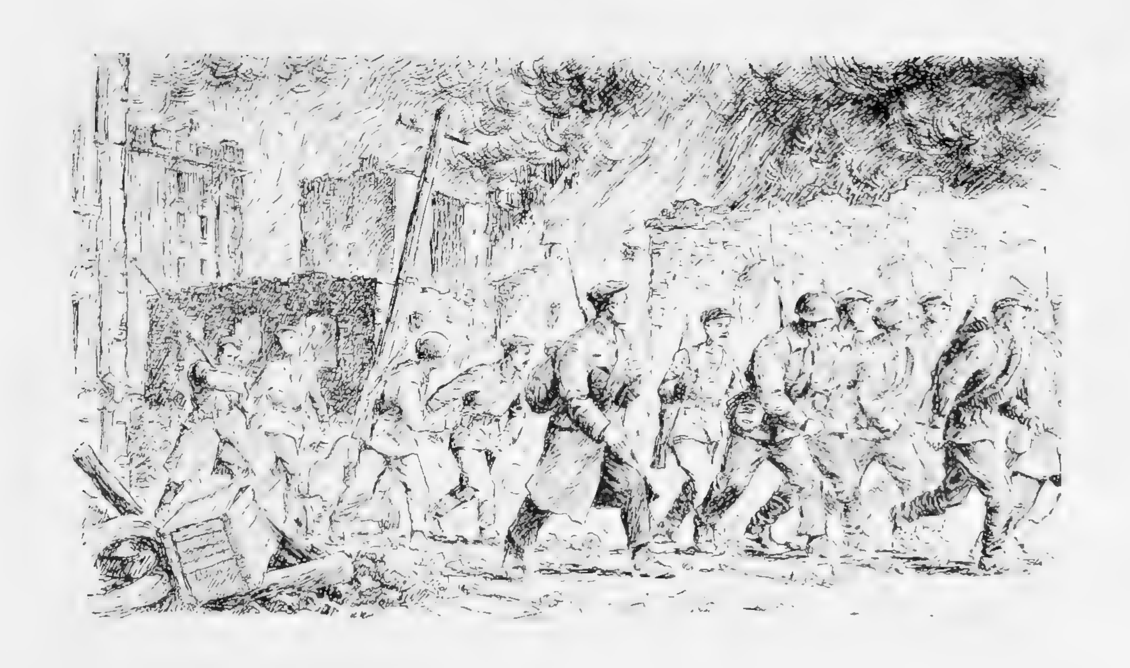
Оборона Сталинграда и разгром врага, идущего с запада и с юга на Сталинград, имели решающее значение для всего нашего советского фронта.

Великий вождь неустанно следил за всем, чем жил Сталинград. Его твёрдое слово вселяло в сталинградцев уверенность, обязывало не щадить сил и не останавливаться ни перед какими жертвами для того, чтобы отстоять Сталинград.

Двадцатые числа августа. Сталинградский тракторный завод имени Феликса Дзержинского напрягает все свои силы, чтобы с честью выполнить задание Государственного Комитета Обороны и выпустить как можно больше танков, которые своим ходом уходили за Дон. Тракторозаводцы соревновались с рабочими завода «Баррикады», которые также ежедневно перевыполняли график выпуска боевой продукции.

Тысячи наших горожан работали на оборонительных сооружениях. Мы спешили как можно скорей закончить городской оборонительный обвод вокруг Сталинграда.

22 августа Городской комитет обороны на очередном своем заседании обсуждал вопросы об усилении охраны заводов, о создании рабочих военизированных команд, о строительстве дополнительных линий укрепления вокруг заводов. Постановления Городского комитета обороны немедленно проводились в жизнь. В городе строились телефонные линии для фронтов; между Красноармейской судоверфью и Сталгрэсом рабочие скрепляли вагонные скаты, которые должны были стать надёжным противотанковым препятствием. По заданию Городского комитета обороны на заводах собирали медный провод, который отправляли Волжской флотилии для траления. Это были обычные трудовые будни города, который чувствовал, что к его стенам приближается фронт.

Утро 23 августа было душным и жарким. Накалённая за день земля и каменные здания не успевали охладиться за ночь. С самого раннего утра дворники обильно поливали асфальт и зелёные насаждения.

Ещё только засветлело небо, как прозвучала воздушная тревога. Сталинградцы уже привыкли к голосу председателя Горсовета Д. М. Пигалева, который объявлял воздушную тревогу.

С юга на север прошли три тройки фашистских бомбардировщиков. Зенитчики обстреляли их, заставив подняться на высоту 4—5 километров.

В 7 часов утра был дан отбой воздушной тревоги. Жители города, как всегда, спешили на работу, в магазины...

В 8 часов утра была объявлена вторая воздушная тревога, но и на этот раз в воздухе ничего опасного не было. Изредка в далекой синеве проносились «мессершмитты». Их гнали и преследовали на «лагах» и «мигах» наши лётчики. Порою из-под облаков, с невероятным шумом, появлялись скоростные машины. Гул моторов постепенно затихал, самолёты вновь уносились в высоту, для того чтобы снова вынырнуть в другом месте.

Вслед за отбоем второй тревоги была объявлена третья.

Со всех районов города в штаб МПВО поступали донесения о действиях авиации противника.

Городской комитет обороны был связан сотнями телефонных проводов со всеми районами, заводами. Здесь можно было полностью ощутить всю напряжённую и полную тревоги жизнь нашего города, растянувшегося на пятьдесят семь километров вдоль Волги.

Ко мне позвонил директор Сталинградского тракторного завода товарищ Задорожный:

— Скажите,— спросил он,— у вас есть какие-нибудь сведения, что немцы прорвали фронт и подходят к нашему заводу?

— Нет, неизвестно,— ответил я.

— Тогда учтите,— продолжал товарищ Задорожный,— что по донесениям, которыми я располагаю и которые сам проверил, немецкая мотопехота движется к заводу.

Я попросил Задорожного не отходить от телефона, а сам немедленно связался с Военным Советом Сталинградского фронта.

Член Военного Совета фронта Н. С. Хрущев уточнил обстановку. Немцы прорвали наш фронт и вышли своими авангардами в район посёлков Спартановка и Рынок, севернее Тракторного. Сейчас очень важно выиграть время для перегруппировки войск и подхода подкреплений, которые двигаются к городу по приказу товарища Сталина. Военный Совет фронта требует, чтобы были приведены в боевую готовность все имеющиеся на Тракторном заводе танки. Истребительные батальоны и части народного ополчения должны быть подняты по боевой тревоге.

— Поднимите в городе всё, что можете, — сказал товарищ Хрущев.

Городской комитет обороны тут же постановил направить на фронт к Тракторному части народного ополчения и истребительные батальоны заводов СТЗ, «Красный Октябрь», «Баррикады», Дзержинского, Ворошиловского, Ерманского и частично Кировского районов. В первую очередь решено было направить на фронт все готовые на Тракторном танки, а также тысячу двести бойцов, вооружив их танковыми пулемётами. Уполномоченные обкома ВКП(б) и Горкома партии, Городского комитета обороны, ответственные работники областного и городского Исполкомов были посланы во все районы города и на заводы для укрепления обороны и формирования боевых рабочих отрядов.

На танкодроме СТЗ уже вступил в бой учебно-танковый батальон. Начальник штаба батальона капитан Железнов сообщил, что со стороны

Цех стал как передовая линия фронта

Орловки появились четырнадцать танков немцев, за которыми на автомашинах следует мотопехота. Зенитчики, отбившие яростные атаки вражеской авиации, стали бить прямой наводкой по немецким танкам.

В 15 часов 20 минут в городе была объявлена последняя воздушная тревога, отбой которой наступил только после разгрома немцев под Сталинградом. Мы увидели над городом сотни фашистских самолётов. Они предприняли адскую бомбёжку центральных сталинградских районов. Всю вторую половину дня на Сталинград друг за другом волнами шли эскадры фашистских бомбардировщиков. Они сбрасывали на город тяжёлые фугасные бомбы огромной взрывной силы. В бомбардировке города участвовало по меньшей мере до шестисот самолётов, каждый из которых сделал по два-три вылета.

После первого налёта был выведен из строя водопровод. В центре города забушевал пожар, ветер перебрасывал пламя от одного здания к другому. Немцы потеряли в этот день десятки бомбардировщиков, сбитых частями МПВО и истребительной авиацией. Но это не остановило их; они продолжали бомбёжку.

В стихии огня и грохота взрывов авиабомб пожарные команды МПВО растаскивали горящие крыши и перекрытия, не давали распространяться огню и спасали людей.

Население города переселялось в убежища, щели, землянки и подвалы уцелевших домов.

Казалось, бомбёжке не будет конца. И поздно вечером пикировщики продолжали свою бешеную бомбардировку мирного города, освещая его со всех сторон сотнями ракет.

С группой партийных работников я продвигался среди обгорелых, дымящихся зданий. Надо было срочно организовать спасение раненых бойцов, находившихся на излечении в сталинградских госпиталях. На широких улицах, на площадях, в тёмных переулках мы находили раненых женщин и плачущих, одиноких детей, которые брели неизвестно куда, разыскивая родителей. Все они подбирались и направлялись в эвакопункт, а потом за Волгу.

Коммунисты и комсомольцы, бойцы МПВО и рабочие заводов растаскивали завалы, спасали людей.

Вот горит здание большой прекрасной гостиницы «Интурист». В дни войны в нём разместился госпиталь. Девушки-сталинградки, невзирая

Рабочие Тракторного завода на своих танках отправляются на передовую

на бушующий огонь, пробирались сквозь пламя в здание гостиницы и выносили на мостовую раненых бойцов.

На наших глазах огромный цветущий город, в котором жило около шестисот тысяч жителей, превращался в развалины.

Городской комитет обороны обратился к трудящимся Сталинграда с воззванием:

«Дорогие товарищи, родные сталинградцы! Снова, как и двадцать четыре года тому назад, наш город переживает тяжёлые дни. Кровавые гитлеровцы рвутся в солнечный Сталинград, к великой русской реке Волге.

Сталинградцы! Не отдадим родного города на поругание немцев. Станем все, как один, на защиту любимого города, родного дома, родной семьи. Покроем все улицы города непроходимыми баррикадами. Сделаем каждый

дом, каждый квартал, каждую улицу неприступной крепостью. Выходите все на строительство баррикад. Баррикадируйте каждую улицу.

В грозный 1918 год наши отцы отстояли Царицын. Отстоим и мы в 1942 году Краснознамённый Сталинград. Все на строительство баррикад! Все, кто способен носить оружие, на защиту родного города, родного дома».

Сталинградцы дружно отозвались на призыв. С первых же дней обороны они показали пример организованности, дисциплины и мужества. Они стойко выдерживали вражеские бомбардировки, самоотверженно тушили пожары, охраняли цехи, строили баррикады. Под огнем противника наши заводы-фронтовики, заводы-воины продолжали оказывать помощь фронту, продолжая собирать и ремонтировать танки, испытывать и передавать для фронта пушки.

В дни обороны Царицына товарищ Сталин не раз бывал на заводе «Дюмо» («Красный Октябрь») и на Орудийном, проверял, как рабочие обучаются военному делу, выступал на митингах. В клубе железнодорожников по его инициативе формировались тогда рабочие батальоны. После работы все обучались военному делу, и несколько раз, когда опасность, нависшая над городом, обострялась, рабочие останавливали станки и брались за оружие. Вооружённые полки царицынских рабочих шли на решающие участки фронта, и положение исправлялось.

И теперь, когда снова для города наступили дни тяжёлых испытаний, рабочие Сталинграда знали, что с ними родной Сталин. В Сталинграде в эти дни организовывал оборону соратник великого Сталина — член Государственного Комитета Обороны и секретарь ЦК ВКП(б) Г. М. Маленков.

По приказу Гитлера Сталинград должен был быть взят 25 августа. Нам было трудно, но мы и тогда знали, что Сталинграда врагу не взять. На боевые рубежи по тревоге выступили рабочие отряды. Они свято выполняли приказ Родины, приказ великого Сталина. Вместе с немногочисленными частями гарнизона и отрядом моряков Волжской Военной Флотилии, они не только сдержали первый натиск неприятельских войск, но и заставили их отступить на несколько километров.

Фашистам не удалось с ходу ворваться в Сталинград. Самыми жестокими бомбардировками они не сломили волю сталинградцев. В городе еще бушевало пламя пожаров, но уже налаживалась связь, восстанавливался водопровод, продолжалось строительство баррикад; повсюду шёл сбор бутылок для зажигательной смеси. Партийный актив был послан на самые ответственные и опасные участки работы. Коммунисты организовывали

переправы на Волге, спасение мирного населения и материальных ценностей. Началась огромная работа по эвакуации женщин и детей на левый берег Волги. Группы молодёжи, комсомольцев, созданные в райкомах ВЛКСМ, обходили щели и подвалы, выявляя детей, оставшихся без родителей.

25 августа 1942 года в Сталинграде было введено осадное положение. Подводя итоги первых дней, мы могли с полным правом сказать, что неожиданный прыжок врага не застал сталинградцев врасплох. По боевому приказу сталинградские рабочие с оружием в руках вышли навстречу врагу; в то время как одни отважно дрались на переднем крае, другие — под непрерывными бомбёжками и обстрелом — настойчиво продолжали работать у станков.

Возвращение в город

☆

В. Н. КЛЯГИНА

Над нами шли воздушные бои; утром, проснувшись, мы находили в палатках возле себя осколки от снарядов зениток, и никто уже не обращал на это внимание — всё это вошло в привычку даже для моей двенадцатилетней дочери, которую, уезжая на строительство оборонительного рубежа, я взяла с собой. Маленького сына пришлось перед отъездом отвести в детский дом, хотя он тоже плакал и кричал: «Мама, возьми меня с собой».

К 23 августа рытьё противотанковых рвов на нашем участке Старо-Дубовского укреплённого района было закончено. В этот день наша бригада готовила огневые точки. Возвращаясь с работы, мы услышали в воздухе сильный шум моторов и увидели такую массу фашистских самолётов, какой над нами ещё никогда не появлялось. Все остановились. Кто-то начал считать, насчитал сто машин, а они всё летели и летели в сторону города. Считать стало невозможно, люди слова произнести не могли, как будто окаменели.

Ведь почти у всех в городе остались дети. Я стояла и смотрела на лавину фашистских самолётов, пролетавших к городу, а перед глазами был сын: выглядывает из окна, плачет и машет мне рукой, как тогда, при расставании.

Мы стояли так, пока до нас не донеслись бомбовые взрывы.

Когда стемнело, над городом стояли уже столбы огня, наш город горел. На рубеже установлено было дежурство коммунистов. Мы ожидали вражеского десанта. В час ночи на дежурство вступила я и ещё одна коммунистка. Мы пошли по палаткам. Подходишь — слышишь шорох и тихий разговор, а войдёшь внутрь — тишина. Люди не могли спать, но притворялись спящими, чтобы дежурные не упрекали, не говорили:

— Как же вы, товарищи, будете завтра работать?

Рассвет не принёс облегчения. Все вышли на работу с вопросом, который мучил людей всю ночь: что с городом? Связь с городом была прервана.

Во время обеденного перерыва моя дочь Света сказала мне:

— Мама, я пойду в город, узнаю, что с Вовой.

Может быть, мне скажут, что безрассудно было отпускать девочку одну за двадцать пять километров в горящий город, но сама я не имела права в такой момент уйти с работы, тем более, что на мне лежала ответственность за всю бригаду. Я подумала, что Света — девочка смелая, не растеряется, и отпустила ее узнать, жив ли мой сынишка.

Дочь ушла. Каково мне было работать, думая: зачем я отпустила дочь? Что я наделала!

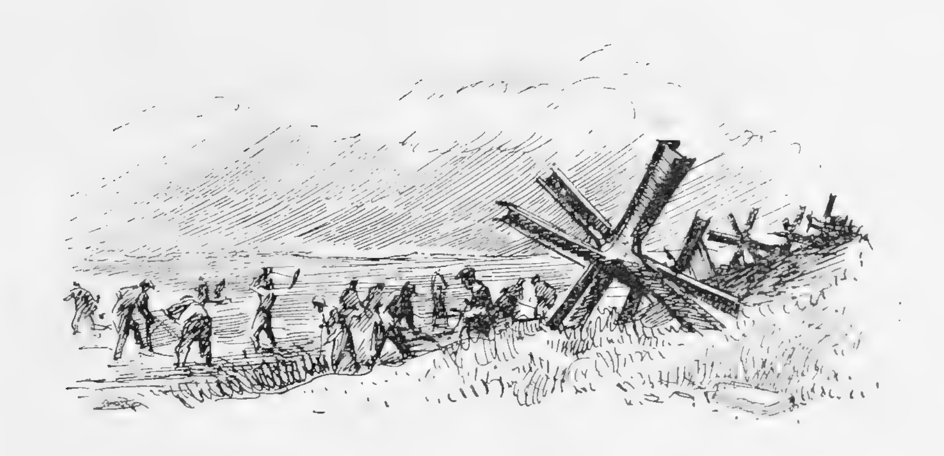
Весь день работа шла, как обычно. Ночью меня вызвали в партком. Там собралось всё руководство. Бригадиры получили последнее задание:

— Немедленно организованно, без паники отвести бригады в город и распустить по домам.

Собираю свою бригаду, советую брать с собой только то, что не обременит в пути, и веду людей по незнакомой дороге в направлении пожара. По дороге некоторые начинают отставать, приходится всем, как это ни тяжело, останавливаться и поджидать отстающих. Кажется, если была бы одна,— бежала и бежала.

Около горящей Ельшанки нас остановили, чтобы проверить документы. Я спросила:

— Что в городе?

Ответили:

— Бои идут на Тракторном заводе, а город, видите, горит.

Прошли Ельшанку. Вот уже центр Ворошиловского района.

Всюду пожары и развалины, рвутся бомбы: враг ещё продолжает бомбить. На Астраханском мосту расстаюсь с последним членом бригады, товарищем Глотовой. Бегу одна по Советской улице. От горячего воздуха перехватывает дыхание. Вижу, что тут не пройдёшь — вся улица в огне; беру направление к садику Карла Маркса.

В садике кучками сидят семьи, чьи квартиры сгорели. Оглядываюсь: нет ли тут моих детей? Бегу дальше, решаю во что бы то ни стало пробраться к своему дому. Подбегаю — одни развалины; дома нет, погиб в огне, кругом ни одной живой души. Возвращаюсь назад, бегу по Комсомольской улице, куда, зачем — не знаю. Вдруг, вижу, улицу перебегает знакомая: Ширшова! Кидаюсь к ней. Она говорит:

— Ваша дочь с нами в подвале.

Только я спустилась в подвал, как кто-то закричал:

— Выходите скорее, подвал загорается.

Света бросилась ко мне, плачет:

— Мама, милая, я думала, что не увижу тебя. Вовочку я не нашла. Детский сад сгорел.

Я перевела дочь в другой подвал и пошла искать сына по всем убежищам. Долго искала, пока поняла, что поиски напрасны.

На железнодорожном узле

☆

С. Н. ВИСКОВ

Мне надо было итти на ночное дежурство, и я по установленному для себя графику в 15 часов лег спать. Моя жена, Антонина Васильевна, разбудила меня в 18 часов, тоже точно по графику, когда вокруг уже рвались бомбы. Сунув в карман приготовленный женой сверток с пирожками, я поспешил на станцию Сталинград 1-й. Я работал тогда дежурным по станции.

В этот день большинство работников моей смены шли прямо на пост и, о вступлении на дежурство докладывали мне по телефону, сообщали о падении бомб и возникновении пожаров. К месту пожаров немедленно подавались цистерны с водой, заранее расставленные на путях; на разрушенные при падении бомб путевые участки высылались восстановительные бригады.

В течение двенадцати часов не отрывал я трубки телефона от уха ни на одну минуту, если не считать вынужденного перехода из своей дежурки на КП, заранее оборудованный дублирующей связью. Это было в первом часу ночи. Погрузной двор был уже в огне. Вскоре запылало и разрушенное депо. Начальник станции Тимошенко и секретарь парторганизации Попов всю ночь руководили оперативной работой. Заместители начальника станции Сидоров и Новицкий руководили бригадами в парках и сами работали — и за машинистов и за пожарников. В КП они забегали изредка — в касках, грязные, мокрые. Диспетчером в эту ночь дежурил Кудинов, человек, который даже в такой обстановке находил материал для своего неистощимого юмора. В самый разгар бомбёжки, когда взрывы следовали один за другим без интервалов, он вызвал меня по телефону и спросил:

— Как у вас там — не слышали еще сигнала отбоя? Кажется, пора бы уже.

Как раз в это время рядом с нами, на северо-кавказском тупике, упала крупная бомба. Страшный взрыв потряс КП, зашатались столбы, посыпалась штукатурка. Кудинов, конечно, услышал и понял, в чём дело.

— Где это? — спросил он.

— Как будто бы здесь, в КП,— ответил я.

— Ну ничего, продолжайте работать,— сказал Кудинов.

Под утро начальник станции приказал мне расставить у всех мостов и переездов по 8—10 груженых вагонов, чтобы в случае прорыва к станции немецких танков свалить эти вагоны, закрыть врагу проход. К концу моего дежурства это задание было выполнено, так же как и все задания по выборке вагонов с боеприпасами, горючим и другими срочными воинскими грузами.

В 8 часов утра меня сменил товарищ Данченко. После того, как я сдал дежурство, меня сразу, как ток, пронзила мысль: «А где же Антонина Васильевна, что с ней?» Так как и после дежурства уходить с КП нельзя было без ведома начальника станции, я обратился к нему, и он разрешил мне отлучиться на два часа.

До моей квартиры было всего метров сто. Я пробежал их единым духом. Дверь была перекошена, смята — не пройдёшь. Я — в окно. В квартире — всё на месте, только засыпано штукатуркой, никого нет. Выпрыгнув из окна, я побежал по Гоголевской и стал осматривать по пути все бомбоубежища. Антонина Васильевна оказалась в подвале дома возле кафетерия. Дом этот уже горел, огонь лизал вход в подвал. Надо было скорее выводить жену. Вышли с ней на улицу, стоим и думаем: «Куда бы нам теперь пойти?»

Какой-то незнакомый гражданин, пробежавший мимо, догадался, о чём мы думаем, показал рукой на кафетерий и прокричал:

— Идите туда. Под кафетерием хороший подвал.

Мы послушались его совета. Подвал, действительно, был хороший, а главное то, что над ним было шесть этажей — надёжное место. Я перенёс сюда из квартиры самое необходимое, устроил жену в удобном уголке и отправился обратно на КП.

Следующее мое дежурство началось утром 25 августа и продолжалось двенадцать дней, так как большая часть работников железнодорожного узла была эвакуирована за Волгу и оставшимся пришлось работать бессменно, выполняя задания военного командования. Наш КП сгорел, но бесстрашный электромонтёр Колчев успел вытащить из него телефоны и коммутатор. Новый КП был оборудован в бомбоубежище на привокзальной площади. Но условия работы теперь были другие: на КП долго никто не оставался. Начальник станции лично подавал вагоны с зерном на мельницу, выводил

порожняк. Мне тоже приходилось сопровождать составы, наливать цистерны бензином, откатывать от огня вагоны с ценным грузом. Основные выходы железнодорожного узла были закрыты ещё в ночь с 23 на 24 августа, но выходы на Сарепту и к Волге через Банную продолжали действовать, пока сюда не прорвались наземные войска противника.

☆

М. А. ЖАРКОВ

Вернувшись с постройки оборонительного рубежа у станции Воропоново, я пришёл в свое паровозное депо. Тут уже всё было разрушено. Мне надо было доложить своему начальнику, что я прибыл, и получить от него задание. Начальник работал в убежище. Выслушав мой доклад, он сказал:

— Найди исправный паровоз, заправь его и начинай работать по указанию военного коменданта.

Исправного паровоза найти не удалось. В поисках его я добрался под бомбёжкой до станции Банной. Там в тупичке стоял паровоз с несколькими пробоинами в тендере. Я решил его заправить. Мне дали в помощь группу бойцов. Началась жаркая работа. Одни пилили шпалы, другие забивали пробоины в водяном и нефтяном баках, третьи таскали воду в тендер. Прошло не более полутора часов, как паровоз вновь ожил.

Военный комендант поставил мне задачу: вывезти составы с военным грузом, стоящие на перегоне Сталинград — Разгуляевка, где уже шли бои с немцами, прорвавшимися к заводскому району города. Первый эшелон застрял у Мамаева кургана. Подъехать к нему было нелегко из-за сильной бомбёжки и артиллерийско-миномётного огня. Я не знал, в каком состоянии эшелон, можно ли его тащить. Чтобы выяснить это, я слез с паровоза и ползком подобрался к составу. Осмотр показал, что задание выполнить можно.

При спуске состава на станцию Сталинград-1 противник не сумел повредить мой паровоз, если не считать нескольких пробоин в водяном баке. Но потом немцы увидели, что составы уходят у них из-под носа, и стали засыпать нас минами. При спуске последнего состава прямым попаданием мины в паровоз был сбит клапан Альфа. Вторая мина пробила нефтяной

Железнодорожники Сталинградского узла не прекращали работы во время налетов вражеской авиации

бак. Все мои усилия удержать пар и нефть были тщетны. Паровоз без пара спустил состав к станции и на этом закончил свою боевую жизнь.

Я решил, что надо найти другой паровоз. Пробираясь среди горящих вагонов — где бегом, где ползком,— я нашёл на южной стороне станции паровоз № 3783. Проверил — исправный, но наличие воды и топлива позволяло только добраться до станции Банной. У меня не было уверенности, что смогу на станции набрать воды и топлива; поэтому, подготовив паровоз к заправке, я побежал на Банную. Убедившись, что сомнения были напрасны, поспешил обратно к паровозу. Со мной пришёл помощник машиниста Максимов. В эту ночь нам пришлось с ним потрудиться, так как паровоз стоял на повреждённом пути и, чтобы вывести его из тупика, надо было сменить одно звено рельс. Немцы навесили в воздухе много «люстр», и мы работали при их свете.

На Банную прибыли утром. Набрав в паровоз воды и топлива, я доложил коменданту, что готов к выполнению дальнейших заданий.

Задание было дано немедленно: взять с разливки две цистерны с горючим, одну цистерну с водой и доставить их к лесочку у разъезда Разгуляевка, куда подойдут автомашины. Этот перегон находился под особым наблюдением противника, поставившего себе целью не выпустить из Сталинграда к нашей передовой линии ни одной цистерны с горючим. Мы с Максимовым прорывались сквозь ураганный огонь, попеременно забивая пробоины то в цистернах, то в паровозе. Несмотря на эти трудности, горючее было доставлено в указанное место.

На обратном пути при подъезде к входному семафору станции Банной паровоз был разбит прямым попаданием снаряда; при этом тяжело ранен мой помощник. Я вынес товарища Максимова из паровоза, положил на плащ-палатку и дотащил до берега Волги, где сдал медсёстрам, отправлявшим раненых на левый берег.

Когда я доложил о своём положении коменданту, он сказал, что паровоз можно найти на станциях Волжская или Ельшанка; надо взять двух бойцов и пойти с ними туда. Мы пошли ночью. Не доходя до станции Волжской, я увидел за мостом во тьме силуэт паровоза. Подойти к нему было невозможно — мост обстреливался артиллерийским и миномётным огнем. Мы легли и ползком добрались до паровоза. Паровоз стоял под парами, но бригады на нём не было. Наличие воды и топлива позволяло двигаться. Только я закончил осмотр паровоза, как подошёл какой-то военный и спросил:

— Бригада есть?

Я ответил:

— Есть один машинист.

Он сказал, что надо сейчас же взять вагон с пшеницей и доставить на станцию Сталинград-1 на мельницу. Понимая важность этого задания, я приступил к выполнению его, не требуя, чтобы приказ подтвердило мое начальство.

До Мясокомбината мы доехали легко, дальше путь был под огнём. На переезде нас встретил начальник станции Сталинград-1 Тимошенко, и мы вместе с ним подали на мельницу пшеницу, а потом стали убирать оттуда вагоны с мукой. Мельничный путь был всё время под обстрелом, но я запасся разными инструментами и устранял повреждения как паровоза, так и пути. Как ни старался враг парализовать работу мельницы, это ему не удалось.

☆

Л. А. МАЙДАНОВ

Когда началась эвакуация сталинградского железнодорожного узла, меня зачислили в оперативную группу, которая должна была остаться для выполнения заданий военного командования. Первой моей работой во фронтовой обстановке была перевозка зерна со станции Банной на мельницу. На Банной стояло 120 вагонов с хлебом. Мы перегоняли их на мельницу, зерно немедленно размалывалось и развозилось на машинах по воинским частям, защищавшим город. Только была закончена выгрузка последнего вагона, вблизи разорвались две бомбы. Меня выбросило воздушной волной из вагона; я сильно ушибся и потерял сознание. Придя в себя, я поднялся, подошёл к паровозу и, убедившись, что машинист жив, сказал, что можно ехать.

Машинист показал на седьмой путь. Там горела цистерна с керосином. Керосин разлился, огонь полыхал и на нашем пути. Я решил, что ехать все-таки надо, и влез на паровоз. Подъехав к горящей цистерне, мы открыли регулятор, и паровоз с семью вагонами проскочил через пламя.

На шестом пути рядом с горящей цистерной стояли вагоны — и гружёные и порожние. Они загорались, надо было их спасать. Это удалось сделать. Семнадцать не тронутых огнём вагонов было отцеплено от горящих и привезено на станцию Банная. После этого комендант станции приказал нам вернуться в Сталинград и при любых условиях привезти оттуда два вагона с медной проволокой и телефонными проводами, стоящие на 2-м северном пути, чтобы в Банной перегрузить их на баркас.

Машинист, узнав, что надо ехать опять в Сталинград, выглянул из окошечка, посмотрел в сторону города и покачал головой.

— Видишь, что делается в Сталинграде,— куда поедешь? Но что бы там ни происходило, ехать надобно.

И мы поехали.

В Сталинграде, вытаскивая вагоны с проволокой, несколько раз приходилось прятаться в щели, так как враг всё время бомбил железнодорожный узел. Всё-таки мы взяли эти вагоны и отправились обратно на Банную. Поровнявшись с Мамаевым бугром, остановились: впереди немецкие самолёты бомбили так, что, казалось, невозможно проскочить. Подождав, пока впереди поутихнет, поехали дальше. Подъезжая к семафору, я увидел, что

на нашем пути стоит бронепоезд, бьёт по немецким самолётам; крикнул машинисту: — Держи машину!

Машинист остановил паровоз у самого бронепоезда. Я слез и попросил командира пропустить нас на станцию. Он осадил бронепоезд. Путь был открыт, и мы доставили вагоны на место.

Особое задание

☆

А. П. МОДИНА

Работники Ворошиловского райкома партии и райкома комсомола были переведены на КП, в подвал на углу Баррикадной и Клинской, а мне и Шуре Агеенковой пришлось остаться дежурить в райкоме. Часть здания была уже снесена бомбой. Я сидела с телефоном на полу в углу полуразрушенного кабинета и отвечала на звонки. Мне задавали разные вопросы. «Ну, как?», «Какое положение на передовой?», «Как вы себя чувствуете?» Некоторые товарищи говорили:

— Крепитесь, крепитесь, товарищ Модина!

Шура Агеенкова лежала на полу в коридоре, чтобы заменить меня, если потребуется. Потом ее вызвали на КП.

И вот последний звонок секретаря райкома партии товарища Одинокова:

— Товарищ Модина, вы живы?

— Да,— ответила я.

— Давайте, перебирайтесь на капе,— сказал он.

Я собрала все документы, двести чистых бланков комсомольских билетов, сложила их в пачки, перевязала, обвесилась ими и выбралась на улицу. От подвала КП меня отделяли три пылавших квартала. Пока я пробежала их, на мне обгорело платье. На КП мне предложили переодеться в мужскую одежду. Мне дали чёрную форму ремесленного училища. Рукава гимнастёрки и брюки оказались очень короткими для моего довольно большого роста, но тут уж не приходилось обращать на это внимание.

Под градом осколков рвущихся бомб шла борьба с бушующим огнем

Вечером секретарь райкома партии уехал на КП Городского комитета обороны, в Комсомольский садик. Наступила ночь, а он всё не возвращался. Мы с Долгановой, инструктором райкома, решили отправиться на розыски товарища Одинокова.

Страшно вспомнить путь по горящему городу. На спуске к Астраханскому мосту, среди моря огня, мимо нас прошёл слон, убежавший из зоопарка. Потом мы встретили двух людей с автоматами, пробиравшихся к Волге. Мы подумали, что это — немцы, разведчики, и остановились в ужасе. Но они прошли, не заметив нас.

В Комсомольском садике, спустившись в глубокое подземное убежище, мы стали спрашивать всех, не видел ли кто товарища Одинокова. Нам

сказали, что Одиноков был здесь, но, кажется, уже уехал. Вдруг из одного тёмного уголка раздается его голос:

— Саша, это ты?

Оказалось, что он хотел уже ехать, но присел и заснул, так как несколько ночей не спал. Он сказал, что мы тоже должны хоть часик отдохнуть. Я только присела на ступеньку лестницы, как тотчас же заснула. В убежище было тихо. Слабо доносились взрывы бомб.

Утром мы вернулись вместе с Одиноковым на районный КП. Вскоре после нашего приезда позвонил дежурный с пожарки номер два. Этот пост находился на крыше одного из соседних домов.

Дежурный сообщил, что на него летят бомбы. Спустя минуту он опять позвонил и сказал весёлым голосом:

— Я жив, товарищи.

Проходит еще несколько минут, и он сообщает, что бомбы летят на КП. Мы стали прощаться друг с другом. Фугаска попала в угол нашего здания. Один выход совершенно завалило. Двоих наших товарищей убило, троих ранило. В наше помещение стал проникать огонь. Выбравшись из КП, мы добежали до садика, что напротив Дома грузчиков, и легли на землю. Признаться, мы уже не знали, что нам делать. Неподалеку от нас, на станции Волжской, горел состав с боеприпасами. Рядом работали пожарники. В нашу сторону летели осколки рвущихся снарядов, бомб и пули. Мимо куда-то бежали коровы и свиньи. Когда я работала, не страшно было — о смерти не думала, а тут подумала, и страшно стало.

Мы пролежали часа два, и вдруг к нам подъехал на машине секретарь райкома. Он вывез нас к заводу имени Петрова, в южную часть города. Там мы расположились на ночь в блиндажах и землянках. Утром к нам приехал на легковой машине секретарь обкома комсомола товарищ Левкин. Он нам сказал, что партийная организация поручила комсомолу выполнение особого задания: весь центр города горит, по блиндажам бродит много беспризорных детей — надо их собрать. Мы поехали вдвоём с товарищем Долгановой.

Трудно было пробираться среди развалин. На улице лежали убитые, на трамвайной линии стояли остовы вагонов. На углу Рабоче-Крестьянской и улицы Молотова мы встретили двух девушек и спросили их:

— Куда вы идёте?

Они были очень взволнованы и ответили:

— Куда глаза глядят.

— Почему вы так отвечаете? — спросила я.

— Ну, скажите, что нам делать! Город горит, за Волгу перебраться трудно.

— Пойдёмте, девушки, с нами работать,— предложила я.

Они посмотрели на нас недоверчиво, спросили:

— А вы кто такие?

Узнав, что я секретарь райкома комсомола, девушки очень обрадовались. Одна из них оказалась кандидатом партии, другая комсомолкой с «Красного Октября».

Наше знакомство началось с того, что мы крепко обнялись. Новые товарищи спросили:

— А что же мы будем делать?

— Прежде всего надо найти место для сбора детей, потерявших родителей,— ответили мы.

Все вместе мы пошли искать, и вскоре место было найдено — три комнаты в подвале Дома грузчиков, где раньше был кондитерский цех. Когда мы занялись расчисткой этих комнат от мусора, к нам подошёл один паренёк, спросил удивлённо:

— Зачем вы это делаете?

Я сказала ему, для какой цели мы расчищаем комнаты. Он посмотрел мне в глаза и спросил:

— А вы кто?

Я ему ответила.

— Вот это здорово! — сказал он.— Здравствуйте, товарищи!.. Я — Миша Медников, комсомолец с Тракторного. Несколько раз пытался добраться до завода — ничего не вышло. Прошу вас — примите меня в свою бригаду, буду делать всё, что вы меня заставите. Могу привести еще одного товарища; он хороший затейник — будет развлекать детвору.

После того как комнаты были расчищены, я вспомнила, что в Доме грузчиков на втором этаже помещался детский сад. Все пятеро поднялись мы наверх и стали перетаскивать со второго этажа в подвал детские столики, скамеечки и раскладушки.

Вскоре к нам присоединилось несколько студенток педагогического и медицинского институтов. Все девушки очень радовались, встречаясь друг с другом, знакомились и сейчас же пристраивались к делу.

Мишу Медникова мы назначили завхозом, велели ему связаться с районным руководством и обеспечить детей питанием. Он привёз целую

машину продуктов. Одна женщина выразила желание работать у нас поваром и принесла свою кухонную посуду.

Мы собирали детей в разрушенных домах, подвалах и на улицах. Тяжело было работать. Подойдёшь взять ребенка, а он не хочет итти — сидит у трупа матери и плачет. Уговоришь, возьмёшь на руки, пойдёшь, а на улице захватит налёт. Упадёшь, прикроешь собой ребёнка и ждёшь, пока затихнет бомбёжка.

В одном доме мы нашли умирающего мальчика-подростка. У него все тело было разбито; он кричал от боли и умолял, чтобы его не трогали. Мы принесли ему продукты, положили возле него на столик. Потом я несколько раз заходила его наведывать. Он лежал один в случайно уцелевшем доме. Я поила его. Он подарил мне свой фотоаппарат.

— Возьми, тетя, на память. Мне он не нужен,— я скоро умру,— сказал он спокойно.

На другой день я опять пошла навестить этого мальчика, но дома, в котором он лежал, уже не нашла. Этот дом был разрушен прямым попаданием бомбы.

Мы собрали около четырёхсот девочек и мальчиков. Наша повариха напекла для них на дорогу несколько вёдер лепешек. Когда мы провожали их к переправе на Волгу, все плакали — и дети и взрослые; нельзя было удержаться от слёз.

Кроме работы по сбору детей, наша бригада занималась эвакуацией населения, строительством баррикад, распространением листовок и газет. Листовки мы расклеивали по заборам, где заборы уцелели, и на развалинах зданий. Газеты разносили по блиндажам и распространяли среди бойцов, которые, переправившись через Волгу, шли на передовую. Помню, как я и Стефа Егорова стояли у Дома грузчиков с кипами газет и вручали их солдатам. Пехотинцы останавливались, от души благодарили и, уходя, махали нам пилотками. Танкисты протягивали руки с башен танков, всадники, проезжая мимо, наклонялись с седел, чтобы взять листовки.

Жили мы тогда в подземелье под крутым обрывом у Кулыгина моста, в так называемом «метро».

Ночью, бывало, только присядешь на койку и заснёшь. Так и спишь, сидя. Вдруг слышишь команду:

— Собирайтесь и идите к Волге, скорее — враг прорвал линию обороны.

Начнешь собираться, волнуешься, торопишься, а тут сообщают уже:

— Враг отброшен,— и мы, довольные, ложимся и тотчас засыпаем.

Два дня

☆

П. Ф. НЕРОЗЯ

Вернувшись с занятий в истребительном батальоне, я уже не застал семью дома. На столе лежала маленькая записочка. Жена наспех написала, что уезжает с последним эшелоном в Уральск.

День был воскресный, у меня имелся свободный часик, оставаться в пустой квартире не хотелось, и я решил съездить на свою бахчу в район авиашколы — привезти арбузов, которых в это лето уродилось немало. Но прежде надо было покушать. Я наскоро приготовил свою любимую яичницу с колбасой, как вдруг раздался сигнал воздушной тревоги.

Я прежде всего побежал в штаб нашего истребительного батальона, а потом с разрешения командира батальона к себе в управление связи.

Секретаря нашей парторганизации товарища Мухина и других коммунистов, в том числе и меня, вызвали в райком партии. Секретарь райкома товарищ Денисова сообщила нам, что враг прорвался к Тракторному заводу, и сказала:

— Сейчас должно прибыть оружие с боеприпасами и снаряжением. Немедленно получайте, чтобы быть готовыми к выступлению в район Тракторного для защиты города.

У меня были ключи от сейфа. С разрешения товарища Денисовой я побежал в свое учреждение, чтобы передать их в отдел. На обратном пути я уже задыхался от дыма, так как кругом горели дома. Мне страшно хотелось пить. Была одна только мысль: добегу до райкома, там, наверное, есть вода — напьюсь. Возле здания райкома меня остановила Денисова. Она была уже в каске, из-под которой выбивались в беспорядке волосы. Денисова показала мне на горящее здание госпиталя, откуда доносились крики. Я понял, что надо бежать туда — спасать раненых. Наши товарищи, ожидавшие прибытия оружия, уже выносили раненых из горящего здания. Ко мне присоединился паренёк небольшого роста, рабочий с завода «Красная застава», боец нашего истребительного батальона Смолкин. Несмотря на то, что всё здание было в дыму, он нашёл где-то носилки, и мы стали выносить с ним раненых.

Сначала мы выносили раненых на улицу, потом было дано указание перетаскивать их в здание детской поликлиники. Впоследствии и это здание тоже загорелось, так что трудно сказать, живы ли эти люди, которых мы спасали из огня. Мне особенно запомнились две девушки в военной форме, которых мы выносили из горящего госпиталя последними, когда уже руки не держали носилок и приходилось в самом пекле останавливаться, чтобы сделать передышку. Одна из них была блондинка, другая шатенка,— обе ранены тяжело.

— Братики, спасите нас,— говорили они чуть слышно, обращаясь к нам со слезами на глазах.

А когда мы вынесли их на улицу, они попросили воды. Мой проворный товарищ по носилкам куда-то побежал и вернулся с большой жестянкой воды. Мы напоили девушек и сами, наконец, напились, а потом стали спасать имущество госпиталя, выбрасывая его из окон, потому что пламя уже преграждало проходы у дверей.

К этому времени прибыла машина с оружием. Так как вокруг все горело — и типография газеты «Сталинградская правда», и Госбанк, и «Дом книги», и здание нашего управления связи,— отряду приказано было собраться в бомбоубежище завода «Красная застава» и ждать там указаний. Командиром отряда был назначен директор этого завода товарищ Якимов. Вскоре он получил указание перейти со своим отрядом в помещение горкома партии. Но когда мы подошли к горкому, здание уже было объято пламенем. Секретарь райкома Денисова распорядилась следовать в бомбоубежище, так называемое «метро». Однако оказалось, что в это бомбоубежище столько набилось народа, что если бы и мы еще втиснулись, людям нечем было бы дышать; и без того малыши уже задыхались — их вытаскивали наверх.

Раздумывать было некогда — над головой летали вражеские самолёты — и мы побежали по Коммунистической улице, там нырнули в подвальчик одного дома, не находившего покоя от взрывных волн. Тут только я вспомнил, что два дня уже ничего не ел. Я обратился к Денисовой с просьбой разрешить мне сбегать к себе на квартиру и, если она еще цела, принести для отряда всё, что найду там из съестного. В этой просьбе меня горячо поддержал товарищ Ивакин, который проживал поблизости от меня, на площади 9 января. Получив разрешение, мы пошли с ним вместе. По пути нам неоднократно приходилось ложиться в самых неподходящих для этого местах, на битые стекла, осколки кирпича и тому подобное. Особенно трудно пришлось на Саратовской улице. Она была объята пламе-

В огне и дыму сталинградцы спасают из горящих домов, складов, магазинов народные ценности

нем с обеих сторон. Один военный окликнул нас и предупредил: «Не ходите здесь, сгорите», но мы решили все-таки пройти. Правда, потом я раскаивался. Даже каски наши накалились. «Вот,— думаю,— вспыхнешь и сгоришь, пропадёшь ни за что».

Добежав до площади 9 января, мы расстались, договорившись как можно скорее вернуться в отряд. Громадный дом № 47 по Краснозаводской, в котором я проживал, был цел; только стёкла повылетали. Открыв дверь своей квартиры, я увидел попугая. Комната была полна дыма, проникавшего с улицы, и попугай задыхался в клетке. Я выпустил птицу на волю, затем схватил простыню и выбросил на неё из буфета всё, что там было: пшено, манку, сухари, масло. На всякий случай,— может быть пригодится для храбрости — захватил еще пол-литра виноградной водки. Яичница стояла на столе, но я только посмотрел на неё с сожалением. Съесть яичницу нельзя было,— сна была покрыта пылью и засыпана осколками оконных стёкол.

Выбежав из дому с узлом за плечами, я направился к тому месту, где условился встретиться с Ивакиным. Было уже темно. На условленном месте я окликнул своего товарища. Он отозвался и вылез из щели.

Как мы ни торопились вернуться в отряд, все-таки опоздали. Когда мы добрались до нашего подвальчика, отряд уже выступил в направлении Тракторного и нам пришлось догонять его.

Рассказ маленького сталинградца

☆

ВОЛОДЯ БЕСФАМИЛЬНЫЙ

У меня никого нет, только одна сестрёнка Рая. Наш дом сгорел. Мы сидели в щели, и Рая плакала — она ужасная плакса. Мама дала ей подшлёпника. Рая еще больше заплакала. Я сказал ей:

— Рая, ты не плачь, мы найдём с тобой другую пещерку и будем жить без мамы.

В горящем Сталинграде

Мама рассердилась, сказала, что я гадкий мальчик, не жалею её. А я нарочно сказал Рае, что мы уйдём с ней в другую пещерку, чтобы она не плакала.

Папа пришёл с завода с ружьём, сказал, чтоб мы никуда не уходили из щели и слушались маму. На заводе бой был. Папа нас защищал от немцев. Все уходили на тот берег Волги, а мы ждали папу. Я плакал, что папа долго не идёт. Папа не пришёл. Его убили немцы. Мама тоже плакала. Говорила:

— Теперь мы одни остались.

Рая — маленькая, она ничего не понимала, просила есть. Мама ходила на Волгу. Там затонула баржа с пшеницей. Мама приносила нам пшеницу. Мы её ели. Она была мокрая. Один раз мама пошла и не вернулась. Была сильная бомбёжка. На нашем дворе красноармейцы рыли окопы. Они увидели, что мама упала, побежали в овраг и принесли её. Мама лежала мёртвая. По ней пшеница рассыпалась. Было очень страшно.

Красноармейцы похоронили маму на дворе и сказали, что отправят нас за Волгу. Мы сидели с Раей в щели и плакали. Красноармейцы принесли нам хлеба и сахара. Они сказали:

— Сидите тихонько, по улице ходит слон.

Я спрашиваю:

— Какой слон?

Они говорят:

— Настоящий слон из зоопарка. У него тоже дом сгорел.

Ночью не стреляли. Я захотел посмотреть на слона и сказал Рае:

— Давай пойдём потихоньку и посмотрим.

Она сказала:

— Давай!

Рая никогда не видела слона. Я взял ее за руку, и мы пошли. На улице никого не было. Рая спрашивает:

— Где же слон?

Я увидел пожар, и мы пошли туда искать слона. Рая не могла итти. Она еще маленькая. Она спотыкается. Я взял её на руки. Немного прошёл и упал вместе с ней в ямку, расшиб себе нос. Рая тоже расшиблась, стала плакать.

— Я хочу к маме.

Я сказал Рае:

— Ты посиди в ямке, а я схожу, только посмотрю слона и вернусь к тебе.— Там горел один дом. Я пошёл туда. Там слона не было. Я заглянул на

другую улицу. Там горело много домов. Мне захотелось посмотреть. Я пошёл, но вспомнил, что Рая ждёт меня, и побежал назад. Я бежал быстро и упал, расшиб коленку. Было очень больно, но я не заплакал. Мне было жалко Раю. Она осталась одна. Я не мог ее найти. Я побежал не в ту сторону и заблудился. На углу стояла пушка. Возле неё были красноармейцы. Один красноармеец побежал за мной. Он взял меня на руки и сказал:

— Куда ты, мальчик, бежишь?

Я сказал, что потерял сестрёнку Раю. Он меня спросил:

— А где твоя мама?

Я вспомнил, что маму убила бомба, и заплакал. Я сказал красноармейцу:

— У меня только одна сестрёнка Рая.

Он меня спросил:

— Как тебя звать, герой?

Я сказал, что меня зовут Владимир Иванович.

Он меня отнёс в подвал к другим красноармейцам.

— Вот,— говорит,— Владимир Иванович потерял свою сестрёнку.

Они спрашивают:

— Как же ты потерял?

Я говорю:

— Пошёл искать слона и потерял.

Они сказали, что слон ушел к Волге, а Рая утром найдётся.

Я не спал, всё думал, что мне хорошо, я поел, а Рая сидит в ямке голодная. Сахар я не ел. Я оставил его Рае.

Утром красноармейцы стреляли из пушки. Я вылез тихонько из подвала и смотрел, как они стреляют. Они меня прогнали, а я все-таки опять вылез.

Ночью пришла одна тетя и сказала:

— Ну, Владимир Иванович, пойдём со мной.

Я пошёл с ней. Поднялась сильная стрельба. Мы долго лежали, потом поползли. Тётя велела мне забраться ей на спину. Мы приползли к Волге. Там было много детей. Я слышу — кто-то плачет. Думаю: наверное, это — Рая. Так и есть — Рая. Она мне говорит:

— А я видела большущего слона.

Другие дети говорят:

— Мы тоже видели.

Мне не жалко, что я не видел слона, зато я нашел Раю. Я никогда больше не оставлю её одну.

Последние слова уезжающих

☆

К. А. БИРЮКОВ

Противник днём и ночью штурмовал переправу с воздуха. Женщины с детьми вереницами спускались с крутого берега к Волге, чтобы сесть здесь на катер, лодку или паром. Когда их захватывал очередной налёт фашистской авиации, они руками рыли для себя норы в прибрежной круче. В ожидании посадки они сидели в этих норах, посылая проклятия врагу. Некоторые семьи жили здесь подолгу. Это были семьи бойцов рабочих батальонов, сдерживавших натиск немецких войск на окраинах заводского района. Трудно им было покинуть город, который защищали их мужья.

Помню, как после одного налёта, задержавшего отправку очередной партии эвакуированных, проходя по берегу, на котором работали сандружинницы, убирая убитых и перевязывая раненых, я услышал стон, доносившийся из груды щебня и досок. Подняв доски, я увидел двух раненых женщин. Вокруг них были разбросаны продукты и кое-какие домашние вещи. Стонала молодая женщина, раненная сравнительно легко. Другая, пожилая, раненная тяжело, лежала молча. Я думал, что она потеряла сознание, но когда подошли вызванные мною сандружинницы, чтобы погрузить раненых на переправу, на глазах у этой женщины появились слезы, и она стала просить, обращаясь ко мне:

— Сынок, ты не трогай меня, не отправляй за Волгу, пусть я лучше в Сталинграде умру.

Не мог я оставить ее на берегу, хотя видел, что этой женщине уже немного осталось жить. Она замолчала и закрыла глаза. Уже на переправе она опять сквозь слёзы посмотрела на меня и прошептала:

— Зря вы меня увозите из Сталинграда.

Помню еще одного старика лет шестидесяти. За спиной у него были мешок и корзиночка, вероятно, с продуктами. Он нёс трехлетнюю девочку, а другую, постарше, вёл за руку. Когда он остановил меня, чтобы узнать порядок переправы, я спросил его:

— А где мать этих детишек?

Он посмотрел на меня так, как будто был очень удивлён вопросом, и ответил:

— Мать убита, отец ушёл в ополчение защищать город.

Мне хотелось узнать, куда он держит путь, но не такое было время, чтобы расспрашивать об этом. Я дал ему место на первом отходящем катере. Он снял со спины мешок, корзиночку, посадил на них девочек и опять, подойдя ко мне, взмахнул рукой в сторону горящего города:

— Похороните фашистов здесь, чтобы они не шагнули дальше.

Потом он вытер рукавом слезу, поцеловал меня и сказал:

— Только не сдавайте Сталинград.

Возвращаясь в город проверить, как идёт подготовка к отправке людей, я встретил по дороге женщину, идущую к Волге с тремя детьми в возрасте от семи до четырнадцати лет. Малыши и мать их сгибались под тяжестью узлов с домашним скарбом. Женщина спросила меня, как пройти к переправе. Я ответил ей, она поблагодарила и пошла дальше, но вдруг остановилась, окликнула меня и подозвала к себе.

— Вот вы военный,— сказала она,— и неужели вы думаете, что Сталинград будет сдан?

— Есть приказ Сталинград не сдавать,— сказал я.

— А скажите,— спросила она,— правда, что товарищ Сталин лично руководит обороной Сталинграда? Говорят, что его видели сегодня в городе.

Так как я помедлил с ответом, женщина сказала:

— Ну, да ладно,— молчите, я же знаю, что это — военная тайна.

НА РУБЕЖЕ У ТРАКТОРНОГО

По тревоге

☆

К. А. КОСТЮЧЕНКО

Утром 23 августа немецкие бомбардировщики налетели на село Орловку, расположенное в пяти километрах в северо-западном направлении от Тракторного. Я тогда работал начальником отделения милиции Тракторозаводского района. Вместе с политруком отделения милиции Хупавым мы решили выехать на машине в Орловку, чтобы на месте оказать помощь населению. Когда мы прибыли туда, бомбёжка уже прекратилась. Село горело. На дороге валялись убитые запряженные лошади. Падая, они перевернули брошенные телеги. Отовсюду доносились стоны. Мы нашли председателя сельсовета — безрукого инвалида — и вместе с нашим шофером начали извлекать из-под обломков заваленных людей. В это время совсем близко от нас разорвалось несколько мин. Я подумал: недалеко от Орловки по Сухой Мечетке — танкодром; там часто проводят учебные стрельбы,— должно быть, произошла ошибка, поставили мишень в сторону села. Только так мог я тогда объяснить минoмётный обстрел этого далекого еще от фронта населённого пункта. В это время к председателю сельсовета подбежал мальчик, крича:

— Дяденька, вон за тем домиком немцы.

Мы обернулись и увидели, как в двухстах шагах от нас, по направлению к дороге, идущей из Орловки на завод, шли цепочкой восемнадцать немецких автоматчиков.

Всё стало ясно. Я как командир истребительного батальона должен был немедленно вернуться в свой район.

Мы едва успели проскочить через мостик при выезде из села.

Вернувшись, я сразу же поспешил к секретарю райкома ВКП(б) товарищу Приходько и рассказал о том, что видел и слышал.

Оказалось, что своим рассказом я только подтвердил то, что уже было известно. До меня в партком Тракторного завода прибежал кузнец коммунист Белосветов, живший у посёлка Рынок.

— Сам видел около четырнадцати немецких танков. На их башнях сидят немцы и едят колбасу.

Белосветову не сразу поверили. Ведь ещё те, которые недавно вернулись с работ на оборонительных рубежах под Орловкой, не видели никаких немцев. Но потом прибежало ещё несколько человек, за ними другие, и все говорили одно и то же:

— Немцы подходят к Сталинграду.

А ведь тогда мы знали, что упорные бои идут на Дону на расстоянии 75—80 километров от Сталинграда. Трудно было сразу поверить тому, что фронт так неожиданно мог приблизиться к нам.

Посланная разведка подтвердила тревожные вести. На крыше Тракторного были усилены наблюдательные посты.

О появлении немцев у стен нашего завода было немедленно сообщено в Городской комитет обороны.

Положение было тревожное. Ведь в северной части города из воинских частей были только зенитчики, прикрывавшие аэродром и Латашинскую железнодорожную переправу, Ремонтно-восстановительный батальон и учебный бронетанковый батальон, который после очередного выпуска еще не укомплектовался.

Штаб 1-го истребительного батальона объявил боевую тревогу.

Прямо с работы, из заводских цехов, не успев сменить спецовки и смыть машинное масло с рук, в штаб начали стекаться бойцы. Начальник штаба, заведующий кафедрой Сталинградского механического института Панченко уже был на своём месте. Люди молча получали винтовки, гранаты, надевали металлические каски, которые сразу придавали им воинский вид.

Плечом к плечу встали бывалые воины — участники обороны Царицына, наша старая рабочая гвардия — и молодёжь, еще никогда не нюхавшая пороха. Отцы и дети были в одном строю. Я подошёл к группе бойцов, уже получивших оружие. Пожилой слесарь с Тракторного рассказы-

По сигналу боевой тревоги бойцы рабочих батальонов получают оружие в своих цехах

вал о том, как в 1918 году товарищ Сталин был на «Красном Октябре» и орудийном заводе.

В это время появившиеся над посёлком немецкие самолёты сбросили первые бомбы на Тракторный завод. Они упали на обойно-кузовой цех.

Командиры истребительных батальонов и отрядов народного ополчения, начальники служб МПВО, начальники цехов были собраны на несколько минут в районном комитете партии. Всем нам было доложено об обстановке. Каждый получил короткое указание, с чего ему начинать, что делать в ближайшие часы.

Нам сразу же выдали на заводе 20 пулемётов, необходимое количество патронов и тысячи полторы гранат.

У всех бойцов истребительного батальона была только одна мысль — скорее в бой.

Я помню, как командир роты, рабочий тракторозаводец Симонов, обратился к молодому бойцу Володину:

— Если хочешь, можешь сбегать домой, попрощаться с родными.

Володин ничего не ответил, только с укоризной посмотрел на своего командира. Они поняли друг друга. Впереди был немец, а позади — горящий родной город.

Не прошло и часа после тревоги, как наш батальон выступил. Мы шли по Дубовской дороге, по которой вчера еще ходили на учебные занятия.

Вслед за нами должны были выступить бойцы танковой бригады народного ополчения.

Впереди, в нескольких километрах от завода, учебный танковый батальон и артиллеристы-зенитчики уже вели неравный бой с немецкими танками.

Мы заняли по боевому расчёту заранее подготовленный оборонительный рубеж, установили пулемёты, окопались и приготовились к бою.

Ночью группа бойцов была направлена в первую боевую разведку. Разведчики обнаружили по Сухой Мечетке от Дубовского моста до посёлка Рынок свыше двух батальонов немцев и тридцать танков, у каменных карьеров, вблизи посёлка Спартановка — около пятисот немецких автоматчиков. Немцы были уже и в совхозе Тракторный и в селе Орловка.

На Мокрой Мечетке

☆

К. М. САЗЫКИН

Люди приходили из цехов, с огородов, из дому — каждый в том, в чём застала его тревога. Некоторые пришли одетые по-праздничному, так как было воскресенье.

Это были бойцы истребительного батальона завода «Красный Октябрь», сформированного из коммунистов-добровольцев. Часть бойцов сейчас же была послана в помощь милиции, наиболее пожилые заняли оборонительный рубеж у нашего завода, в Вишневой балке, а остальные выступили на Тракторный. Все получили винтовки и боевые патроны.

Обстановка сначала была не совсем ясная, слухи противоречили один другому. Мы знали, что ещё накануне фронт был на Дону, и поэтому появление немцев у Тракторного прежде всего вызвало мысль о воздушном десанте. Вскоре всё выяснилось. Противник прорвался на Дону, подкатил на танках с автоматчиками к Тракторному и вышел к Волге у Латашинских садов, севернее города. Таким образом, город оказался в полукольце немецких войск, хотя линия фронта была еще в нескольких десятках километров от него.

Мы не могли ни на минуту забыть, что большинство населения города не эвакуировано ещё, что в городе наши жёны, матери, дети.

Среди наших рабочих было немало участников обороны Царицына в 1918 году. Стариков-царицынцев мы оставили в Вишневой балке, но и в отряде, выступившем на Тракторный, были боевые ветераны, такие, как наш командир Позднышев, рабочий листопрокатки, Бондарев из цеха блюминга, Жеряков из сортового цеха. Все они воевали в 1918 году юношами. Мне тоже в годы гражданской войны пришлось сражаться совсем молодым. Теперь меня назначили комиссаром истребительного батальона. Обращаясь к бойцам, я сказал, как говорили, бывало, старые красногвардейцы молодым добровольцам, впервые державшим в руках оружие:

— Кто боится смерти, пусть сейчас же заявит, мы его отпустим домой, чтобы он не подвёл товарищей своей трусостью.

Но теперь это было лишнее. Давно уже краснозаводцы изучали по ночам винтовки, автоматы, пулемёты и практиковались, бросая в цель

бутылки с зажигательной смесью и ручные гранаты. Все были уже подготовлены к тому, чтобы в жестоком бою защищать город.

Рано утром 24 августа мы выехали с завода на автобусах и, прибыв на Тракторный, заняли рубеж в садике у берега Мокрой Мечетки, по ту сторону которой были уже немцы. Здесь я заметил в рядах бойцов Ольгу Ковалеву, не числившуюся в нашем батальоне. Я не сразу узнал Ольгу, так как обыкновенно встречал ее в цехе, у печи, одетую, как мужчина, в брюки, а тут она была в сером женском костюме, праздничной косынке. Должно быть, накануне у неё был выходной день, она собиралась в город и не успела переодеться, как и многие.

На заводе «Красный Октябрь» Ковалеву знали все. Это была женщина средних лет, выросшая на Волге, в Дубовском детском доме, работавшая сначала каменщиком горячей кладки, потом помощником сталевара и сталеваром. Кажется, она была первой женщиной-сталеваром в Советском Союзе. Ее бригада считалась одной из лучших в мартеновском цехе и последнее время в соревновании сталеплавильщиков занимала ведущее место.

Мы не принимали в батальон женщин, поэтому я сказал Ковалевой:

— Уходи, Ольга! Твое место не здесь.

Она всегда была не особенно разговорчивой. Мне пришлось несколько раз повторить ей: «Уходи, Ольга!», прежде чем она ответила, посмотрев пристально на меня своими чёрными глазами:

— Никуда я не уйду, и ты не имеешь права выгонять меня.

Спорить с ней было трудно. Это была женщина резкая, суровая. Я подумал, что на неё можно положиться — не подведёт — и разрешил ей остаться.

Мы действовали совместно с учебным батальоном танкистов. Сначала сидели в обороне, ожидая наступления немцев из-за Мечетки, но противник атаковывал нас только с воздуха. Тут мы понесли первые потери. При разрыве бомб, упавших в садик, где были наши окопы, погибли Николай Жеряков и рабочий листопрокатного цеха Федор Комчаров. Несколько человек было ранено, их пришлось отправить в госпиталь. Убитых мы похоронили тут же, в садике.

Противник укрепился за Мокрой Мечеткой в хуторе Мелиоративный, у дороги на Дубовку, и, видимо, поджидал подкреплений. Утром 25 августа мы получили танковые пулемёты, и нам приказали перейти Мечетку и занять рубеж для наступления на хутор. Командиры рот Семенов, Мордвинов, политруки Петельский и Едкин провели беседы в своих подразделениях, объяснили задачу, показали маршрут движения, и бойцы двинулись

Рабочие-бойцы Сталинградского Тракторного завода заняли оборонительный рубеж у заводских стен

вперёд. Наступление поддерживалось с Тракторного огнём нескольких танков и пулемётной ротой. За Мечеткой батальон сосредоточивался в ложбине. Минут пятнадцать мы ждали сигнала атаки.

Бойцам не терпелось увидеть врага, притаившегося в хуторе. Они выползали на бугорок, выглядывали из-за него, оживленно передавали друг другу свои наблюдения:

— Забегали фрицы, засуетились.

Я по близорукости своей не видел немцев. Но хуторок был маленький — несколько построек — и мне тоже казалось, что немцев там немного и мы их легко выбьем оттуда.

Взвилась ракета, и, поднявшись во весь рост, бойцы побежали цепью. Правый фланг вёл Позднышев, левый — я.

Противник открыл из хутора сильный огонь. Упал, раненный в грудь навылет, политрук Едкин, ещё несколько бойцов, но батальон быстро продвигался вперёд. Только в середине цепи произошла какая-то заминка. Я бросился туда и увидел Ольгу Ковалеву, стоявшую возле залегшего в лощинке пулемётного расчёта. Размахивая рукой, она что-то доказывала пулемётчикам, чего-то требовала от них.

Дело было вот в чём. Пулемёты мы получили прямо с заводского склада. Перед наступлением нехватило времени, чтобы разобрать их и как следует протереть. А в этот день был очень сильный ветер с песчаной пылью — «сталинградский дождь», как говорят у нас. Густо смазанные пулемёты быстро забило песком, и они стали отказывать в работе. Ребята, с которыми спорила Ольга, залегли, чтобы разобрать пулемёт и протереть его.

Ольга добивалась, чтобы они вернулись в цепь. Она была возмущена, что ребята, имея винтовки, возятся с неисправным пулемётом, доказывала им, что они не имеют права отставать от товарищей, что сначала надо взять хутор, а потом уже приводить в порядок пулемёт. В пылу возмущения Ольга, должно быть, забыла, что стоит под огнём противника; похоже было, что это происходит не на поле боя, а в цехе. Она командовала тут, как у себя в бригаде, у мартеновской печи.

Должно быть, оттого, что поле, по которому мы наступали, у самого завода, все хорошо знали, бойцы чувствовали себя здесь полными хозяевами и их сначала трудно было заставить маскироваться, делать перебежки. Люди бежали, не пригибаясь, в перегонки, стремясь как можно скорее добраться до противника, точно были уверены, что как только они доберутся до него, дело будет кончено.

Потом мы слыхали, что немцы не сразу поняли, кто это идёт на них в атаку. И одежда наша их смутила — очень пёстрая: кто в шлеме, кто в кепке, кто вовсе без головного убора, а особенно, должно быть, их поразило то, что мы издалека поднялись в атаку, когда надо было ещё передвигаться перебежками. Они вообразили, что это моряки на них несутся, и начали уже было отступать. Мы видели, как немцы бежали к роще, что за хутором, но к этой роще уже подходили истребители-тракторозаводцы, наступавшие навстречу нашему левому флангу, и немцы, возвращаясь назад, метались по хутору. Вдруг с правой окраины хутора нам стали давать сигналы прекратить огонь. Мы не понимали, в чём дело, и продолжали стрелять с хода, пока к нам не прибежал связной тракторозаводцев, сообщивший, что правая сторона хутора уже занята их батальоном. Тогда по цепи была передана команда взять левее.

Наш левый фланг был уже у самого хутора, но немцы оправились и, отбив тракторозаводцев, обрушились на нас сильнейшим миномётным огнем. Часть наших бойцов задержалась у дороги, идущей на Дубовку. Здесь стояло два подбитых танка. Это были танки учебного батальона. Накануне танкисты, как обычно, вышли сюда на полевые занятия. Увидев какие-то машины, появившиеся на бугре, они решили, что это их условный «противник». А это оказался самый настоящий противник. Оба танка были подбиты раньше, чем их экипажи поняли свою ошибку.

Подбитые танки послужили для нас хорошим укрытием. Часть бойцов, залегших за танками, вела огонь по возвращавшимся из рощи немцам, а часть ворвалась в хутор.

В центре цепи продвигалось отделение помощника мастера мартена № 1 Кузьмина, в составе которого была Ольга Ковалева. Она заметила немецкого автоматчика, стрелявшего с чердака одной хаты, и стала подползать к нему, маскируясь в высохшей траве. Потом я потерял ее из виду, так как бежавший рядом со мной командир взвода Юшин упал, раненный в грудь, на середине дороги и мне надо было оказать ему помощь — оттащить в укрытие. Там лежали пустые бочки из-под керосина. Только я оттащил за них Юшина, как на дворе хутора был убит пулемётчик Орлов. От меня до него было всего метров десять, но все мои попытки подползти к нему, чтобы взять его пулемёт, оказались тщетными. Это расстояние простреливалось немецкими автоматчиками, они не подпускали меня к убитому.

Мы потеряли уже много товарищей, а миномётный огонь всё усиливался. Поэтому я приказал бойцам отползти метров на сто от хутора, в зелёную посадку. Убедившись, что все раненые вынесены, я тоже стал

отползать. Чтобы не выпускать из глаз противника — больше всего мы боялись попасть живыми в руки немцев,— я отползал, пятясь, и вот чувствую, что ноги во что-то упираются. Это была Ольга Ковалева. Она лежала убитая, ничком, раскинув руки. Косынка с головы слетела, ветер растрепал волосы, у правой вытянутой руки — винтовка, у левой — выроненная граната, лицо окровавленное, левый глаз выбит. Видно было, что она упала, когда бежала вперёд.

Немцы перебегали двор хутора в нескольких десятках метров от меня. Я успел только взять винтовку и гранату Ольги, чтобы сохранить на вечную память об этой мужественной женщине, не уступившей своего права защищать родной город. Неподалеку от Ковалевой лежал убитый командир ее отделения Александр Кузьмин.

В этом же бою погиб и командир батальона Позднышев. Не увидев меня среди бойцов, отступивших в зелёную посадку, он подумал, что, может быть, я лежу раненый и меня не заметили среди убитых, решил меня спасти и пополз с двумя бойцами обратно к хутору. Я не встретил его. Он был убит, когда осматривал трупы, разыскивая меня.

Ночь мы провели в обороне. Нас осталось всего сорок три человека. Меньше половины... На следующий день на наш участок прибыло два танка, и мы опять пошли в атаку. Танкисты, молодые, азартные ребята, вырвались вперёд. Немцы отрезали нас от них миномётным огнем и стали бить по танкам. Им тоже пришлось вернуться, не дойдя до хутора. После этого нам приказано было больше в атаку не ходить, держать оборону. Наша численность уменьшилась до 34 бойцов.

С часа на час мы ожидали атаки со стороны противника, но почему-то противник не шёл в атаку. Ночью бойцы Лодянов и Сисеров вызвались пойти в разведку. Вернувшись, они сообщили, что немцы зарываются в землю, рубят лес, строят блиндажи, землянки, указали танкистам места, где ведутся эти работы, и танкисты по этим местам дали огонь.

Со стороны хутора часто доносились стоны и крики: «Товарищи, помогите!», «Ваня, выручай!» и тому подобные. Трудно сказать, что там происходило,— может быть, это немцы нас провоцировали, заманивали в засаду, может, действительно, наши люди, попавшие в руки врага, звали на помощь. Тяжело было слышать доносившиеся из тьмы стоны и крики. Не раз бойцы готовы были ринуться на помощь, только строгий приказ удерживал их от этого.

В обороне мы просидели несколько дней, не вылезая из окопов. Только ночью кто-нибудь ходил на Тракторный за продуктами. Противник об-

Бойцы рабочих батальонов отбивают атаки немецких танков

стреливал нас из миномётов, пулемётов, автоматов. Как-то утром мы увидели двух командиров, вышедших из оврага Мечетки и смотревших в бинокль. Я лежал в нескольких метрах от них, в лощине. Они меня не видели.

— Чего смотрите? — окликнул я их.

Они подошли ко мне. Это были лейтенант и сержант. Я представился.

— На смену вам пришли,— сказал лейтенант.

— Вдвоём? — удивился я.

Они засмеялись:

— Такой у нас порядок.

И оба вернулись вниз. Потом из оврага стали подниматься группы бойцов. Одна за другой.

— Струхнул немец, не идёт в атаку? — спросил меня пожилой командир в очках.

— Днём и ночью топорами стучат,— ответил я.

Он спросил меня, куда можно выдвинуть наблюдателей. Я показал на лощинку метрах в 80 от хутора.

— Не годится, надо поближе к противнику,— сказал он.

Я не понял: как, думаю, ближе, ведь место открытое — не доберёшься! Когда мы отходили в тыл, я видел, как два красноармейца поползли в сторону хутора.

Вместе с моряками

☆

Б. М. БОРОДИН

Я стоял на посту в тамбуре сборочного цеха нашего завода имени Сакко и Ванцетти. С моего поста видно было, как летели бомбы на завод и мимо него. Первая бомба разорвалась около газосварочного заготовительного цеха. Посыпались стёкла, земля. Рабочие выбежали из цеха. Не успели они добежать до середины двора, как вторая бомба попала прямо в цех. Все кинулись к щели. Мне тоже хотелось укрыться, но меня остановила мысль, что я стою на посту. Когда немного утихло, я стал тушить загоревшуюся крышу. Мне помог, таская воду вёдрами, начальник пожарной команды товарищ Панченко.

У нас пожар ликвидирован, но кругом всё в огне. Я подхожу к телефону, снимаю трубку, набираю номер кабинета директора, чтобы отдать рапорт, а сам думаю: конечно, телефон не работает и товарища Афанасьева, может быть, уже и в живых нет, и кабинета его не существует. Вдруг слышу в трубке гудки — значит работает! Не верится: неужели действительно работает? Да, всё в порядке. Вот, слышу, снимают трубку, слышу голос Афанасьева. Он называет свою фамилию, но я все-таки спрашиваю:

— Товарищ Афанасьев?

— Я, товарищ Бородин,— отвечает он.

Никогда не думал я, что можно испытать такую радость, услышав в телефонной трубке гудки, а потом знакомый голос.

Эвакуация раненых за Волгу

Я доложил о положении, всё по порядку, и получил команду оставаться в цехе.

Потом в цехе собралось трое: я, дежурный диспетчер Смирнова и оператор Тупикина. Мы стали закусывать и говорить о том, что жизнь продолжается, значит, завод должен работать, но как обеспечить завтра выполнение суточного графика по варке деталей к оружию, если газосварка уничтожена бомбой? Обдумываем устройство времянки. Вдруг — звонок телефона. Директор завода поручил собрать всех коммунистов и явиться к нему в кабинет.

— Срочно, немедленно,— сказал товарищ Афанасьев.

Посылаю оператора обежать всех, передать вызов к директору. Когда мы собрались у него в кабинете, там уже ждало нас много товарищей. Директор стоял за своим столом.

— Товарищи,— сказал он,— по указанию райкома партии мы должны сейчас организованно итти на помощь Тракторному. Я должен опросить и записать, кто каким оружием владеет.

Рабочие по очереди подходили к столу. Остаток ночи мы просидели в саду, в щелях, ожидая оружия. Бомбы рвались одна за другой. Разгорались пожары. Слышны были крик и плач детей.

Утром нас разбили на взводы; мы получили винтовки, каски. Начался марш через горящий город на Тракторный завод. Фашистские самолёты делали заход за заходом. Мы пробегали улицы гуськом по теневой стороне. Там, где горели сухие деревянные постройки, пройти было невозможно; там на середине мостовой загорались даже домашние вещи, выброшенные жителями из окон. Пожары сливались в общую массу огня. Остановишься, оботрёшь льющийся с лица пот и бежишь в другую сторону, ищешь проход в огне.

Мы решили выйти из застроенной домами территории. Нам удалось вырваться к Мамаеву кургану. Здесь мы рассыпались по кустарнику и пошли к полотну железной дороги. Перейдя его, взяли направление на Тракторный.

Сборный пункт ополченцев был около цирка, на склоне садика. Мы прибыли сюда уже к вечеру. Здесь нам выдали патроны и галеты. Мы набили ими все карманы, а оставшиеся сунули за пазуху. Со стороны Мечетки доносилась пальба. Там держали оборону рабочие батальоны, военные моряки и части НКВД.

Опять мы сидели ночью в щелях, ожидая приказа. Наконец, раздалась команда:

— Бойцы с завода Сакко и Ванцетти, выходить строиться!

Мы построились. Группа рабочих и специалистов нашего завода, состоявшая из слесарей, молотобойцев, начальников цехов, под командой главного инженера была передана на пополнение отряда моряков.

Этот отряд только что ходил в атаку на немцев, укрепившихся неподалеку от Тракторного в зоне зелёных насаждений, и понёс большие потери. Моряков осталось немного. Они занимали оборону на северном берегу Мокрой Мечетки, возле посёлка Спартановка.

Нас тоже было мало. Перейдя железобетонный мост через речку, мы поднялись на бугор и стали рыть окопы вместе с моряками. Немцев не было видно. Они находились в километре от нас. К рассвету окопы были вырыты глубиной по грудь и замаскированы бурьяном. Немцы открыли огонь из миномётов и пулемётов.

Мы стояли в окопах вперемежку с моряками. Приказ был не пропускать немцев через мост. Мы уже приготовили гранаты для отражения

атаки, но немцы не вылезали из густого кустарника и из подбитых танков, стоявших в поле. Целый день палили они оттуда по нашим окопам. В ответ била с Волги через Спартановку наша артиллерия.

До ночи нельзя было спуститься в Мечетку за водой. Мы не вылезали из окопов, обмазали глиной свои каски, чтобы они не блестели на солнце, но все-таки несли потери. Первым погиб рабочий Сиротин. Ночью мы похоронили его в садике посёлка. Этот боец был не с нашего завода. Он присоединился к нам по пути. На другой день был тяжело ранен Третьяков — секретарь комсомольского комитета нашего завода. Он уже умирал, но мы думали, что его ещё можно спасти. Положили на плащ-палатку, и один боец, не страшась огня, потащил его по полю с бугра вниз к Мечетке. В тот же день ранило слесаря Добжанского. Рана была большая, но Добжанский не захотел, чтобы его выносили. Он продержался до ночи, а потом сам пополз.

Немцы в темноте затихали, только изредка постреливали из автоматов да развешивали над нами «фонари».

Несколько дней мы сидели в окопах в постоянном напряжении, ожидая атаки; но немцы в атаку не шли, только стреляли.

Когда у нас окончились галеты, старшина моряков стал ходить за продуктами на завод. Для этого надо было спуститься к Мечетке, подняться на противоположный высокий берег и перебраться через шлаковую свалку на виду у немцев. Но этот старшина был отчаянно храбрый моряк. Он отправлялся за продуктами даже днём. Мы все следили за ним, когда он полз. Смотришь — поднялся на шлак и скрылся, а обратно лезет уже с мешком на спине. Один раз он привёз продукты ночью на тарантасе прямо к окопам. Лошадь тут же была убита, но старшина остался невредим.

Нас сменили сибиряки. Мы увидели их на рассвете. Они поднимались на бугор из оврага Мечетки, тащили на себе пулемёты, миномёты. По чёрным от пыли лицам видно было, что они, спеша к нам на смену, проделали большой путь. Вылезая из оврага, они тут же устанавливали свое тяжёлое оружие, занимали оборону. Нам приказано было сползти к Мечетке и итти в Нижний посёлок.

В цехе сборки танков

☆

П. А. СМИРНОВ

Когда у нас на Тракторном стало известно, что фашисты прорвались к Латашинскому саду на Волге, что в 2—3 километрах от нашего завода, экстренное партийное собрание вынесло постановление: считать всех коммунистов и комсомольцев мобилизованными, из цеха не уходить, удесятерить свои силы и при любых условиях продолжать сборку танков.

Многие из нас, семи тысяч комсомольцев, прибывших со всех концов нашей великой Родины в конце 1929 и начале 1930 годов по путёвкам ЦК ВЛКСМ в Сталинград для строительства первенца сталинских пятилеток, вспомнили в этот тревожный вечер свою жизнь. Мы вспомнили и первую суровую зиму, когда мы, строя завод, одновременно учились на профтехкурсах ФЗУ, и день великой радости всего нашего народа — 17 июня 1930 года, когда со сталинградского конвейера сошел первый трактор, и тот напряжённый период, когда комсомольцы не знали, что такое день и что такое ночь, жили одной целью — за шесть минут сдавать трактор. Эта цель давно уже осталась позади; мы шли вперёд и вперёд, осваивая производство новых марок машин и моторов, стремясь к таким, которых нет ни в одной стране мира. Комсомольцы становились коммунистами, рабочие — техниками и инженерами. Уже приехавшие со мной комсомольцы, такие, как Анатолий Яковлев, Александр Лебедев, Иосиф Берлинер, были начальниками цехов, а Георгий Веков — заместителем главного инженера СТЗ. Казалось, с каждым годом солнце всё ярче и теплее освещало и согревало нашу жизнь, отраднее становился наш труд. Счастье победы наполняло грудь при виде того, каким стал наш завод с его благоустроенными посёлками, театрами, клубами, школами и вузами. И вот чёрная туча фашистских извергов нависла над нашим городом. Город в огне, и враг подходит к воротам завода, где расцвела наша жизнь.

В этот вечер были организованы рабочие отряды. Они ушли на линию обороны во главе с мастерами-коммунистами: Дороговцевым, Клепиковым, Климоновым и беспартийным бригадиром Михайловым. Несмотря на ожесточённый обстрел и бомбёжку, вторая смена явилась почти в полном

Бои шли у стен завода, а цеха работали

составе и приступила к работе совместно с оставшимися бригадами первой смены. За ночь было собрано танков в два с лишним раза больше, чем собиралось обычно, и, кроме того, доукомплектовано 78 танков, которые прямо из цеха вместе с рабочими, составившими их экипажи, ушли на рубежи обороны.

На следующий день коммунисты цеха, собравшиеся в партбюро, чтобы получить задание, увидели из окна эскадрилью вражеских самолётов, которая шла на наш цех. Мы не успели выйти из помещения, как раздался взрыв огромной силы, стены и потолок обрушились. Отделавшись ушибами и небольшими ранениями, мы с трудом выбирались из-под обломков и, наскоро перевязанные медсестрой Менской, бросились тушить пожар.

Цех горел во многих местах. Пожарные шланги не действовали, воду приходилось подавать вёдрами. До позднего вечера шла борьба с огнём. В эти страшные часы, когда пламя, вырываясь огромными факелами, готово было охватить весь гигантский цех, особенно героически вели себя крановщики мостовых кранов молодые девушки Шура Ларина и Таня Шпакова, работавшие под руководством энергетика цеха коммуниста Марукова. Вокруг них взрывались авиабомбы и полыхал огонь, но они не покинули своих рабочих мест в кабинках, сохранили спокойствие. Благодаря их отваге и стойкости все танки при помощи мостовых кранов были перенесены в безопасное место, за что цех получил благодарность от генерала танковых войск.

В этот день бойцы рабочего батальона, не успевшие смыть с рук машинное масло, вели бой с немцами на берегу Мокрой Мечетки, в 700—800 метрах от завода. Многие из них впервые были в бою, но за их спиной величаво стоял, жил, дышал объятый пламенем любимец страны — Тракторный — и со двора его в бой шли танки, экипажи которых составляли рабочие, сделавшие эти танки. Многие в эти дни погибли. На поле боя смертью храбрых пали товарищи Фомин, Иванов, Володин, Симонов, а на своем рабочем месте при взрыве авиабомбы погиб коммунист — орденоносец Редькин. Но не дрогнули тракторозаводцы в бою, не дрогнули они и в цехе, защищая от огня свои рабочие места.

Так проходили дни. Коллектив цеха редел — многие уходили на позиции. Оставшиеся работали за пятерых, семерых. Уже нельзя было сказать, кто рабочий, а кто боец. Особенно ярко вспоминается сейчас рабочий Макаров. Он вместе с Истоминым осматривал пришедший с поля боя

искалеченный танк, заваривал пробоины, заменял дизеля, до вечера не отходил от машины, а вечером садился на место водителя и вёл танк в бой.

Коммунисты Васин, Козлов, Осипов работали на забронировке. Козлов и Осипов удивлялись, говорили:

— Откуда у вас, товарищ Васин, берётся сила?

Они работали не меньше его. Васин смеялся:

— А у вас откуда берётся сила?

Самое замечательное было то, что люди, работая день и ночь, даже тогда, когда в цехе рвались снаряды и бомбы, не теряли жизнерадостности. Глубокое уважение в эти дни у всего нашего коллектива цеха заслужил наш энергетик Тимофей Максимович Маруков. Мостовые краны, электроосвещение, связь то и дело выходили из строя, но Маруков сейчас же находил повреждения и исправлял их. Взрывная волна нанесла ему тяжёлый ушиб; в другое время после такого ушиба человек неделю бы пролежал в больнице, а Тимофей Максимович поднялся и сейчас же стал продолжать прерванную взрывом работу. Он работал круглые сутки. Военные товарищи, когда бы они ни заходили в наш цех, всегда заставали здесь Марукова.

— Тимофей Максимович, когда же вы спите? — спрашивали они.

— А я сплю, когда хожу, чтобы времени зря не терять,— смеялся он.

И, кажется, это была правда. Иногда он на ходу натыкался на стены и потом встревоженно оглядывался.

Со всех направлений Сталинграда съезжались к нам командиры танковых подразделений, и каждый просил отремонтировать его танк как можно скорее. Мы старались одинаково для всех, но так, чтобы каждый думал, что ему оказывается предпочтение. Я помню командира из одной гвардейской дивизии, пришедшего к нам поздно ночью и до глубины души обидевшегося, что какой-то другой командир уже получал свой танк, а его танк ещё не был готов. Не хотелось, чтобы он ушёл от нас с чувством обиды, и усилиями всего коллектива его танк был сейчас же отремонтирован.

Мы жили в блиндаже, как солдаты на фронте. Неподалеку от блиндажа приспособили котёл для варки пищи. Поваром был товарищ Васин. Однажды, когда он готовил обед, бомба вдребезги разнесла всё вокруг его кухни. Мы решили, что наш повар погиб. Бомбы падали на нас одна за другой, так что разыскивать тело Васина среди развалин не было никакой

возможности. И как велика была наша радость, когда он поздно вечером явился в блиндаж и, словно извиняясь, сказал:

— Вот, чорт, чуть-чуть фашисты не угробили.

Товарищи стали спрашивать, не ранен ли он.

— Бок немного поцарапало,— сказал Васин.

Посмотрели мы на эту царапину и увидели глубокую рваную рану с запекшейся кровью.

Комсомольцы Тракторного

☆

Л. ПЛАСТИКОВА

Ночью 23 августа, когда уже стало известно, что немцы прорываются к Тракторному заводу, всю ночь в райком группами и в одиночку шли комсомольцы. Они приходили и требовали, чтобы их послали на фронт. Каждый хотел, чтобы вопрос о нём был решен немедленно. Если же вопрос решался не так быстро, комсомольцы волновались.

В райкоме стало многолюдно. Уже на окнах и на ступеньках у входа в здание появились юноши и девушки с винтовками и автоматами.

Я как секретарь райкома должна была сказать несколько слов уходившим на фронт, но где найти такие слова, которые бы выразили все наши чувства? Ведь все мы тогда ощущали себя наследниками великой славы Царицына, детьми Сталинграда.

В темноте прозвучали строгие слова:

— Постройтесь, товарищи!

Зарево пожаров освещало памятник Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому. Это он как бы говорил нам, указывая протянутой рукой на завод: «Это ваше детище, гордость, жизнь!»

Я не знала, с чего начать свою речь, а потом вспомнила Николая Руднева, о котором мы часто говорили на комсомольских собраниях, и просто ещё раз рассказала о том, как в дни обороны Царицына он бросился на врага и ценою своей молодой жизни спас положение.

От уходивших на передовую линию фронта выступил член райкома Боря Фомин.

— Вот стою я на родной земле и думаю: не для того мы построили на этой земле такой завод, чтобы отдать его. Не для того росли в семье сталинградцев, чтобы о нас кто услышал плохое, — говорил он.

Тут же комсомольцам вручали оружие. И вот снова строго звучит команда. Первый отряд уходит на боевой рубеж. Комсомольцы плечом к плечу с коммунистами вышли на линию огня. Впереди идут наши комсомольцы-активисты — член бюро райкома Коля Тимошенко и Леня Супоницкий. Как много можно рассказать о них! Сколько было в них силы, бодрости и уверенности! Как с первого дня войны рвались они в армию! Но их не отпускали с завода.

Леня Супоницкий выбежал из строя и на ходу крикнул мне:

— Лида, сберегите кисточки и краски, они ещё пригодятся.

Супоницкий неплохо рисовал и не раз признавался, что мечтает стать художником.

Мне от этой просьбы стало на душе легче, спокойнее. Человек уходит в бой и не забывает о кисточках. Сколько в нём уверенности в победе и любви к жизни, к работе!

Навсегда останется в памяти одна из первых штурмовых ночей. Вот рядом со мной залегла Шура Варламова. Она торопливо переменила диск автомата и открыла огонь по немцам. Я поползла дальше. Таня Никина ранена. Она побледнела и медленно опустилась на землю.

— Ползи в сторону,— крикнули ей из темноты. Но Таня отрицательно качнула головой и снова стала целиться в немцев.

Сергей Гаврилов и Коля Тимошенко ползком по канаве пробрались к подбитому танку и залезли в него. Орудие танка было в исправности. Комсомольцы стали ждать приближающихся к танку фашистов. Подпустив их метров на сто, ребята открыли огонь. Немцы отошли и стали бить по танку из орудий и миномётов. Это не испугало наших комсомольцев. Они продолжали сражаться, не выходя из подбитого танка, пока связной не передал им приказ — вернуться в окопы.

Наш Костя Сулимов, стахановец из механического цеха, простой и скромный парень, умел управлять танком. Вместе со своими друзьями он на танке ринулся на врага. В первом же бою Костя был ранен. У него был разорван бок и ранена голова. Когда девушки-санитары подняли

Костю, он вырвался из их рук и побежал вперёд. Пробежав немного, он упал и начал бить кулаком о землю. Далеко раздавался его голос:

— Петя, еще немного до высоты. Нажми, голубчик.

Ещё день назад тревога сжимала сердце: как поведут себя в тяжёлых боях наши необстрелянные юноши и девушки? Теперь же мы знали: тракторозаводская молодёжь во главе с членами ленинско-сталинского комсомола с честью выполняет свой долг перед Родиной.

Раньше мы многих из них знали просто как своих товарищей, а теперь гордились ими и говорили о них как о героях.

Тогда всё было рядом: и передовая, и строительство баррикад, и завод.

На строительстве баррикады у Нижнего посёлка работал Миша Ларин. За один день на заводе у него погибли отец и братишка, а в развалинах родного дома погибла мать. Миша работал на баррикаде вместе с шестнадцатью комсомольцами. Они как бы не замечали ни миномётного обстрела, ни бомбёжки. Хотели как можно скорей выстроить баррикаду. Этим они мстили за горе своего товарища. Их баррикада была выстроена раньше других. Миша Ларин пришёл с рапортом о выполнении работы и тут же сказал:

— А теперь прошу — пошлите на фронт.

Когда сейчас вспоминаешь всех наших комсомольцев, они кажутся до того прекрасными, до того близкими, что трудно рассказывать о каждом в отдельности — и о тех, кто сражался, и о тех, кто на заводе ремонтировал танки.

Секретарь комитета комсомола сборочного цеха Петя Корчагин, не отрываясь от работы, говорил:

— Торопитесь, товарищи. Чуть опоздаем — плохо будет.

Когда немецкие танки прорывались к заводской площади, комсомольцы под руководством Петра Корчагина в разрушенном, горящем цехе продолжали ремонтировать танки. Только закончили ремонт — многие комсомольцы сели в танки и прямо же из цеха выехали в бой. Вместе с ними был и Пётр Корчагин, который вскоре прославился на фронте как отважный танкист.

В один цех попало несколько бомб. Уцелели только лестничная клётка и постовая будка. Ещё не рассеялись дым и пыль, ещё над заводом завывали немецкие самолёты, а из убежища выскочил паренёк. Он быстро стал карабкаться по лестнице. Через несколько минут он спустился обратно, прижимая к груди запылённый и чуть поцарапанный бюст товарища Сталина.

Комсомольцы Тракторного завода на передовой

Сотни девушек работали на передовой; спасали раненых, под непрерывными бомбёжками печатали в заводской типографии листовки и сообщения Совинформбюро и эти листки, пахнувшие ещё свежей краской, разносили по окопам и блиндажам.

Среди этих сотен девушек особенно памятна всем нам Дуся Димитриева, дочь рабочего СТЗ. Ей не было еще двадцати лет. До войны она работала в диспансере, в 1940 году вступила в комсомол. Началась война, и она стала медсестрой. Все мы её очень любили, называли её — Дуся беленькая. Когда ходили в строю, Дуся всегда была запевалой. Она очень любила песню «Священная война».

Вместе с другими сталинградскими девушками она писала в письме к защитникам Сталинграда: «Наше счастье и будущее, наша молодость в ваших руках. Для вас мы готовы на всё».

Мы видели нашу Дусю беленькую, когда над посёлками пикировали немецкие самолёты. Она мчалась туда, где бойцы тушили пожар или разбирали завалы. Как-то она сопровождала санитарную машину с ранеными бойцами. Немецкие автоматчики, пробравшись в дом № 569, обстреляли машину. Шофёр дал газ и помчался вперёд. В безопасном месте он остановил горящую машину. Вместе с Дусей он начал сбивать пламя с горевшей кабинки.

После, осматривая машину, мы насчитали в ней 22 пробоины. Но все раненые были спасены. А Дуся с обожжёнными бровями и ресницами снова отправилась в опасный рейс. Потом она стала выполнять ещё более ответственные задания. Мы были уверены в том, что она никогда не подведёт — свято выполнит клятву сталинградских комсомольцев. Четырнадцать раз ходила Дуся в разведку, в тыл врага. В последний раз, вместе со своей подругой Надей Шуриной возвращаясь обратно, она попала на минное поле. Дусе оторвало обе ноги и кисть правой руки. Сильные ранения получила и Надя. Истекая кровью, Дуся доползла до Нади и, умирая на руках подруги, прошептала: «Передай моей маме, подругам и товарищам, что я умираю за Родину, за Сталина, за Сталинград».

Однажды к нам в райком приехал связной из военкомата с запиской. Военком просил прислать боевую группу для работы на переправе по эвакуации. Надо было на этот ответственный участок подобрать сильных и находчивых комсомольцев.

Ребятам, которых мы послали на переправу, во главе с Осиповым, пришлось сооружать плоты и на них небольшими группами переправлять жителей через Волгу. И днём и ночью продолжалась эта работа. Не успеют переправить одних, как прибывают другие.

Комсомольцы не смыкали глаз и часто, для того чтобы побороть сон и усталость, умывали лицо холодной волжской водой. Некоторые делали это так часто, что у них от воды воспалились глаза.

Немецкие самолёты обстреливали переправу. От взрывов бушующие волны захлёстывали плоты. Не раз смывало людей. Спасая их, комсомольцы бросались в Волгу. Они были связаны друг с другом верёвкой, за которую хватались утопающие. Особенно много жителей спасли комсомольцы Паша Макаров и Ваня Лушниченко. Оба они были физкультурниками. У Паши в эти дни родился первый ребёнок — сын. Жена с сыном лежали в укрытии, а он откуда-то пригнал лодку и вместе с Ваней Лушниченко без отдыха перевозил раненых, которым нужна была срочная хирургическая помощь.

Санитарная машина прибыла

Как сейчас, помню свой разговор с сандружинницей Шустовой:

— Тоня,— спросила я, глядя на ее воспалённые глаза,— ты, вероятно, сильно устала; может быть, заменить тебя на время, а ты передохнёшь?

Я знала, что Тоня давно уже совсем не спит, день и ночь перевозя на левый берег раненых.

— Что ты, Лида,— ответила мне Тоня,— я нисколько не устала, да и раненых много. Нет, не надо меня подменять.

И опять эта девушка пошла к переправе.

Помню общее собрание комсомольской организации нашего района, созванное после того, как здание райкома было разбито бомбой. Собрание происходило на рассвете в глубоком овраге. На повестке дня стояли вопросы о создавшемся положении и плане дальнейшей работы. Председательствовала на собрании Маруся Кожина, протокол вёл Федя Кодышев.

Я была докладчиком по первому вопросу. Тяжело было говорить. Среди нас не было уже многих товарищей, павших в жестоких боях. А говорить надо было. Тесно было гневу в груди. Слушали молча, как никогда внимательно. Решение было изложено коротко: «Не покидать своих боевых постов, драться до последней капли крови, все свои силы отдать на оказание помощи Красной Армии в борьбе с немецкими захватчиками».

После собрания Варламов и Янин писали на развалинах зданий короткие лозунги: «Смерть немецким оккупантам!», «Немцы, месть и ненависть преследуют вас, смерть ходит за вами. Все вы тут подохнете!» Пригодились нам краски и кисти Лени Супоницкого.

На танке

☆

И. А. КАЛАШНИКОВ

Я был прикомандирован заводом к воинской части. Взял с собой хлеб, колбасу, фляжку спирта. Домой по неделям не заглядывал. Жил с молодыми бойцами, которые готовились стать танкистами. Должен был я их обучать, как за материальной частью ухаживать. Одновременно я и новые танки испытывал.

Ночи были душные. Спали на воле. Чуть свет — начинали танки обкатывать. А 23 августа — как гром среди ясного неба! Увидели мы — лётчики с аэродрома бегут, а за ними мужчины и женщины, что рвы копали. Все в один голос: «Немцы наступают!» Ну, думаю, значит придётся встретиться. Ждать долго не пришлось.

Стал учебный танк, в котором я тогда ездил, боевой единицей. Что это за танк был? Стреляли только пулемёты. Пушек на нём не было. Танк был без башни, сверху брезентом покрыт. Дали мы из этого танка несколько пулемётных очередей, потом отвели его в сторону и пересели на боевой танк. Был он новенький, красавец Т-34; только номера ещё не имел.

Раньше я на заводе танки испытывал, а теперь стал механиком-водителем. Другой наш рабочий тракторозаводец сел за командира танка.

Танкисты народного ополчения

Много танков я за свою жизнь и выпустил и испытал. Сотни людей обучил. Сколько раз расписывался в ведомости, гарантию давал, что всё в танке в порядке. Но никогда не приходилось мне быть в танке во время боя.

Сначала было страшно, а потом привык. Немец бьёт, а я маневрирую, будто танк испытываю. Помогло мне то, что, так же как танк, знал я все ложбинки вокруг — и на танках изъездил их, и пешком обошёл. Знал все балки, тропки и ручейки. Ведь при мне на этой степи колышки вбивали, когда начали на голом месте завод закладывать. Там, где завод наш, такая же степь была — суслики бегали, арбузы росли. Бывало, ляжешь в этой степи, смотришь на небо и думаешь: «как похоже здесь на наш Донбасский край...»

Ударили немцы по нашему танку снарядом, но мы не вышли из строя; спустились в ложбинку, зарядили машину и опять пошли в бой. Много мы тогда передавили гитлеровцев. Не могу сказать точно, сто ли, двести ли человек; знаю только — несколько раз мы заправляли машину и опять в бой шли. Гнали мы врагов за Мечетку.

Тогда много дней бои шли, много ночей. А мне сейчас кажется, что всё это будто был один длинный день, одна огромная ночь.

Что только не проходило перед глазами. И местность видишь впереди, и всю свою прошлую жизнь.

В детстве мне пришлось в Царицыне товарища Сталина видеть. Отец мой здесь воевал: работал он на «Красном Октябре» сталеваром. Был мой отец красногвардейцем в отрядах Ворошилова. Белые расстреляли его на станции Гумрак.

«Нет! — думал я,— не может быть, чтобы враги нашим городом овладели. Товарищ Сталин этого не допустит. Была белым здесь могила — будет и фашистам».

Вся моя жизнь была связана с заводом. Я работал на нём и токарем, и слесарем, и электромонтёром. Сколько специальностей усвоил, универсальным человеком стал, а ведь на завод пришёл, имея образование только за пять классов. Освоили мы завод. Получил я за свой труд, за выпуск первых тракторов, орден Ленина.

Больно было, как немцы завод бомбили. Эх, думаешь, как бы заслонить его сверху. А когда увидишь, как зенитчики подобьют немца в воздухе, хотелось выпрыгнуть из танка, побежать и посмотреть, как этот самолёт догорает.

Затихнет бой, сидишь в танке и всю жизнь вспоминаешь... Был у меня на Линейном посёлке свой дом, построил мне его завод. Была у меня своя машина «эмка». Бывало, я в выходной день на своей легковой машине детей, жену и товарищей катал, в театр ездил...

С какими людьми приходилось встречаться! Когда завод строили, не раз я с Серго Орджоникидзе беседовал. А заболел я однажды, так ко мне на квартиру товарищ Серго пришёл проведать и врачей прислал. И ведь не только я так жил, все мы так жили — старые производственники.

Горевал я по убитым товарищам, ведь вместе начинали мы завод строить. На моих глазах Сашу Пуговицына, соратника моего, убило. Не всегда удавалось тогда друга похоронить. Знаем мы только, что легли они все вот здесь, у Мечетки.

Пришлось мне раз на завод поехать. Нужно было танк отремонтировать. Мы хоть своим ходом дошли, а другие подбитые танки с передовой на буксире вели. Поставили мы танк на конвейер, и сразу же обступили нас сборщики, слесаря, электрики; быстро, на-глаз определяли, что нужно немедленно сделать.

Бортовые моего танка были пробиты. Переменили бортовые. Гусеницы новые поставили. Всё пересмотрели, почистили. Заправили баки горючим Как новенький танк стал. Пока на ремонте стояли, не отходил я от танка. А потом всё же решил посмотреть, что кругом делается. Прошёлся я по заводу. Немец бьёт по нему прямой наводкой. А завод работает, всюду порядок — охрана, часовые стоят. Рабочие станки на платформу тащат, погрузка идёт. По двору ходят рабочие и инженеры, повсюду копаются, что-то ищут. Это запасные части собирали, чтобы танки ремонтировать.

Вышел я на площадь. Куда пойти? Жена моя, Капитолина Николаевна, с детьми к тому времени уже эвакуировалась. А дом мой на Линейном посёлке — разбит был.

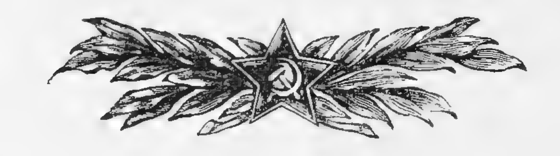
Постоял я на площади. Встретил товарища Костюченко — начальника нашей районной милиции — и подумал: «все пожилые люди опять молодыми стали». Ведь Костюченко еще в гражданскую войну служил в частях Будённого, а теперь стал командовать истребительным отрядом.

Поговорил я перед тем как в танк сесть с партийным секретарем нашего цеха товарищем Смирновым, попрощался со всеми, и снова зарядились у стадиона и в бой поехали.

Всё же подбили наш танк через несколько дней. Так и остался он на поле боя. Вылезли мы, как кавалеристы с коней, спешились и пошли драться вместе с бойцами народного ополчения. Лежишь в обороне, а вокруг тебя всё знакомые люди; вспоминаешь, когда кто на завод пришёл, кто чем отличился, у кого какая специальность, и думаешь: «а теперь у всех у нас специальность одна — солдатами стали, хотя и не по-военному одеты».

В ЦЕНТРЕ ГОРОДА

В блиндажах и подвалах

☆

Т. С. МУРАШКИНА

Я давно уже не ночевала дома. Все наши работники перешли на казарменное положение. Моя тринадцатилетняя дочь Надя оставалась в квартире одна. Когда немцы бомбили наш район, она или бежала в убежище или, обнимая собаку Индуса, становилась между окнами в простенок. Уезжать из города она долго не хотела, говорила: «Мама, я ведь тоже могу быть полезной, умею раны перевязывать».

Я и не знала, что моя дочь посещала кружок Красного Креста, чтобы оказаться полезной и необходимой во время войны. С трудом мне удалось уговорить ее уехать к знакомым за Волгу.

Недалеко от командного пункта нашего Дзержинского района на церковной колокольне был установлен пост ПВО. Отсюда открывался вид на весь район, в котором я работала председателем Совета трудящихся. Колокольня эта была очень ветхой. Во время бомбёжки ее качало из стороны в сторону. Не раз немецкие лётчики пытались сбить нашу вышку. Кругом рвутся бомбы, звонишь бойцам наверх, спрашиваешь: «Ну, как?», а они отвечают только: «Качает».

Однажды, поднявшись на колокольню, я увидела, как горело здание облисполкома. Рядом со мной стояла заведующая РайОНО Мария Лисунова.

— Вот видишь,— говорила она,— горит дом, который ты сама строила.

Мы строили этот дом в 1929 году. Тогда я работала ещё шофёром, возила на строительство песок.

Начальником штаба МПВО в нашем районе был товарищ Пинчук — изумительно хладнокровный человек. В те дни я как бы пользовалась его хладнокровием. Я не знала, какое отдать приказание — ведь за несколько минут каких только ни поступало сообщений: то полный завал дома, столько то упало фугасок, столько то зажигалок; то надо отрыть заваленных людей в одном доме, то в другом. Я соглашалась со всеми приказаниями умелого и находчивого Пинчука и, глядя на него, училась держать себя так, чтобы не теряться в острые минуты, не ужасаться и не горевать, а вносить во всё ясность и помогать людям.

В здание исполкома райсовета на углу Невской и улицы Пархоменко попала авиабомба большого калибра. Здание было полностью разрушено. Кругом выгорели несколько кварталов. Мы перевели исполком в дом по Совнаркомовской улице, № 120, а рядом построили хорошую щель. Вскоре и это здание пострадало от бомбёжки. После этого мы на несколько дней переехали под дамбу, а потом решили, что наиболее безопасное место — это щель у разбитого дома на Совнаркомовской улице.

Во все эти дни работа исполкома райсовета не прекращалась ни на один час. Надо было устроить проезды на улицах, восстановить разрушенную водопроводную сеть, спасать раненых, убирать трупы, тушить пожары, расширять бомбоубежища, строить новые, охранять район от шпионов и диверсантов. Вместе с бойцами аварийно-восстановительной службы МПВО все трудящиеся района производили раскопку завалов, извлекали засыпанных людей.

Одна бомба разорвалась в здании тюрьмы. Заключённых в ней не было, но в нижнем этаже, под массивными сводами бывшей тюремной церкви, укрывалось, как в бомбоубежище, много людей.

Под осевшей стеной мы обнаружили девушку лет восемнадцати, Нину Петрунину. Она, должно быть, пыталась выползти из-под развалин, и её придавило. Обе ноги девушки были раздроблены выше колен. Никогда не забуду её красивого лица, вьющихся волос. Она смотрела с такой доверчивостью и надеждой на наших бойцов, а они не знали, как ей помочь. Полуразрушенная стена едва держалась. Казалось, достаточно подойти к ней, и она совсем обрушится.

Решено было во что бы то ни стало спасти эту девушку. Шесть дней продолжалась смертельно опасная работа. Бойцы осторожно выбивали из стены по одному кирпичику и одновременно ставили подпорки. Все эти дни девушка лежала, придавленная стеной. Возле неё непрерывно дежурили врачи, рядом сидела мать.

Девушка была в полном сознании. Ее кормили, давали ей наркоз, чтобы облегчить невыносимые страдания. Просыпаясь, она спрашивала:

— Ну, когда же меня вытащите?

Наконец, ее вытащили. Нина считала себя спасённой и не верила такому счастью.

— Неужели я буду жить? — говорила она.

Мы сделали всё, чтобы сохранить ей жизнь. Но после операции ей пришлось ампутировать обе ноги. Нина умерла. Весь район переживал ее смерть, хотя смерть тогда не казалась уже страшной — к ней привыкли.

Мать этой девушки — учительница. Она до сих пор живёт в Сталинграде.

Сейчас, когда вспоминаешь, как всё это было, поражаешься — с какой планомерной жестокостью враг уничтожал наших людей и как самые простые советские люди не щадили себя для того, чтобы спасти любого незнакомого человека.

Загорелись дома военведа на улице Медведицкой. На место пожара быстро прибыли пожарные работники и вместе с ними депутат Дзержинского совета товарищ Оводков. Немецкие лётчики снова сбросили бомбы на горящий дом. Я в это время находилась вместе с Оводковым в одной из воронок. Когда немецкие самолёты спикировали, Оводков увидел у здания женщину, которая металась с ребёнком на руках, не зная, куда ей деться. Оводков выскочил из щели, схватил женщину и быстро втолкнул её. Только он сделал это, как невдалеке упала бомба. Рассеялась пыль, мы бросились к Оводкову, но он был уже мёртв.

Не могу я забыть и депутата нашего районного совета Домну Кондратьевну Черемушкину. Её сын погиб в боях. Тяжело переживала мать свою утрату. Она боролась со своим горем тем, что старалась как можно больше сделать полезного для своих избирателей. Она работала председателем уличного комитета. Эта пожилая женщина была неутомима. Когда в Сталинград приходили эшелоны с эвакуированными, она всегда первая встречала их, находила особенно нуждающихся в помощи и не оставляла этих людей, пока не устраивала их, не обеспечивала всем необходимым.

Линия фронта подошла к нашему району; эта женщина появилась на Мамаевом кургане, выносила раненых с поля боя.

Немцы были уже на окраинах города, а городские предприятия не прекращали работы. Рабочим пекарни № 4 приходилось возить воду с Волги под артиллерийским и миномётным обстрелом, но пекарня бесперебойно выпекала хлеб и сушила сухари. Поистине героична была работа мель-

ницы, директором которой был депутат нашего райсовета товарищ Кошелев. Эта мельница ежедневно подвергалась налётам вражеской авиации. Не раз она бывала в огне. Рабочие тушили пожар, и мельница снова молола зерно.

Так как большинство магазинов сгорело и нельзя было при ежедневной бомбёжке и постоянных обстрелах собирать людей в одно место за получением продуктов, пришлось установить иной порядок снабжения населения продовольствием. Район был разбит на участки, во главе участков поставлены депутаты райсовета или председатели уличных комитетов. На их обязанности было и получение продуктов и распределение их. Часто бывало, что товарищи, посланные за мукой на мельницу, попадали под бомбёжку и не возвращались. За мукой посылали других. Ценой человеческих жизней доставлялись в наш район продукты питания.

Работники РайОНО во главе с Лисуновой занимались питанием детей, потерявших родителей. На Двинской улице в доме № 60 была открыта детская столовая. За день эта столовая отпускала до трёх тысяч обедов. Больным и раненым ребятам обед доставлялся на дом; вернее — в щель или убежище, где они лежали.

Очень помогала нам инициатива самого населения. В больших уцелевших домах были созданы группы самозащиты. Одной из таких групп руководил шестнадцатилетний комсомолец Сердюк. Этот энергичный, быстрый парень стал буквально отцом и кормильцем около шестисот семейств, живших в подвале 3-го Дома Советов. Он был и завхозом и поваром. В разрушенном, горящем городе он добывал и мёд и картофель. Даже свиньями обзавёлся. А по ночам занимался эвакуацией — строго по плану, установив очерёдность. Больных и детей он доставлял к месту переправы на лошадях. Несколько недель назад его еще считали мальчиком, а теперь это был человек с непререкаемым авторитетом.

* * *

Мы забыли голос радио. А надо было держать оставшееся население в курсе событий, разъяснять приказы командования фронта и сообщения Совинформбюро. Этим делом занимались и партийно-комсомольский актив и депутаты Совета. Я обычно обходила убежища с секретарем райкома партии товарищем Халфиным. Сколько, бывало, щелей и блиндажей облазишь за один такой обход района! А как радовались люди, когда мы появлялись! То, что райком партии и райисполком продолжают работать,

хотя бои уже шли в пределах нашего района, очень успокаивало жителей. Они говорили нам:

— Так вы ещё здесь? Значит, город не будет сдан?

Приятно было это слышать, и мы боялись думать, что обстановка на фронте может сложиться так, что нам прикажут перебраться в другой район города и тогда придётся оставить эти блиндажи, эти щели, заменявшие нам родные дома.

Как-то я проходила мимо дома, в котором осталась моя пустая квартира. Двери открыты, окна без стёкол. Я не удержалась и поднялась наверх. В квартире всё было перевернуто воздушной волной, только рояль стоял невредимый на своем месте. Вспомнила я вечера у этого рояля. Защемило сердце. Где теперь мой муж, как живёт дочь?.. Но это были редкие минуты, когда думалось о своём, личном.

Взвод наших девушек

☆

К. С. БОГДАНОВА

Вместе с сорока девушками я как командир медико-санитарного взвода штаба МПВО Ерманского района оказывала первую помощь жителям, пострадавшим от вражеской бомбёжки. Всех тех, кого удавалось спасти из подвалов и горящих зданий, мы эвакуировали за Волгу.

Теперь меня часто спрашивают: «А страшно было?» — Да, страшно.

На углу Волгодонской и Коммунистической улиц в дом угодила немецкая бомба, а в большом подвале этого дома укрывалось много людей. Дом завалился. Обрушившиеся стены привалили подвал. Мы подъехали на машинах к этому дому, пытались разобрать землю, но не смогли. Пришлось пойти на риск. Под нависшими балками проделали узкое отверстие и через него стали вытаскивать людей. Немецкий самолёт нас заметил и стал кружиться над этим местом. Он опускался совсем низко и строчил из пулемёта. Но надо было вытаскивать раненых, и боец Князев несколько часов простоял у этой щели. Он передавал раненых на носилки девушкам.

Санитарки Клара Камнева и Тамара Богаева, шестнадцатилетние комсомолки, под градом осколков и под огнём пулемётов делали перевязки. Другие девушки отвозили раненых к Волге.

В конце августа мне и моим девушкам было поручено организовать медицинское обслуживание населения всего района. В районе не оказалось ни одной целой больницы. Вся наша «медицина» состояла из двух квалифицированных медицинских сестёр и трёх студентов мединститута, которых мы шутя называли «заурядврачами».

По всем разбитым больницам, амбулаториям и аптекам мы собирали медикаменты и перевязочный материал. В доме на углу Смоленской и Курской улиц уцелел первый этаж 3-й поликлиники. Здесь мы решили устроить наш стационарный медицинский пункт. Девушки разыскали даже гардины, внесли несколько мягких кушеток.

Бойцы медико-санитарных взводов МПВО за работой

С утра наши «заурядврачи» делали обход района, оказывали помощь на месте — в подвалах и укрытиях. С двух часов дня начинался приём в медпункте. Раненых и больных было так много, что моя «медицина» буквально падала с ног от усталости. В эти дни не было массо-

вых бомбёжек, но то и дело Сталинград навещали отдельные группы бомбардировщиков и по нескольку раз в сутки начинался артиллерийский обстрел.

Однажды мне с Тамарой Беловой, впоследствии погибшей и похороненной в братской могиле на площади Павших борцов, пришлось столкнуться в одной щели с женщиной, которая должна была вот-вот родить. Уже начались родовые схватки. Я растерялась. Моя же помощница чуть не плачет. Но что делать? Новый гражданин должен появиться на свет, и надо было ему помочь в этом. Роженица была ранена. Пришлось нам стать акушерками. Малыш оказался отличным. Кричал он по всем правилам, как здоровенький мальчик; и как странно было слышать эти крики новорождённого среди развалин!

Бывали анекдотические случаи. Как-то, чуть ли не во время бомбёжки, к нам на приём пришла старушка лет семидесяти с жалобой на ревматизм в ногах, и её долго пришлось убеждать, что мы не можем дать ей нужное лекарство и что вообще сейчас не время лечить ревматизмы.

Бои уже проходили на окраинах города. Всё чаще и чаще мины ложились около нас. Но попрежнему наш повар Аня Дульденко в развалинах дома по Новосоветской улице с утра до вечера готовила завтраки, обеды и ужины для бойцов команд. Частенько ей приходилось начинать сызнова свою готовку. Где-нибудь рядом упадёт бомба, и щи перемешаются с землёй. Но Аня наперекор всем снарядам и минам всегда во-время кормила бойцов.

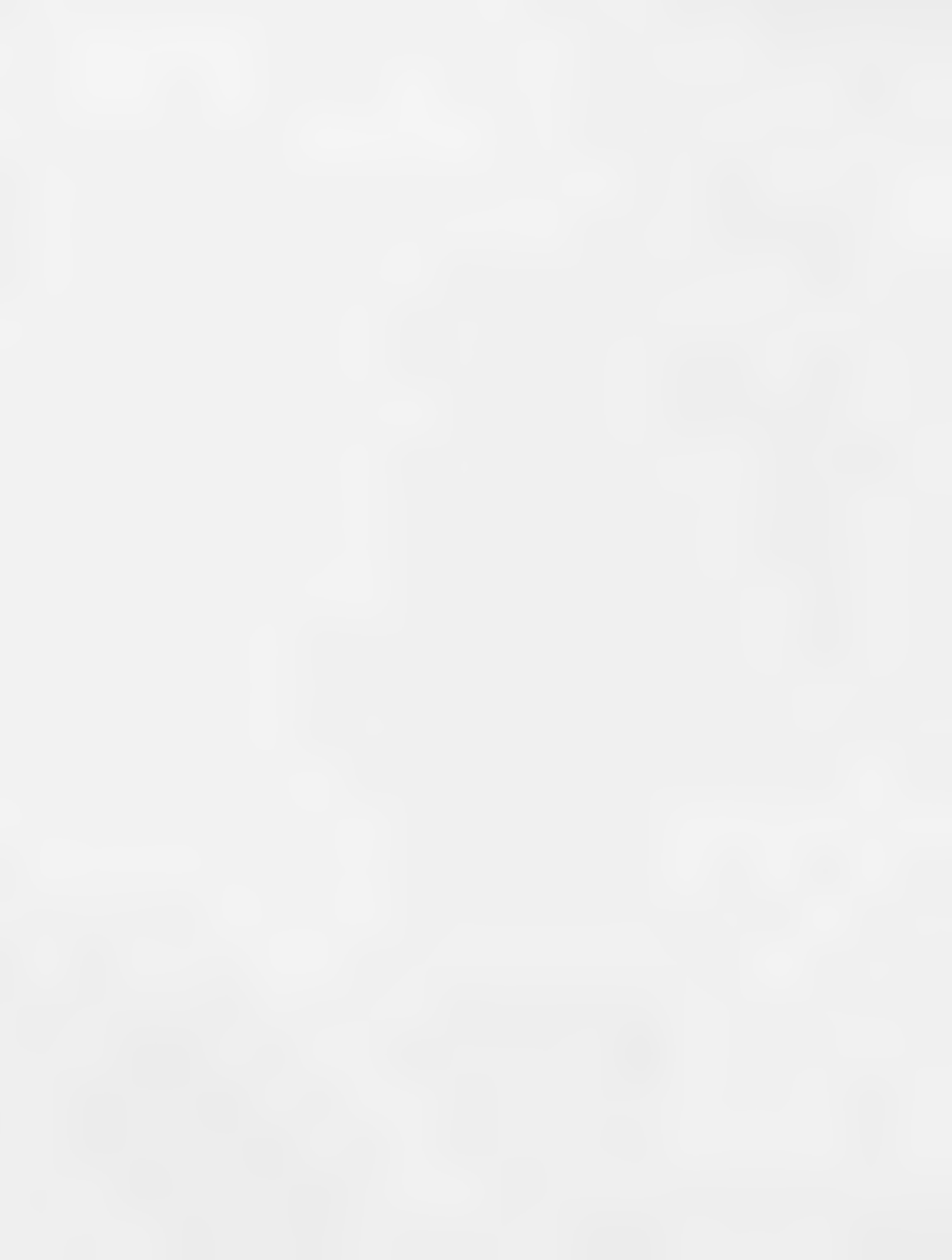
Теперь мы уже почти не замечали самолётов, потому что беспрерывно над головой что-то жужжало и выло; в щелях укрывались неохотно, многие приговаривали: «всё равно не возьмёт».

А немец становился всё злее и злее. Вспоминается одна жуткая ночь. Кажется, это было на 8 сентября. Невдалеке от нашего командного пункта на улице Халтурина стояла колонна автомашин с бензином, который надо было переправить на левый берег Волги. Ночью немцы нащупали автоколонну. Началась бомбёжка. Мы находились метрах в трёхстах от автоколонны в узкой щели. Спали в полусидячем положении. Проснулись от ужасного взрыва. Небо было багрово-красное. Над головой летели искры. Примерно в десяти метрах от нас был расположен склад с бензином МПВО. Надо было немедленно засыпать его землёй. И под бомбёжкой девушки сделали это.

Однажды я и моя постоянная спутница Тамара Белова обходили улицы Урицкого и Исполкомовскую. Налетели немецкие самолёты и начали бомбить. Мы укрылись в водопроводной трубе. А потом вышли и стали осматривать, что наделал враг. Из одного заваленного подвала до нас

На заводской окраине Сталинграда

донёсся тихий плач. Мы стали откапывать проход в подвал, раскидывать камни. После долгих усилий удалось кое-как проникнуть внутрь. Среди обломков лежало несколько трупов. Около одного из них копошился ребёнок. Он даже не плакал — у него не было голоса,— а как-то тяжело хрипел. Мы с трудом оторвали его от убитой матери и стали выбираться назад. Мальчик был настолько худ, что выступали ребра. У нас был кусок хлеба. Мы протянули ему, и он с жадностью набросился на еду. У меня сердце сжалось. Я подумала о своих детях.

Теперь мы уже слышали не только артиллерийскую стрельбу, но и автоматную. Рядом с нашим командным пунктом МПВО расположились курсанты. Бойцы говорили нашим девчатам: «Пора вам за Волгу, это наше дело здесь быть».

Галина Васильева ответила им:

— Нам тоже хочется, чтобы о нас хорошо вспомнили.

Как-то на берегу Волги у центральной переправы она вытаскивала раненых из-под разбитого вагона. Ей попался тяжело раненный. Он с трудом переносил боль и кричал Галине: «Бросьте меня, всё равно уж умирать». А Галина ему в ответ: «Бросить всякий дурак сумеет, а вот вытащить это труднее будет, лежи и терпи». Только вытащила она бойца на линию, как самолёт снова начал бомбить. Галина накрыла собой бойца, а когда немец отбомбился, снова потащила раненого.

Тогда думалось так: может быть, короткой будет наша жизнь, но надо прожить ее не зря.

Трудный день

☆

М. А. ОДИНОКОВ

Я работал секретарем Ворошиловского райкома партии. В 8 часов вечера 13 сентября на командный пункт вбежал связной и доложил, что немецкие войска прорвали фронт нашей обороны и подходят к Собачьей бойне; заняли первые кварталы у Дар-Горы, а в Дзержинском районе подошли к Красным казармам.

Я послал связных по району для того, чтобы как можно скорей собрать партийный актив и сообщить полученные мною указания. Секретари парторганизаций, директора заводов, работники райисполкома и штаба МПВО один за другим спускались в штольню. Многие из них раньше только изредка встречались друг с другом, теперь же всех сблизила опасность и напряжённая борьба. Наши люди работали на строительстве рубежей, на предприятиях района выпускали миномёты и гранаты, снабжали передовую водой, боролись со шпионами и диверсантами, с оружием в руках уходили на линию огня.

В нашем районе в типографии глухонемых печаталось городское издание газеты «Сталинградская правда», которая в сгоревшем и разрушенном городе продолжала нести боевое большевистское слово. Газета призывала сталинградцев достойно переносить выпавшие на их долю испытания и все свои силы отдавать обороне родного города.

Жители нашего района организованно и дисциплинированно вели себя в самые трудные дни обороны,— теперь же всем предстояло самое тяжёлое. Нелегко было мне объявить собравшимся приказ о том, что большинство из них должны немедленно переправиться на левый берег и там ждать дальнейших указаний. Мы должны были сохранить боеспособность нашей партийной организации. Я говорил о том, что борьба наша в самом разгаре и с ещё большей яростью мы будем мстить фашистам за страдания родного города.

В Сталинграде же остаётся только небольшая группа руководящих работников района.

Прощание было коротким. Опустел наш командный пункт. Бойцы районного рабочего батальона, располагавшегося невдалеке от штольни, также тронулись в путь. Они спешили влиться в ряды защитников города.

...В 2 часа ночи я получил приказание перейти со своими людьми на командный пункт Ерманского района.

Мы покинули штольню. Над нами, в ночном небе, кружились немецкие бомбардировщики, кругом было светло от пожаров и ракет. Содрогалась земля. С разных сторон немцы били из орудий и миномётов по центру города.

Выходя из штольни, я пожал руки двум бойцам-связистам из воинской части, оборонявшей наш район.

Мне хотелось что-нибудь сказать им, но я сказал только:

— До свиданья, товарищи!

Ночь на баррикадах в центре города

В 3 часа ночи мы спускались в бетонный склеп, расположенный возле Домов специалистов. Там размещался командный пункт Ерманского района. Как раз в это время наши «катюши» дали залп по немцам, атаковавшим Красные казармы.

Бойцы и командиры МПВО Ерманского района не обрадовались нашему появлению. Они поняли, что в нашем районе немцы.

Никто не спал. Все сидели приунывшие, молчаливые.

— Давай, Иван Трофимович,— обратился я к товарищу Шишкину, председателю нашего райисполкома, — вспомним старину, запоём песню.

Иван Трофимович отмахнулся.— У меня не получится, а ты спой.

И не знаю, как это получилось — не часто это со мной бывало,— а тут я запел. И пел я под этими тяжёлыми бетонными сводами свою любимую песню:

«Стой, ямщик! жара несносная,
Дальше ехать не могу!»
Вишь пора-то сенокосная —
Вся деревня на лугу.

Пел я и чувствовал, что песня моя нравится бойцам. Когда я кончил, все стали просить меня спеть еще что-нибудь, но у меня зарядки хватило только на одну песню.

Недолго мы пробыли на командном пункте Ерманского района. В тот же день всем нам приказано было перебраться на левый берег.

Мы спустились к Соляной пристани, где были расположены командные пункты НКВД и военных штабов. Здесь мы встретили начальника областного управления милиции товарища Бирюкова, который спешно формировал отряд для уничтожения немецкой разведки, просочившейся к Домам НКВД и Домам специалистов.

— Ну, брат, победим немцев, если мы с тобой живы будем, в день Победы поцелуемся,— сказал мне он.

Отряд формировался из работников НКВД, НКГБ и городской милиции.

Мы стояли у самой воды, дожидаясь команды на погрузку. Налетело 10 немецких бомбардировщиков. Они сделали два захода. Много наших людей было ранено и убито. Я оказался в воронке с одним неизвестным мне бойцом. С трудом мы откопали друг друга. Вылез я, землю отряхиваю, осматриваюсь. Впечатление такое, что вот-вот немцы прорвутся к

берегу. Уже слышно было цоканье пуль, когда мы получили приказ начать погрузку. Мы грузились на речной трамвайчик, а в это время бойцы-чекисты подымались в гору отражать новые атаки немцев на переправу. В дни своей юности, в годы гражданской войны, в родном Царицыне я сражался в рядах чекистов. И поэтому теперь я с особой гордостью смотрел на этих людей.

Трамвайчик взял на буксир два плашкоута. Когда мы отчаливали, немецкие автоматчики, пробравшиеся в развалины домов, расположенных у берега Волги, открыли огонь. Они ранили двух человек, стоявших на палубе.

Капитан трамвайчика, старый волгарь, вёл его среди разрывов. Я смотрел на капитана и думал, как этот человек, который всю свою жизнь возил на трамвайчике рабочих Судоремонтного завода, молочниц и тех, кто хотел отдохнуть на песчаном пляже левого берега, теперь нашёл в себе и силы и умение так маневрировать среди огня.

Этот старик поразил нас всех своим спокойствием и выдержкой.

Тяжело было покидать Сталинград! Может быть, многое мы уже забыли, а вот этого никогда не забудем. И вспоминается не только то, что видели, но и то, что было на сердце.

Вот мы на левом берегу. Отошли метров на триста, остановились и обернулись. Между нами и теми людьми, которые так недавно ушли в бой, лежала Волга. Мы стояли на левом берегу, а всеми своими мыслями, всем существом своим были в Сталинграде.

Горит Сталинград, а это значит — горит вековой труд моей семьи — потомственных каменщиков. Ещё прадеды мои и со стороны отца и со стороны матери пришли из Мокшанского уезда строить Царицын. Они до самой смерти не бросали фартука, ведра и лопаточки. Строили они крепкие каменные дома в три кирпича, славились своими фигурными работами. Нас, Одиноковых, все знали в Сталинграде.

Набережную, которую я только что покинул на правом берегу, строил мой прадед, Одиноков Матвей. Здания Главного почтамта, Дворца пионеров, Дворца физкультуры строил мой дед, Одиноков Семён. Сожжены и разрушены театр имени Максима Горького, гостиница «Интурист», Универмаг... Зарево стоит над «Баррикадами» и «Красным Октябрём». Эти заводы, эти здания строил мой отец, Одиноков Афанасий Семёнович.

Разрушены и сожжены банно-прачечный комбинат по Курской улице, здание обкома партии и облисполкома. Их строили мои старшие братья, Одиноковы Степан и Виктор.

Бывало, когда мы ещё были маленькими детьми и в воскресные дни отец и мать водили нас по городу, всегда отец любил показывать, какое здание в городе кто из Одиноковых строил.

Там, на правом берегу, осталась моя мать, Анастасия Ивановна. Когда ей предложили выехать, она сказала: «Не поеду из города, где девятерых родила. Ты уж меня не уговаривай».

Я стоял на берегу и видел перед собой мать, которая осталась одна.

Встреча гвардейцев Родимцева

☆

И. Т. ПЕТРАКОВ

14 сентября днём в воздухе появились эскадрильи фашистских бомбардировщиков, и началась страшная артиллерийская канонада... Этот день напоминает нам, сталинградцам, 23 августа, но тогда немцы обрушились на мирный город, теперь же среди развалин домов стояли баррикады, защищавшиеся воинскими частями.

Мины и снаряды стали рваться сплошной стеной на самом берегу Волги, в расположении нашей обороны и у блиндажей, где ждали переправы раненые бойцы.

Я командовал истребительной ротой, сформированной из работников милиции и управления НКВД.

Мы занимали оборону на берегу Волги от Домов специалистов до дома № 13 по Пензенской улице, имея задачу в случае подхода противника до прибытия подкрепления из-за Волги прикрывать центральную переправу.

Враг где-то был недалеко, но где точно, мы не знали. Наша истребительная рота приготовилась к бою. Я и мой помощник Ромашков пошли к площади 9 января на разведку. Из Дома военведа немцы открыли огонь. Метрах в пяти от нас по железному кузову сгоревшей автомашины прошла очередь немецких автоматчиков, перебегавших от окна к окну.

Я приказал Ромашкову вместе с пятнадцатью бойцами занять оборону и не дать прорваться противнику к переправе со стороны площади 9 января.

При спуске к Волге, когда я шёл к основной группе бойцов своей роты, невдалеке разорвался снаряд. Я был оглушён и опрокинут в кучу золы. Не помню, сколько я пролежал. Один из бойцов заметил меня и приволок к выходу штольни. Из горла текла кровь, в голове шумело, и я почти ничего не слышал. Бойцы обмыли мое лицо от запекшейся крови и напоили меня. Постепенно я стал приходить в сознание и начал разбираться в обстановке.

Немцы были уже над нами, метрах в ста пятидесяти, занимая верхние этажи зданий. Они уже овладели Пензенской улицей, заняли некоторые Дома специалистов, вошли в дом Госбанка, из которого били прямой наводкой из пушек и миномётов по городской переправе. Уже слышны были их голоса:

— Рус, Волга, буль, буль! Сдавайся!

Меня вызвал к телефону член Городского комитета обороны товарищ Воронин. Он приказал любой ценой удержать берег.

— Надо продержаться всего несколько часов, так как уже идёт помощь,— сказал он.

Несмотря на огромное превосходство в людях и вооружении, немцам не удалось потеснить наших бойцов. Тогда враг решил разведать наши силы.

В лощине, которая шла от Домов специалистов к нашему командному пункту, появился мальчик лет двенадцати. Это вызвало подозрение у одного нашего бойца-милиционера, и он задержал мальчика.

Задержанный оказался весьма смышлёным юнцом. Он потребовал, чтобы его отвели к командиру.

— Как зовут тебя? — спросил я его.

— Коля,— ответил он и начал рассказывать о том, что отец и мать его убиты при бомбёжке, а сам он с другими жителями скрывался в подвале Домов специалистов. Когда немцы ворвались в этот подвал, одна старуха, жившая тут, сказала им что-то по-немецки, и они послали её куда-то. Но старуха, должно быть, испугалась: она скоро вернулась. И тогда офицер послал его, Колю, пригрозив, что если он не узнает, сколько нас — его расстреляют. И не только это рассказал нам мальчик. От него мы узнали и о численности и о вооружении немцев.

Из показаний Коли и личных наблюдений мы выяснили, что перед нами батальон хорошо вооружённых, отборных немецких солдат.

Впоследствии было точно установлено, что против нас сражался в полном составе первый батальон 194-го полка 71-й стрелковой дивизии 6-й немецкой армии под командованием «рыцаря железного креста» капитана Гинделянга.

Нас же, прижатых к берегу, было всего человек 60.

Около 8 часов вечера мне доложили, что большая группа немецких автоматчиков, под прикрытием пулемётного огня, по балке от Домов специалистов продвигается к городской переправе. Около пивного завода немцы захватили две пушки, расчёты которых погибли, и готовятся открыть из этих пушек огонь.

Надо было немедленно принимать решение. Переправа от моего командного пункта была в 250 метрах, пивной завод — в 150 метрах. Я решил контратаковать противника с двух сторон. Ромашков возглавил группу бойцов из 15 человек. Столько же примерно было и в моей группе. С криком «ура» одновременно с Ромашковым мы бросились в атаку. По-видимому, немцы не были осведомлены о нашей численности. Дружная атака завершилась успехом. Пушки снова были наши.

Больше всего беспокоило то, что боеприпасы подходили к концу.

Стемнело. В небе — со стороны противника — повисли ракеты.

Немецкая авиация продолжала налёты на территорию заводов. В Нефтесиндикате загорелись баки с горючим. Горящая нефть плыла по Волге. Она приближалась к нам. Жуткая картина! Горящая нефть может отрезать нас от левого берега, откуда мы с минуты на минуту ждём помощи.

— Это грознее, чем немецкие автоматчики. Неужели мы погибнем? — сказал Ромашков, когда мы вышли с ним на берег Волги.

Я ему ничего не ответил.

О чём я только ни думал тогда...

Вспоминал, как вот в такие же вечера, на этом же самом месте, где сейчас расположились бойцы, где только что кипел жаркий бой, я часто гулял с детьми по набережной, по гудкам угадывал названия пароходов. Теперь всё сметено — причалы и пристани. Только кое-где из-под воды торчат горящие, как свечи, брусья и стойки.

Вся Волга была в огоньках, которые то вспыхивали, то угасали. Между ними мчалась к нашему берегу моторная лодка.

Прибыли наши товарищи, работники НКВД. Они привезли нам боеприпасы и поздравили с первым боевым успехом.

На защиту Сталинграда прибыли гвардейцы

Ночью было решено до подхода воинских частей выбить немцев из Домов специалистов и из дома Госбанка. Оттуда они просматривали переправы и могли сорвать высадку войск на наш берег.

Пушки, отбитые у немцев, были приготовлены к стрельбе. Условились, что атака начнется после пяти орудийных выстрелов. Артиллеристов среди нас не было. Кое-как при помощи одного нашего работника, который понимал толк в артиллерийском деле, я зарядил и дал первый выстрел по дому Госбанка, затем второй и третий.

Конечно, артиллерист из меня, мягко сказать, был неважный и в цель я, видимо, не попал, так как не умел наводить. Открою замок и верчу рукоятку до тех пор, пока в просвете ствола пушки не увижу цель.

— Смотрите! — крикнул младший лейтенант Мрыхин, находившийся при мне.

Я вижу, что к городской переправе плывёт катер с бойцами. Немцы ведут по нему огонь из пушек, которые стоят около Домов специалистов. Снаряды рвутся вокруг катера. Вот-вот он разлетится в щепки. Тогда я снова бросаюсь к пушке и бью по Домам специалистов — туда, откуда ведёт огонь вражеская батарея.

Катер благополучно достиг нашего берега. Из него вышли полковник Елин и батальонный комиссар Кокушкин. Подошло ещё несколько катеров с бойцами. Это были гвардейцы дивизии генерала Родимцева.

До этого я никогда не видел гвардейцев, но когда они выходили на берег, все словно литые, уверенные в себе, я невольно подумал: «Вот это да, вот это гвардия!»

Расположив свой штаб в штольне, полковник пригласил меня доложить ему обстановку.

Тем временем его подразделения быстро располагались по окопам и сразу же открывали огонь по врагу.

Я повёл полковника Елина на возвышенность в районе пивного завода. Отсюда он произвёл короткую рекогносцировку местности.

Немецкие автоматчики вели огонь в нашу сторону, но, казалось, полковник этого не замечает.

К нему подбежал старший лейтенант и, не соблюдая уставных правил, стал докладывать о трудной обстановке, сложившейся на его участке обороны.

Елин спокойно, но строго спросил его:

— Вы из какой конторы прибыли ко мне?

Тогда старший лейтенант смутился, подтянулся и уже совсем по-другому сказал:

— Разрешите обратиться, товарищ гвардии полковник?

— Вот так,— сказал Елин.— В какой бы обстановке вы ни находились, не забывайте, что вы гвардеец.

С прибытием дивизии Родимцева наш небольшой отряд мог считать свою задачу выполненной. Но нам не хотелось покидать правого берега Волги, и генерал Родимцев, с которым мне пришлось встретиться на другой день, разрешил нам остаться в городе.

— Если вы здесь уже обжились, так и оставайтесь в своей штольне и держитесь, как держались. Ваши люди хорошо знают город, а это нам важно, мы ведь здесь гости,— засмеялся он.

Помню я, как, выйдя из штольни покурить, генерал остановил проходившего мимо командира:

— Ну как, орел, дела?

— Прекрасно, товарищ гвардии генерал-майор. Только что-то немцы обстрел усилили, хотят этим громом наше новоселье отметить.

— Да, не нравится им наше новоселье,— сказал генерал.— А главное потому, что у нас выгодная, заманчивая позиция. У нас рядом и воды и рыбки много, а у немцев с водичкой ох, как плохо... Волга рядом и жажда сильная, а попить нельзя. Наши орлы не дадут им напиться.

— Мы жадные на воду,— вставил кто-то из близстоящих солдат.

— Не можем зря воду расходовать на посторонних,— заметил другой боец.— И так Волга обмелела.

Когда генерал проходил у железнодорожного полотна, тянувшегося вдоль Волги, я слышал, как бойцы в окопах говорили:

— Куда-то наш отец опять пошёл, беспокоится, видимо, за фланги.

Как заняли гвардейцы позиции, которые мы удерживали до их подхода, так и простояли тут всю оборону. Недаром на стене соляной пристани они написали на память о себе:

«Выстояв, мы победили смерть».

Партизаны из Ельшанки

☆

В. А. ИВАНОВ

Работали мы с отцом на мебельно-ящичном комбинате в Ельшанке. Когда сгорел он, выдали нам в заводском бомбоубежище эвакуационные свидетельства, и мы пошли домой за мамой и вещами. Повернув за угол, увидели большой костёр. Это горел наш дом. Бомба упала рядом с ним. Воронка занимала весь двор. А здесь у нас было вырыто убежище, в котором, уходя на завод, мы оставили маму.

Чего только не было в этой воронке! Все мои самодельные приёмники — побитые, искрошенные; остатки радиолы, которую я сделал незадолго до войны; патефонные пластинки — у нас их было несколько альбомов; черепки посуды, куски одежды.

Отец увидел лоскуток маминого платья, поднял его.

— Вот и всё,— говорит.

Больше он ни слова не сказал. Долго мы ходили вокруг воронки молча. Отец поднимет патефонную пластинку, посмотрит на неё и кинет в сторону.

Не могли никак расстаться с этой воронкой. Походим, постоим...

Мне стало казаться, что мама кричит из-под земли, и я задрожал.

— Ну, пойдём,— сказал отец.

Не знаю, куда мы шли. По дороге завернули к старым знакомым — Палагушкиным. Отец Палагушкин на железной дороге работал, сын Юрий, мой товарищ, в девятом классе учился, музыкант, играл на альте в заводском оркестре.

— Что же будем делать? — спрашивает Палагушкин-отец.

Мой отец говорит:

— Из Сталинграда никуда не поеду, пойду в рабочий батальон.

Палагушкины тоже пошли с нами. Недели две воевали мы в рабочем батальоне. Сидели в окопах у Мечетки на Тракторном, отбивали гранатами немецкие танки в посёлке Купоросном, возле техникума, в котором я учился, действовали из засад, как снайперы, били по немцам, которые, просочившись через советскую оборону, засели в нескольких домиках. Потом нас сменили воинские части, и наш рабочий батальон решено было перебросить на левый берег.

Но отец упорно стоял на одном:

— Из Сталинграда — никуда.

Палагушкины тоже не хотели уходить из города. Мы решили перейти вчетвером на партизанские методы борьбы.

Из оружия мы оставили у себя только финские ножи, спрятали их под носки и пошли в тыл немцев.

Немцы, должно быть, не ожидали, что в городе появятся партизаны, и первое время не очень остерегались нас. Возле станции Сталинград-2 они складывали под открытым небом боеприпасы — мины, гранаты, патроны. Часовых было только двое, ходили вокруг. Ночью мой отец с Палагушкиным-отцом подползли к ним и сняли их бесшумно ножами. У меня было несколько плиточек толу — утащил ещё днём с одной немецкой автомашины. Мы с Юрием положили их под брезент на ящик с минами и от папироски подожгли шнур.

Этот взрыв встревожил немцев. Они стали прибивать на уцелевших телефонных столбах доски с надписью: «Смерть партизанам».

— Это к нам относится,— говорил отец.

На другую ночь мы залегли в кювете возле одного столба с такой надписью, выжидая, пока мимо пройдёт какой-нибудь немец. Дождались. Он и опомниться не успел, как повис на столбе. Надпись на доске мы не стали менять. Отец сказал:

— И без того понятно, кому смерть.

Это было на Дар-Горе в нашем Ворошиловском районе. Местность хорошо знакомая, укрыться есть где — кругом развалины; а пищи сколько хочешь — мы с Юрием быстро наловчились таскать продукты с немецких машин.

Несколько дней партизанили мы так вчетвером, сами по себе воевали. Потом наши старики решили, что это не годится, толку мало. Оба они — старые солдаты, участники обороны Царицына — хотели действовать организованнее, установить связь с какой-нибудь воинской частью. Ночью мы переползли линию фронта, вышли к погрузочной Волго-Донской пристани. Тут нас задержали моряки стрелковой бригады. Они привели нас в свой штаб, под железнодорожный мост через Царицу. Дежурный, сидевший у телефона, оказался наш хороший знакомый, мой старший школьный товарищ — лейтенант Степаненко. Мы с ним моментально договорились.

— Виктор, ты? — закричал он, освещая меня фонариком. Я не видел его с начала войны, но по голосу сразу узнал. Кричу:

— Сергей?

Он удивляется, спрашивает:

— Чего вы тут?

Я отвечаю:

— Хотим прикрепиться к какой-нибудь воинской части.

Тут же, под мостом, на наших удостоверениях, выданных штабом рабочего батальона, была сделана приписка: «Прикрепляется к ОСБ».

Моряки прозвали нас «партизанами из Ельшанки», а в отдельности каждого называли: стариков — «батями», молодых — «сынками». Мы выполняли задания комбатов — майора Минькова и капитана Шальмана: перевозили раненых на левый берег, а оттуда доставляли боеприпасы и продукты, как проводники ходили с моряками в разведку, забрасывали гранатами немецкие штабы, создавали панику в тылу немцев. Когда начались ожесточённые бои за элеватор, переходивший несколько раз из рук в руки, вместе с моряками ходили в атаку. Отец все вперёд рвался, расчищал мне дорогу штыком, а я шёл позади него с пистолетом — охранял отца, а то он в такие моменты забывался, ничего не видел вокруг себя, и немцы всё старались подобраться к нему сбоку.

Моряки штыковыми атаками опрокидывали немецкую пехоту; она бежала назад, но вместо пехоты выходили танки, вылетали самолёты. Морякам опять приходилось занимать оборону. Они несли большие потери. На берегу Волги собралось много раненых. Санитары не успевали эвакуировать их. Командование послало нас на помощь. Мы сбивали из брёвен плоты, грузили на них раненых, выводили на стрежень, потом возвращались вплавь и снова сбивали плоты.

Трудно стало морякам, когда немцы, прорываясь к Волге долиной речки Царица, вклинились здесь в центр города. Наша бригада была рассечена на части и отрезана от гвардейцев Родимцева, державших оборону к северу от устья Царицы за памятником Хользунову. Моряки дрались уже отдельными разрозненными кучками в развалинах зданий. Одна 45-мм пушка с расчетом стояла возле полуразрушенного дома. А вокруг во всех домах были немцы. Моряки не хотели сниматься с выгодной позиции, остались в окружении. Но у них кончился боезапас, пушка замолкла. Тогда капитан Шальман вызвал нас с берега и дал задание поднести к этому орудию снаряды. Мы подносили все четверо — я с отцом и оба Палагушкины,— пробирались развалинами между немцами. Мы передавали снаряды морякам в руки, и они вели огонь, пока не получили приказ выкатить пушку к берегу Волги. Метров сто надо было катить её открытым местом. Одни катили пушку, а другие шли вокруг неё и вели огонь из автоматов по домам, в которых сидели немцы.

Такие схватки шли по всей долине речки Царицы. Моряков всё меньше становилось. Отбиваясь, они отходили к Волге. К концу сентября наша передовая была уже метрах в двадцати от берега. Из-за Волги мы не могли получить ни подкреплений, ни боеприпасов, так как берег возле устья Царицы был под огнем немцев. Моряки лежали в грудах арматурного железа, отбиваясь гранатами. Позади — бетонная стенка площадки, на которой стояли подъемные механизмы причалов, а за этой площадкой — вода.

Самый памятный день — 28 сентября. До трёх часов ночи продолжался бой. Я лежал, зарывшись в железо. Вдруг слышу — немцы разговаривают, совсем рядом. Оглянулся вокруг — наших никого уже не видно, а немцы ползут. Я бросил в них две последние гранаты. В это время из-за бетонной площадки донёсся голос отца. Он кричал:

— Виктор! Давай сюда.

Я кинулся в тоннель под бетонную площадку. Прижался к стене, выпустил из автомата все патроны и бегу к Волге. Смотрю, отец тащит к воде какой-то мешок. Догоняю, спрашиваю:

— Чего это ты?

— Манка,— говорит.— В тоннели нашёл.

Отец мой — хозяйственный человек: что пригодится, обязательно поднимет.

— Брось,— говорю,— погибнешь из-за этой манки. Ну её к чёрту!

Меня обозлило, что отец в такой момент о какой-то манке заботится. А отец на меня накинулся:

— Что же, по-твоему,— говорит,— немцам ее оставлять?

Заспорили мы с ним и забыли, что немцы уже у бетонной площадки. Тут капитан Шальман бросил нам катушку с телефонным проводом, крикнул:

— Вяжите скорее плот.

Приказано было переправляться через Волгу, кто как может. Немцы стреляли по всему берегу — от устья Царицы вниз. Вся Волга была исчерчена трассирующими пулями. Моряки стаскивали в воду сухие брёвна.

Нас собралось пятеро: мы с Палагушкиными и один раненый моряк, который не мог сам плыть.

Луна всё время светила, но у самой воды, за брёвнами, тень была. Мы связали телефонным кабелем два бревна, сели на них и хотели было уже грести прямо на тот берег, но отец спрыгнул с плота и по грудь в воде погнал его вверх по Волге. Он увидал, что плывущие впереди нас падают

с брёвен убитыми, и решил переправляться выше, за устьем Царицы. Это и спасло нас. Выше Царицы Волга почти не обстреливалась.

Вода покрывала брёвна и доходила нам по пояс. Мешок с манкой, чтобы его не смыло, отец себе на спину привязал. Он сидел за рулевого, а мы все гребли дощечками от снарядных ящиков. Разгорячились и не чувствовали, что сидим в холодной воде. Дрожь стала пробирать, только когда вылезли на песчаную косу Голодного острова.

С Голодного острова через старое русло Волги перебрались на понтоне. На том берегу зашли в какой-то пустой домик, затопили печь, разделись догола и стали сушить одежду.

Отец сразу взялся манку варить. В хате нашёлся большой котел, но ухвата не было. Стоим мы у печки, видим, что манка кипит, выливается из котла, а достать не можем. Есть страшно захотелось. Отец говорит мне:

— Ну-ка, возьми!

И Палагушкин-отец подмигивает Юре:

— Ну-ну, молодежь!

Жаль мне манку, а как спасти ее, не знаю: печь жарко горит, весь котел в огне. Отец смеётся, берёт мокрые портянки, обертывает ими руки и вытаскивает котел из огня.

Сели мы вокруг котла голые, наелись манки и тут же заснули. Просыпаюсь, смотрю — отец уже бреется.

— Подымайся,— говорит,— пойдём моряков искать.

Штаб моряков был неподалеку в лесу. Там формировался сводный батальон. Мы прикрепились к этому батальону и в тот же день на бронекатерах вернулись в Сталинград. Высадка произошла в северной части города, где в те дни начались жестокие бои на территории заводов «Красный Октябрь», «Баррикады» и на Тракторном.

НА ЛИНИИ ОГНЯ

Рабочие бойцы

☆

И. З. РОЖКОВ

Уже много рабочих «Красного Октября» ушло в бой, когда началось формирование рабочего батальона из оставшихся на заводе людей для несения службы охраны. В батальон набирались добровольцы. За два дня было принято 303 человека. Вскоре наиболее молодые и боеспособные бойцы батальона были включены в части народного ополчения и ушли на передовую. Осталось 120 бойцов. Они были размещены по подвалам, тоннелям и под мартеновскими печами.

Прежде всего надо было добыть оружие. Это дело было поручено технику коммунального отдела Серёже Шипанову. Он связался с командованием воинских частей, которые держали оборону по соседству с заводом, и достал достаточное количество трофейного оружия, чтобы вооружить весь батальон. Мы получили и винтовки, и пулеметы, и противотанковые ружья, и гранаты. С гранатами возникло некоторое затруднение. Когда вскрыли ящики, в которых они были упакованы, оказалось, что это совершенно незнакомые нам гранаты. В изучении их помог батальону наш боец Костя Метчик. Он взял несколько гранат, пошёл на шлаковый отвал, что за мартеновскими цехами, и на практике установил, как надо с ними обращаться. После этого он ознакомил с действием гранат командиров взводов и отделений.

Первые дни сентября батальон занимался главным образом сооружением в рабочем посёлке противотанковых препятствий: перегородил металлическими ежами перекрёсток дорог у заводского клуба имени Ленина и подступы к нашему заводу со стороны завода «Баррикады», за которым шёл бой. Вокруг территории наших цехов были оборудованы пулемётные точки, установлены посты. На окраине рабочего посёлка, на бугре у конного двора, где был домик одного из бойцов батальона, Феди Залипаева, мы организовали наблюдательный пункт. Он часто использовался и воинскими частями. Отсюда хорошо просматривалось поле за Вишневой балкой и Федоровский сад, уже занятый немцами.

Каждый день, утром и вечером, Федя приходил в штаб и докладывал результаты своих наблюдений. Во время одного сильного обстрела он был убит на своем посту.

В наиболее спокойные дни бойцы нашего батальона вывозили к переправе заводские материалы, а по ночам собирали оставшихся еще кое-где в щелях и подвалах жителей посёлка, помогали им добираться к переправе через Волгу.

Как-то в полуразрушенном подвале ремесленного училища мы обнаружили 14 тяжело раненных женщин и подростков. Оказалось, что их собрали здесь один старичок-врач заводской поликлиники и медсёстры Клава и Нина. Когда поликлиника сгорела, они перебрались в этот подвал и открыли в нём пункт первой медицинской помощи.

Раненых мы переправили с врачом за Волгу, а Клава и Нина остались у нас, организовали в подвале под столовой мартеновского цеха медпункт батальона.

Вскоре у нас появились еще две девушки. Сначала они работали в заводской пекарне; выпекали по ночам хлеб из остатков муки, кормили рабочих, занятых эвакуацией ценностей, наш батальон и комендатуру завода. Когда мука кончилась, они пришли в хозяйственное отделение батальона, в дымоход 14-й мартеновской печи и расположились здесь. Это были эвакуированные в Сталинград украинки. Я предложил им переехать за Волгу, но одна из них мне заявила:

— Никуда мы отсюда не уйдём. Вы здесь, и мы будем здесь, а дело для нас найдётся.

Так они и остались в батальоне. Готовили для бойцов пищу, а потом нашлась для них и другая работа.

Однажды ночью медсестра Нина пошла в посёлок проведать свою мать и оказалась в расположении немцев. Всё же на следующий день она благо-

получно вернулась. После этого Нина и другие девушки часто ходили ночью «искать маму» и приносили ценные разведывательные данные командованию гвардейских частей, которые в середине сентября расположились на нашем заводе.

К этому времени немцы уже заняли часть посёлка Северный городок и подошли вплотную к заводскому посёлку. Теперь территория завода обстреливалась уже не только из артиллерии и миномётов, но также и из автоматов.

Трудно пришлось нашим медсёстрам Клаве и Нине. На медпункт стали часто приносить раненых бойцов рабочего батальона. Иногда приносили сюда и красноармейцев, раненых где-нибудь поблизости. Девушки спокойно обрабатывали очень тяжелые раны, зачастую выполняли работу хирурга,— извлекали из тела осколки.

Это были самые тяжёлые дни. Хотя рядом находились воинские части, но мы действовали самостоятельно. Кончились имевшиеся на заводе запасы продуктов. Иногда наш заводской катерок «Сталь» доставлял нам из-за Волги печёный хлеб и мясо, но большей частью приходилось довольствоваться одними лепёшками, которые бойцы пекли из толчёной ржи под станками разрушенных цехов и в других укрытиях на железных листах.

В подвале под одним из наших цехов разместился политотдел гвардейской дивизии генерал-майора Гурьева. Однажды начальник политотдела пригласил меня к себе и попросил оказать помощь в минировании посёлка, так как красноармейцам по ночам трудно ориентироваться в разбитых и выгоревших кварталах.

С этого дня наши бойцы, отлично знавшие все балки, проезды и пролазы в своем посёлке, стали действовать совместно с гвардейцами, служили им проводниками в ночных операциях, укрепляли противотанковые препятствия, помогали сапёрам минировать улицы.

В особенно тревожные ночи наш батальон ставился заслоном на один из участков обороны. Рабочие бойцы в серых и чёрных фуфайках, в касках, с винтовками и гранатами выходили, вернее, вылезали из тоннелей, из-под мартеновских печей и занимали оборону во дворе завода со стороны ремесленного училища и заводского клуба.

Передовая на мартенах

☆

Е. Т. СИСЕРОВ

С сентября наш рабочий батальон завода «Красный Октябрь» располагался под мартеновскими печами, в насадках и дымоходах. Печи еще не успели остыть, от кирпича шёл жар, люди по́том обливались. Даже когда морозы начались, здесь можно было ещё в одной рубашке сидеть.

При бомбёжке цеха печь тряслась, как на пружинах, из стен кирпичи вылетали, пыль подымалась страшная, в палец толщиной ложилась на одежду. Соберёмся кучкой, присядем на корточки, лицом друг к другу, головы пригнём, накроем их пиджаками и сидим на кирпичной решётке, как в шалаше. Наверху всё рушится, грохочет; а тут спокойно — только кусочки кирпича по спинам барабанят.

Раз мы увидели рядом с собой овчарку и кошку, прижавшихся друг к другу. Чуть ли не в обнимку лежали. Собаки у нас раньше злые были — сторожевые, заводской военизированной охраны, на цепи сидели вдоль забора. Во время боёв забор сгорел, собаки разбежались, совсем одичали. Но при бомбёжке или сильном артиллерийском обстреле от страха они сразу ручными становились, ласковыми. Подойдёт к тебе овчарка, дрожит и руки лижет — чувствует, что с человеком рядом ей безопаснее.

Сначала мы одни занимали мартеновский цех. Воинские части держали оборону впереди — у железной дороги, в рабочем посёлке. В октябре они начали с тяжёлыми боями отходить к трамвайной линии, за которой уже территория самого завода начинается. Когда красноармейцы пришли на мартены, мы сразу освободили по их просьбе одну насадку. Но только они забрались под печь, как печь затряслась — налетели немецкие бомбардировщики. С непривычки красноармейцы выскочили наружу — думали, что печь сейчас завалится. Печь осталась цела, а они почти все погибли от разорвавшейся рядом бомбы. Потом и военные обжились на мартенах, натащили под печи кровати, столы. В насадках у них и штабы помещались и медпункты; боеприпасы там складывались.

До начала октября наш рабочий батальон нёс службу охраны — патрулировал завод, устанавливал заграждения, а когда воинские части рядом

Бойцы рабочего батальона несут службу охраны

расположились, мы были переданы в состав гвардейской дивизии генерал-майора Гурьева.

Официально передача произошла 6 октября. В этот день генерал вызывал нас к себе на берег Волги. Он помещался со своим штабом в блиндаже под горой за Банным оврагом. Мы пошли к нему вдвоём — Почевалов, командир наш, и я, замещавший тогда комиссара; понесли список личного состава и оружия.

В строю у нас было тогда ровно сто бойцов. Из них только несколько человек воевало в августе на Мечетке; остальные вступили в батальон как пополнение уже после. В большинстве это были пожилые люди, не служившие в армии по состоянию здоровья. Мы с командиром думали: куда нам в гвардейскую дивизию итти, разве мы похожи на гвардейцев! И когда генерал Гурьев спросил нас:

— Ну как себя чувствуете, орлы?

Я решил, что он подсмеивается над нами, и откровенно сознался:

— Неважно. Народ на войне неопытный, оружием плохо владеет.

— Ничего, ничего, только не робейте,— сказал он.— Я вот тоже пастухом был, а теперь дивизией командую.

Видим, что генерал в обхождении простой, душевный человек, поговорили с ним и приободрились. Он придал нас сапёрной роте в качестве вспомогательного рабочего отряда.

На площадке ремонтно-котельного цеха лежало много бронеколпаков амбразур, изготовленных на нашем заводе. Нам дали задание перетаскивать их на передовую, за трамвайную линию. Тащить было недалеко, метров триста, но амбразура весила около тонны и приходилось брать крутую гору, по грязи, в дождь. 10—12 человек с трудом волочили её, подкладывая под низ доски. Передвинешь на несколько метров — и ложись: немцы из миномётов бьют. Бывало, за одну ночь не успевали дотащить до передовой. Где рассвет застанет, там и оставляли амбразуру; а на следующую ночь опять тащили. Днём нельзя было работать — немецкие снайперы выслеживали рабочих. Ночью и то потери несли, каждый раз по два-три человека из строя выходило.

Недели за две мы установили на передовой 25 амбразур, сдали гвардейцам под огневые точки. Передовая в это время крепко держалась в посёлке за трамвайной линией. Но 23 октября немецкие автоматчики просочились на территорию завода, вышли в цех блюминга, чуть было не прорвались к штабу дивизии.

В этот день мы сидели в насадках: нельзя было вылезти из-под печей — немецкие самолёты летали низко над разбитой крышей цеха и стреляли из пулемётов. Ночью наступило затишье. Распространился слух:

— Немцы на заводе.

Мы не верили этому, так как передовая была там же, где накануне. Я пошёл в новосреднесортный цех, посмотреть, что делают наши люди, размещавшиеся в тоннеле этого цеха. По дороге услышал стрельбу. Стреляли в сторону Волги, но потом одна очередь была дана как будто по мне. Вернувшись, я сообщил командиру, что в новосреднесортном цехе какая-то подозрительная стрельба. Он меня успокоил, сказал, что это, наверное, наши бойцы тренируются. А утром, выйдя наружу, мы увидели немцев. Они шли цепочкой по литейной канаве на наш мартен.

Вместе со мной вышел Моргай, молодой парень лет семнадцати. На «Красном Октябре» он новичок был — с Украины эвакуировался. Там где-то в ремесленном училище обучался, а у нас поступил работать в цех касок. Рослый парень, видный из себя, но среди нас, как дитё, был. Один

Бои на заводской территории. Разведка в цехе

он из всей своей семьи эвакуировался и очень держался за новых товарищей. Особенно с молодым каменщиком Крюковым дружил. Тот тоже семью потерял — погибла во время бомбёжки. Вместе они на Мечетке с немцами дрались, вместе оттуда вернулись и остались на «Красном Октябре» воевать. Дальше эвакуироваться Моргай ни за что не хотел.

Стоим, смотрим с ним из-за печи на немцев. Мы — в тени; они нас не видят, прямо на нас идут. Я думаю: как же это так — передовая за трамвайной линией, а немцы уже на мартенах. Моргай испугался, что ребята пропадут, не успеют вылезти из насадок, кинулся за ними под печь. Я чувствую, что страшное что-то случилось, но что — не пойму. Одна только мысль: скорее командиру дивизии сообщить, а то всё погибнет.

Уже два месяца бои шли в Сталинграде, немцы всё время рядом были, но так близко, что лицо каждого разглядеть можно было, мы их еще не

видели. Главное меня поразило, что они шагают канавой и разговаривают, показывают на что-то руками, как будто по какому-то делу идут у себя дома, а о том, что мы тут, вовсе и не думают.

Немцы были уже у самой печи, когда я кинулся в противоположную от них сторону, за шихту, и помчался к Волге. За мной — Моргай и еще несколько бойцов, успевших выбраться из насадки. Другие под печью остались.

Прибегаю к генералу Гурьеву в блиндаж, докладываю:

— Немцы на мартене!

Он сидел у столика, осанистый такой, небольшого роста. Смотрит на меня снизу вверх, прищурившись, говорит:

— Надо сейчас же выбить.— И кому-то приказывает: — Пошлите разведчиков на мартены.

Я не знаю, что мне делать, запыхался, отдышаться не могу. Генерал встаёт, накидывает на плечи кожаный реглан, выходит из блиндажа. Иду за ним. Он увидел наших ребят, прибежавших за мной к блиндажу, спрашивает у Моргая:

— А ты откуда такой орёл?

— С Украины,— отвечает Моргай.— Мы — эвакуированные.—Он всегда так говорил: «Мы — эвакуированные», как будто опомниться не мог от эвакуации. Генерал засмеялся и сказал:

— Бегите все к водокачке, к разведчикам, проводите их на мартены и выбейте немцев, а то они еще укрепятся там.

Когда мы прибежали на водокачку, разведчики уже выскакивали из подземелья. Человек пятьдесят их было. Развернулись цепью и пошли на мартены.

— Ну, показывайте же, где вы их видели! — говорили они.

Мы, заводские, сразу почувствовали себя смелее, стали забегать вперед, высматривать из-за углов и балок, где немцы. Злость появилась: как так — в нашем цехе немцы, сейчас вот перебьем их! Моргай беспокоился за товарищей, оставшихся под печами. Торопил всех, говорил:

— Да скорее же, скорее, а то наши там остались, немцы убьют их,— а потом закричал:

— Вон немцы по насадкам ходят!

Они, должно быть, собирались уже осматривать насадки и дымоходы. Мы увидели их в нижнем пролёте цеха, под рабочей площадкой, с которой печи загружаются шихтой. Они уже не цепью шли, а кучками. Красноармейцы ударили из автоматов, и немцы рассыпались по цеху, скрылись за

Огневая позиция сталинградцев

печами, изложницами, стали с боем отходить с новых мартенов на старые.

После этого боя осталось заводских при дивизии всего двадцать четыре человека. Почевалов был ранен, за командира я стал. Передовая наша еще несколько дней держалась за трамвайной линией в окружении. Но и немцы, прорвавшиеся на завод, тоже были в окружении, пока наши с трамвайной линии Банным оврагом не отошли к Волге.

На новых печах, начиная с восьмой печи, заняли оборону красноармейцы. А на первых печах немцы засели. Передовая проходила теперь по мартеновскому цеху между старой и новой группами. В других цехах немцы пробрались еще ближе к Волге. Командир дивизии приказал мне занять рубеж у лесопилки, окопаться на берегу, над самым обрывом.

С 25 октября держали мы оборону у лесопилки. Справа от нас был учебный батальон. Он несколько дней подряд геройски отбивался от немцев. Они всё время на него наступали, а потом увидели, что им тут не пройти, и пошли в наступление на нас, забросав минами. Мы отстреливались из одного ручного пулемёта и винтовок. Немцы шли во весь рост, но, не дойдя метров сорока-пятидесяти, залегли.

Я попросил поддержки у генерала. Он ответил:

— Держитесь, пока получим пополнение из-за Волги.

В резерве дивизии уже никого не было. Все-таки генерал прислал нам на помощь троих красноармейцев: повара и двух санитаров. Явились они из-под горы, весёлые; особенно повар — маленький, востроносенький. Он всё голову задирал — каска ему, должно быть, видеть мешала: велика была для него, крутилась на голове, как на шесте.

— Прибыл, товарищ командир, резерв главного командования. Какое будет приказание?

— Да вот,— говорю,— немцы залегли рядом. Бьём, бьём, а выбить их не можем.

Не успели мы оглянуться, как двое из этих троих — повар и санитар — поползли вперёд, быстро-быстро, к бугорку. Наши заводские высовываться стали из окопов, смотрят и не поймут, куда это ползут красноармейцы — неужели такие отчаянные, что вдвоём фрицев атаковать хотят.

Не пришли нам генерал этих смельчаков, не знаю, что бы мы делали. Очень помогли — доползли до бугра и закидали немцев гранатами. Немцы отступили и пошли в атаку левее, на полк майора Мазного.

Майор просил у генерала поддержки. Генерал приказывает мне:

— Поддержите соседа слева, подкиньте ему шесть своих заводских.

У меня к этому времени еще четверо выбыло из строя. Каменщика бригадира Ильюшина тяжело ранило. Любили его очень рабочие, говорили:

— Вот это чистейшей воды коммунист!

Пока мы ждали пополнения с левого берега, разные были разговоры. Некоторые думали, что погибнем мы все до одного, так и не дождавшись поддержки. Ильюшин говорил:

— Чего вы, ребята, скисли? Неужели думаете, что вам тяжелее всех?

Когда погрузили Ильюшина ночью на наш заводской катерок «Сталь», прощаясь, он сказал каменщику Крюкову:

— Бейтесь, ребята, не отступайте, дотерпите как-нибудь до поддержки, оправдайте надежду товарища Сталина.

В эту же ночь прибыло в дивизию большое пополнение, и нас отправили на левый берег для обмундирования. Мы все еще ходили в гражданском. Красноармейцы спрашивали:

— Что это за народ ходит на передовой — в кепках, пиджаках, а с оружием?

Нас часто задерживали, документы проверяли, в штаб водили для выяснения личности. Генералу надоело это, и он сказал:

— Пора, наконец, обмундировать их по-гвардейски.

У стен своего завода

☆

П. А. ТЯЛИЧЕВ

5 октября по приказу командования Сталинградского фронта наш рабочий отряд Баррикадного района был передан в дивизию, которой командовал полковник Леонтий Николаевич Гуртьев.

Ночью часа в два, вместе с комиссаром отряда товарищем Ченцовым, секретарем партбюро одного из цехов нашего завода, я пробирался по

берегу Волги в штаб дивизии, который был расположен в одном из оврагов между заводами «Баррикады» и СТЗ, у шлаковой свалки.

То и дело нас останавливали приглушенным криком: «Стой! Кто идёт?» — и только после проверки документов пропускали дальше.

По узким, крутым тропкам на верх оврага подымались бойцы и пропадали в темноте.

У входа в блиндаж штаба дивизии, закрытого плащ-палаткой, мы доложили о себе дежурному командиру. Ждать пришлось недолго. Полковник Гуртьев и его комиссар приняли нас очень тепло. Мы доложили о том, чем располагаем и как воюем. Наш отряд до этого был подчинён военному коменданту района; сначала мы несли патрульную службу, ловили шпионов и диверсантов; наш строительный взвод возводил переправы, строил противотанковые заграждения. С первых чисел октября мы дрались с немцами, наступавшими на Верхний посёлок. В этих боях мы понесли большие потери: из всего отряда осталось человек семьдесят пять — восемьдесят.

Полковник Гуртьев подробно расспросил нас о заводе. Узнав, что я работал заместителем главного конструктора и до войны окончил Артиллерийскую академию имени Дзержинского, он сделал небольшую паузу, посмотрел на нас, а потом сказал:

— Это хорошо, что среди вас, гражданских, много людей, которые проходили военную службу и знают военное дело.— И тут же он стал рассказывать нам, как два полка остановили немцев, рвавшихся к Волге. Эти полки понесли очень тяжелые потери, но поставленную задачу выполнили.

— Я надеюсь, что рабочие будут драться не хуже моих сибиряков. Передайте это рабочим, нашим новым бойцам,— сказал он.

Полковник включил нас в состав роты лейтенанта Бурлакова. За нами сохранялось название Рабочего отряда.

В это время наш отряд с боем отходил с Верхнего посёлка на территорию завода. Утром все бойцы собрались на заводе. От него оставались уже только полуразрушенные стены.

Мы шли по заводскому двору и вспоминали тех, кого уже не было вместе с нами. Здесь погиб молодой инженер Петр Денисович Борозна, заместитель начальника сборочного цеха. До последнего своего часа он собирал и отправлял на фронт боевое оружие. Отсюда наши баррикадцы уходили на фронт в составе орудийных расчётов.

В железнодорожном тупике стояла батарея морских орудий дальнего действия. Из этих пушек моряки Волжской флотилии вместе с нашими ра-

бочими вели огонь по немцам, и теперь эта батарея стояла тут же, но она была уже разбита немецкой авиацией.

Я доложил о прибытии нашего отряда командиру роты, старшему лейтенанту Бурлакову. Он сам был сталинградцем: до войны работал директором МТС, с первых дней обороны Сталинграда сражался в рядах войск НКВД. Его рота недавно была передана в дивизию Гуртьева.

Бурлаков приказал нам проделать бойницы в железобетонном заводском заборе. В любую минуту со стороны «Красного Октября» и с Верхнего посёлка могли появиться немецкие танки.

Немцы уже подходили к трамвайной и железнодорожной линии, били по заводу прямой наводкой.

14 октября, когда немцы особенно рвались к Волге и уже заняли Сталинградский тракторный завод, наш рабочий отряд занял оборону западной части завода вдоль железобетонного забора.

На следующий день на завод прибыл стрелковый полк с сильными огневыми средствами. Мы перешли в наступление, но вскоре отошли на исходный рубеж. Территория завода с Верхнего посёлка хорошо просматривалась немцами, и их прицельный огонь не давал продвигаться нашим бойцам.

17 октября немцы начали ожесточённую артиллерийскую подготовку. Волна за волной на завод шли немецкие бомбардировщики. В середине дня в наступление на завод двинулось 50 немецких танков. За ними шли автоматчики.

Наши бронебойщики, расположенные вдоль железобетонного забора, метким огнем встретили немецкие танки. Немецкие автоматчики залегли. Разгорелся жаркий бой. Противотанковые орудия, расположенные у первых контрольных ворот, подбили семь танков. Они загородили проход. Лобовая танковая атака на завод была сорвана.

Затем немцы бросили танки с десантами пехоты. Они хотели обойти завод с севера и юга. Немецкие танки подошли вплотную к нашим цехам. Прямой наводкой они били по нашим огневым точкам. Немецкие автоматчики наступали густыми цепями.

Нам пришлось отойти и занять оборону по линии горячих и механических цехов.

На долю многих рабочих выпало бороться за Родину там, где они раньше трудились. Завязался бой на коротких дистанциях. Главным оружием были ручные гранаты. Два часа длился этот неравный бой в цехах

завода. Нам снова пришлось отойти и занять оборону по линии забора с восточной стороны.

Трудно всё это передать словами.

Вот как об этих днях рассказывают донесения, которые писал старший лейтенант Бурлаков:

«Командиру дивизии. Доношу, что северо-западные цеха завода: цеха 43 и 19 заняты противником. Гарнизон роты попал в окружение. Связь с ними прервана. На углу — северо-западнее — находятся шесть танков противника. Нахожусь в обороне с отрядом рабочих. Положение серьезное. Бурлаков».

17 октября в 20 часов 40 минут Бурлаков прислал новое донесение: «Доношу, что при обороне завода в ночь с 16 на 17 рабочий отряд 2-й роты НКВД занял оборону северо-западнее угла завода. Утром с сосед-

него участка прорвалась большая группа немцев. Принял бой с двумя батальонами пехоты немцев; часть их уничтожил. Положение серьезное. Старший лейтенант Бурлаков».

В те дни нам пришлось расстаться с начальником штаба нашего отряда Яковом Викторовичем Коробковым, работником отдела технического контроля завода. Это был неутомимый организатор, волевой и крепкий человек. Устраивались мы на ночь на алебастровом ящике, укрывались где-то найденным куском материи, шутили над тем, что никогда у нас не было такого огромного, двенадцатиметрового одеяла. У Коробкова сохранился в запасе один килограмм конфет. Каждый день он выдавал нам по одной конфете. Расставаясь, он роздал нам последние конфеты. Яков Викторович ушёл в коммунистический батальон, который формировался из добровольцев.

На всю жизнь останется в памяти момент, когда немецкие танки, обойдя завод, прорвались к Волге; их встретили там бойцы коммунистического батальона. Стоя по пояс в воде, они забрасывали гранатами немецкие танки.

На правый берег уже высаживались бойцы дивизии Людникова.

Своей кровью оросил разрушенные камни любимого завода наш комиссар Павел Иванович Ченцов. Погиб и отважный командир роты — товарищ Бурлаков.

На переправе у Тракторного

☆

А. И. ФОМИНА

Тылы одного батальона, занимавшего оборону в районе Тракторного, расположились в заводском кинотеатре «Ударник». Здесь я познакомилась с девушкой-санинструктором, которая прибыла на защиту Сталинграда с далекого Алтая.

В мирное время, участвуя в комсомольских военизированных походах, я воображала себя Анкой-пулемётчицей. Теперь обстоятельства перемени-

лись. Действительность превзошла всякое воображение: я была уже бойцом взвода сандружинниц, имела некоторую боевую практику на своём заводе и высоко оценила роль медицинских работников на войне.

Батальон, в котором служила моя новая подруга, вёл бои у дороги на Дубовку. Прибыла первая партия раненых. Доставив их, моя подруга снова вернулась на поле боя и сама была смертельно ранена. Она умерла на моих руках, и я поклялась заменить эту девушку с Алтая, для которой Тракторный завод был так же дорог, как и для нас, тракторозаводцев.

Дома я не сразу сказала, что ухожу в армию — боялась, что маме будет очень тяжело. Пообедав в последний раз с милыми и близкими, я попросила маму отыскать мой комсомольский костюм. Он оказался в одном из узлов, в которые давно уже были сложены на случай пожара некоторые домашние вещи. Я оделась и только тогда решилась сказать:

— Иду, мама, на передовую.

В эту минуту мама была такой ласковой и милой, какой я никогда её ещё не видела. Она ничем не выдала своего страха за меня, только поцеловала. Она сама уложила в ранец необходимые мне на передовой вещи.

Я опоясалась и, простившись, пошла в штаб батальона. Тут я узнала, что в этом батальоне есть уже две девушки с Тракторного: Таня из отдела главного конструктора (фамилии её не помню, её все звали по имени) и Дуся Маркелова, подруга, с которой протекала вся моя жизнь, наполненная работой на заводе и в комсомоле, учёбой в педагогическом институте и весёлыми лодочными прогулками с друзьями по Волге.

Я уже служила в батальоне, когда немцы начали штурм Тракторного. Сотни самолёто-вылетов, бомбёжка фугасками и зажигалками сопровождались артиллерийско-миномётным обстрелом. Жилые дома и заводские корпуса превращались в груды развалин. Тяжело было бойцам смотреть на жителей, лишённых крова и убежища. На оборону встали все, включая повара Вертепу, у которого противотанковое ружьё играло в руках, как ковш на длинной ручке в кухонном котле.

Немецкие атаки следовали одна за другой. Вдруг среди дня наступило затишье. Комиссар батальона Архипов вышел из укрытия. Он наблюдал в бинокль за Горным посёлком, в котором были немцы. К нему подошёл политрук Воронков. В этот момент немцы возобновили огонь по нашему переднему краю. Три осколка пробили грудь Архипова. Воронков

тоже был тяжело ранен: один осколок разрубил плечо, другой — ногу.

С наступлением темноты мне приказано было эвакуировать их вместе с другими ранеными за Волгу. Раненых бойцов и командиров было больше двадцати человек. Их надо было перенести к пешеходному мостику, что против яхт-клуба, а оттуда по этому мостику на остров. В помощь мне дали только одного санитара. О трудностях не буду говорить. Скажу только, что мною руководила какая-то неведомая сила. Перенеся одного, я бежала за другим. Ведь каждую секунду раненых могла накрыть мина или на берегу или на мостике посреди Волги. Волга бурлила от разрывов мин и снарядов.

Санитаров на острове не оказалось. «Ничто не обещает здесь возможности быстрой эвакуации»,— подумала я, очутившись на сыром холодном песке под открытым небом, среди полуживых, беспомощных, но безмолвно терпеливых в такие тяжёлые минуты бойцов-защитников. Только изредка раздавался чей-нибудь голос, произносивший проклятие врагу.

В эту ночь мне было очень трудно. Перевязочный материал у меня иссяк. Я заменяла бинты полотенцем, разрезав его на ленты, простынкой, случайно оказавшейся в моем вещевом мешке, всем, что годно было для перевязки и подбинтовки.

Воронков от потери крови, которую я с трудом остановила, казался безжизненным. Комиссар очень страдал, но лежал спокойно, ничего не просил. Я бегала к мостикам, чтобы принести воды бойцам, просившим пить. У мостика рвались мины, но как я могла отказать бойцам, которые с такой жадностью пили волжскую воду, похваливали её и просили:

— А ну-ка, сестрёнка, принеси ещё.

Комиссар тоже, наверное, страдал от жажды, но он не хотел выпить и глотка воды. Ему было неприятно пить воду, которую девушке приходилось добывать с опасностью для жизни. Вообще он держал себя исключительно. Я ещё раз убедилась, какой это благородный человек. С перебитой грудью он находил в себе силы подбадривать меня. Называл меня сестрой песчаной палаты берегового госпиталя.

Чтобы бойцам было удобнее лежать на песке, я перетаскала им на подстилку целый стог сена, который нашла на острове. Чувствуя заботу, раненые перестали отчаиваться. Многие хотели подняться. Тем, кому это удавалось, я подыскивала палку, и они самостоятельно направлялись к переправе. Так постепенно началась эвакуация берегового госпиталя.

Это была уже не первая бессонная ночь, но я не чувствовала усталости. Если сядешь и станешь прислушиваться к себе — охватит отчаяние. Но я не прислушивалась к своим чувствам. Я слушала только внешние зовы: «Сестрёнка, помоги, умираю!», «Сестрёнка, подними голову, я посмотрю на Волгу, может быть, последний раз».

Из моих глаз невольно катились слёзы; я старалась замаскировать их улыбкой, найти слово ласки, зовущее наших защитников жить еще много-много лет. Разве я могла думать о своей смерти? Нет! Я боролась за жизнь людей, которые шли вперёд под убийственным огнём врага во имя нашего будущего. Их раны были моими ранами; я их ощущала — эти раны,— но не ждала смерти, так как это было только началом моей жизни. К такой суровой жизни я готовила себя и на производстве, и в комсомоле, и на учёбе. Я верила в свои силы и теперь рада была, что они меня не подводят.

В разрывах снарядов и шорохах раненых я услышала вдруг стук колёс и фырканье лошадей. Неподалёку от нас остановились две подводы с боеприпасами. Я бросилась к ним, чтобы помочь скорее сгрузить боеприпасы и погрузить раненых. Бойцы не хотели брать раненых, заявили, что должны торопиться, но я крепко поговорила с ними, и тяжело раненные были положены на подводы. Остальные должны были итти, придерживаясь подводы.

Комиссар очень страдал при встряске, ему было тяжело дышать. Воронков же чувствовал себя лучше. Повязки были сухие, и не было признаков возобновления подтёка крови. Ещё на берегу я отдала ему свое пальто. Он спросил:

— Товарищ Фомина, а руку мне отнимут?

— Что вы, товарищ политрук! — ответила я.

Но политрук не мог успокоиться. Я плетусь за подводой, преодолевая дремоту и поддерживая раненого бойца, а Воронков говорит:

— В Средней Азии, в городе Ленинабаде меня ждёт очень красивая девушка. Разве я могу явиться к ней без руки! Она не примет калеку.

Мне показался этот разговор очень смешным. Я от души рассмеялась, и от смеха у меня пропала дремота. Я сказала:

— Рука будет у вас, и никто вас не разлюбит, но прежде всего надо переправиться через Большую Волгу. Вот когда я вас переправлю, тогда думайте о девушках. Когда-нибудь, может, вспомните и обо мне. Как, вспомните или нет? — спросила я.

— Уж кого мне больше помнить, как не вас, Аня,— сказал Воронков.— После войны — хорошо ли буду жить или плохо, но обязательно приеду в Сталинград,— добавил он.

— Приезжайте, у нас будет хорошо,— сказала я и предупредила: — Нигде меня не ищите, а только на Тракторном.

Воронков умолк, о чём-то размышляя. Я стала думать о товарищах, оставшихся на Тракторном. Как там без меня справляются с работой Дуся и Таня; много, должно быть, работёнки. Вспомнила, что увидела во время боя свою старую подругу Тосю Карпову. Оказывается, она тоже в нашей части. Пожалела, что не удалось с ней поговорить. Она такая же весёлая, вообще точь в точь такая же, как была; только вместо белого платочка на ней зелёная косыночка.

Так, раздумывая обо всём, я и не заметила, как наша процессия перешла остров, обстреливавшийся методическим огнём артиллерии. На берегу Большой Волги нас встретили санитары. Они сгрузили раненых на берег и обещали немедленно переправить. Но время шло, стало быстро светать, а раненые всё лежали и уже теряли надежду на спасение. Я сама приходила в отчаяние; меня сильно знобило, так как я была в одной гимнастёрке, а шёл дождь и с Волги дул холодный ветер. Силы меня ещё не оставляли; я бегала среди множества людей, что-то разгружавших, разыскивала начальника переправы, но в голове у меня уже туманилось и я не помню, какие и с кем вела дипломатические переговоры. В конце концов раненые были уложены на понтон, и мы быстро пересекли Волгу, в водах которой горели буксиры, плашкоуты, трамвайчики.

На левом берегу Волги не пришлось долго ожидать. К переправе подходили подводы и машины из различных санбатов; все торопились с погрузкой раненых, чтобы не попасть под бомбёжку. Здесь я простилась с Воронковым. Когда его положили на носилки, я сделала инстинктивное движение — хотела взять своё пальто. Он сразу заметил это движение, понял мое намерение и спросил:

— Аня, вы хотите взять?

— Нет, нет,— что вы! Зачем мне пальто — завтра буду на передовой, там и без пальто жарко,— сказала я, сгорая от стыда за своё невольное движение.

С комиссаром я простилась уже на другой день. Состояние здоровья его оказалось очень тяжёлым. Из санбата нас направили в госпиталь, в Среднюю Ахтубу, а там сказали, что требуется немедленная эвакуация в Ленинск. Я должна была сопровождать комиссара до санпоезда.

Речные суда пробиваются к сталинградскому берегу

Каким чистеньким и уютным показался мне санпоезд с его подвесными койками после тех тяжёлых условий, к которым я уже привыкла!

Я положила комиссара на койку, поправила подушку, поглядела, не будет ли сквозить из окна. Он смотрел на меня, о чем-то думал, потом спросил меня:

— Какие у вас, Аня, планы?

Я сказала:

— Какие могут быть у меня планы,— поскорей вернуться в часть.

— Да, да, торопитесь, Аня,— посоветовал он мне, и я поняла, как он тоскует по своим боевым товарищам, которые теперь без него защищают Тракторный.

Я поторопилась проститься, чтобы скрыть охватившее меня волнение.

В госпитале, где мне надо было отметить свою командировку, я услышала голос, зовущий меня:

— Аня! Милая Анечка! Откуда ты?

Это была Клава Шабанова с Тракторного, пионервожатая школы № 3. Она вместе с сестрёнкой Зоей окончила курсы медсестёр и вместе с ней ушла на фронт.

Мы обнялись, поцеловались и стали говорить обо всём: о Тракторном, о домах, которые разрушены, о годах учёбы. Клава познакомила меня с девушками-сталинградками, служившими в госпитале. Все усердно уговаривали меня остаться у них, но согласились со мной, что это невозможно: в части меня могли бы считать дезертиром. Подошла машина, хозяином которой был бравый гвардеец. Девушки приняли раненых, а я, попрощавшись с ними, села рядом с гвардейцем и помчалась в путь.

Солнечное утро предвещало тёплый день. Я наслаждалась сталинградской осенью. Дорога перед нами стелилась гладкой скатертью. Собеседник был замечательный. Он, как солдатский котелок, прошёл все огни и воды. Навстречу всё шли и шли автоколонны.

В посёлке Рыбачий я сошла с машины и стала разыскивать в лесу тылы нашей бригады. После трехчасовых блужданий, уже ночью, я попросила часовых какой-то части, на которых наталкивалась, в каком бы направлении ни пошла, проводить меня в штаб. Часовой проводил меня в землянку комиссара. Лицо комиссара показалось мне знакомым, но я не могла вспомнить, где видела этого человека. В смущении я молчала. Комиссар первый заговорил. Он спросил меня:

— Учились вы, девушка, в пединституте?

— Училась,— ответила я.

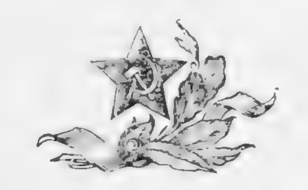
Комиссар улыбнулся и сказал:

— Я вас помню по экзамену. Историю народов СССР сдавали мне. Даже помню, что отвечали — Ледовое побоище; и с таким жаром, как будто сама в нём участвовала.

Я была ошеломлена этой встречей и такой памятью. Мы вспомнили общих знакомых по институту, затем комиссар устроил меня на ночлег.

Вот какие неожиданные встречи были у меня при возвращении в свою часть! Там меня давно ожидали, беспокоились за судьбу Архипова. Я доложила о выполнении задания и получила благодарность. Тут же в санчасти я встретила нового комиссара батальона товарища Трелина. На его лице было несколько осколочных ранений, и левую руку он держал на перевязи. Он сообщил мне тяжёлую весть: мои подруги Дуся и Таня погибли.

Редели ряды наших бойцов и командиров. На площади посёлка Рыбачий появилось свежее кладбище, но битва за жизнь продолжалась.

БОЕВЫЕ БУДНИ

Сарепта

☆

И. ПРОХОРОВ

Через весь Сталинград — от Тракторного завода на севере до Мачтового завода на юге — проходит параллельно Волге железная дорога. Местами — там, где город разросся в сторону степи,— дорога перерезает застроенные кварталы, а там, где город жмётся к Волге, тянется по её берегу узенькой полоской, железнодорожный путь служит границей городской черты, за которой уже степь, склоны курганов.

Во время осады Сталинграда в северных и центральных районах города железная дорога одно время проходила по самой линии фронта, а потом, когда фронт передвинулся в этих районах к Волге, дорога оказалась на территории, занятой немцами, за исключением участка возле Мамаева кургана, где железнодорожное полотно то переходило из рук в руки, то разделяло наши окопы от окопов немцев.

В южной части города положение было иное. Здесь немцы были задержаны на гряде холмов в нескольких километрах от железной дороги. В течение всей осады она была на виду у противника, но занять её противник не смог.

На этом, южном, участке и находится Сарепта — сортировочная станция сталинградского узла, формирующая поезда, идущие из Сталинграда на юг.

Никогда так напряжённо не работала Сарепта, как перед осадой Сталинграда. В то время весь грузопоток с севера на юг и с юга на

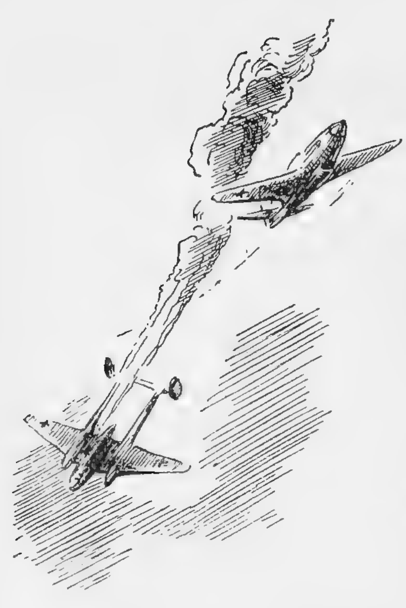
север проходил через нас, так как железнодорожная связь с Кубанью и Кавказом через Ростов была уже прервана немцами. С юга следовали многочисленные составы с хлебом и нефтью, а на юг один за другим шли поезда с войсками и боеприпасами.

Перед налётом немецкой авиации на Сарепту все наши пути были забиты вагонами, а на подходах к станции стояли составы с ценнейшим грузом, которые надо было спасти от надвигающихся на город фашистских войск. По призыву партийной организации на перевалку грузов с железной дороги на Волгу вышли не только все работники станции, но и члены их семей, даже дети. Тринадцатилетний Коля Колчев сформировал из своих сверстников целую бригаду, которая на работе не отставала от взрослых.

И вот над Сарептой появилась немецкая авиация. Это было 8 августа, за две недели до первого массового налёта немецких бомбардировщиков на центр города. Немцам удалось сжечь тогда паровозное и вагонное депо, колёсные мастерские, много вагонов, разрушить пути. В этот день мы убедились, что среди наших скромных тружеников много храбрых людей. Секретарь комсомольской организации Женя Чернышев, коммунисты Михаил Дудкин, Иван Плешаков под пулемётным обстрелом с «мессершмиттов» выводили паровозы из огня; Сергей Королёв, Вася Таланов, облившись водой, расцепляли охваченные пламенем вагоны с боеприпасами; старший стрелочник Игнатов, несмотря на контузию, не уходил со своего поста, лопатой расчищая полотно, заваленное пластами глины, выброшенной при взрыве фугаски; вечно улыбающаяся Нина Швец, которая славилась тем, что умела увлекательно рассказывать молодёжи прочитанное, пробираясь среди горящих составов, оказывала первую медицинскую помощь раненым и обожжённым.

Через несколько дней железнодорожные войска совместно с работниками станции восстановили разрушенные пути. Но теперь выход на юг уже был закрыт: немцы вышли на железную дорогу, соединяющую Сталинград с Кавказом. Весь грузопоток, который шёл через нас, переместился в Заволжье, двинулся на Кавказ через Астрахань, где поезда на паромах передавались через Волгу на новую железную дорогу, только что построенную по западному побережью Каспийского моря.

Сарепта стала маленькой прифронтовой станцией, забитой тысячами вагонов, которые застряли на её путях. Уцелевшие после бомбёжки вагоны стояли вперемежку с разбитыми и сгоревшими. Мы работали уже только внутри сталинградского узла, к которому с трёх сторон подходили немец-

кие войска. Остался один свободный выход — Волга.

Запылали центральные районы Сталинграда. Телефонная связь внутри железнодорожного узла прервалась. Мы чувствовали себя, как на островке: с одной стороны — Волга, с другой — горящий город, зарево пожарищ, поднимающееся над степными курганами, из-за которых вот-вот могли появиться немцы.

В ночь на 26 августа на станцию прибыл начальник передвижения войск полковник Гусев.

— Кто начальник станции? — спросил он, войдя в наше служебное помещение.

— Я,— вытянувшись по-военному, ответил Александр Иванович Сурков.

— Положение сложное,— сказал полковник.— Надо быть готовыми ко всему. Немцы рвутся к Волге.

— Что требуется от нас? — спросил Александр Иванович.

— Оставьте в помощь нам небольшую группу железнодорожников, остальных отправляйте за Волгу.

Выделенный в эту ночь небольшой коллектив работников станции во главе с её начальником стал называться «армейской группой железнодорожников». Началась жизнь и работа по-фронтовому.

По указанию военного командования станция была ограждена противотанковым барьером со стороны бугра, который тянется вдоль железной дороги с запада. Мы использовали для этого несколько сот колёсных пар, заготовленных для вагонов. На ветке от Сталгрэса к песчаному карьеру было выставлено в ряд как заграждение от танков триста вагонов. Такой же противотанковый барьер — сплошную стену вагонов — мы выставили по всему пути от станции Бекетовка на юг, протяжением в двенадцать километров. Ночью, когда надо было пропускать на операцию два бронепоезда, оставшихся на нашей станции, этот двенадцатикилометровый барьер убирался с линии. По освободившемуся пути вслед за бронепоездами проходили санлетучки, подавалось с Волги жидкое топливо для Сталгрэса, продовольствие для войск. Движение происходило без огней и звуковых сигналов. Составители поездов Ткаченко, Андронов подавали сигналы машинисту, выбивая искры из кремня кресалом: одна искра — паровоз двигается вперёд, две искры — назад. К утру бронепоезда возвращались

На волжской переправе

на станцию, маскировались в парках горелым железом под разбитые составы, и движение на линии прекращалось. Путь опять на всём протяжении, где он был виден противнику, заставлялся теми же вагонами и в том же порядке, что и вчера.

Это делалось в течение четырёх месяцев скрытно от немецких наблюдателей, всё это время просматривавших дорогу со степных возвышенностей. Днём, когда вся наша маленькая дорога была перед немцами, как на ладони, она казалась наглухо забитой составами, замершей, парализованной. Сарептские железнодорожники, всю ночь работавшие на линии, с утра забаррикадировавшись от противника, принимались за ремонт паровозов для бронепоездов, оборудовали вагоны для санлетучек, уходили на Волгу перекачивать нефть из баков в цистерны.

Время шло к зиме. Ночи стали длинными. Наши машинисты Иванов, Плешаков, Рыжов делали за ночь по нескольку рейсов с Волги на передовую, на Сталгрэс или на Судоверфь, откуда мы вывозили механизмы и станки на главную дамбу для перегрузки на баржи. На линии работало три-четыре паровоза. Этого было достаточно, потому что в период осады поезда могли курсировать только вдоль фронта, на расстоянии 18 километров от Волги до Лапшинской площадки. Но паровозники беспокоились, говорили: «Начнется наше наступление, протяжённость дороги увеличится — потребуется больше паровозов». Молодой слесарь Алексей Сурин предложил в свободное время восстанавливать разбитые локомотивы. Так как паровозное депо было разрушено, паровозники решили создать ремонтную базу в уцелевшем здании литейных мастерских. За это дело горячо взялись Савенков, Машаров, Соловьев, братья Сахаровы. Пробили стены, сделали смотровые канавы, уложили рельсы, установили поворотный круг. Так работала Сарепта. А немцы считали нашу станцию мёртвой! Немецкие батареи стреляли на наших глазах, но снаряды пролетали над нами, разрывались на берегу Волги, в сарептском затоне. С сентября стала мало тревожить нас и немецкая авиация. В октябре, в ноябре она часто проходила над нами, но всего два раза сбрасывала бомбы в районе станции — на всякий случай. Только однажды немецкий лётчик увидел двигавшийся на станции между составами маневровый паровоз. Он обстрелял его из пулемёта. Машинист Мягков был тяжело ранен. Паровоз пошёл без управления. Самолёт кружился над ним, ведя огонь, но составитель поездов Ткаченко сумел все-таки вскочить на паровоз и во-время остановить его.

„К С“

И. М. БОЙКОВ

Началось всё это с того, что по заводу было отдано распоряжение заморозить наш цех, выключить электропечь, так чтобы её трудно было снова пустить.

Это было поручено мне. Семь лет с начала его строительства проработал я в цехе. Здесь каждый болтик, гаечку, заглушку я не раз ощупывал и подгонял своими руками.

Ничего не было в моей жизни тяжелее, чем момент, когда, накопив в печи около метра шлака, я опустил электроды, отключил печь. Это было так, точно я сам отрезал от себя часть тела. В глазах потемнело, холодный пот выступил на лбу.

— Неужели конец? — спросил стоящий рядом со мной электротехник Чурзин.

Он громко, жалостно зарыдал, закрыв лицо руками, и побежал в комнату сменных инженеров. Я с трудом его успокоил, и мы пошли вместе докладывать начальнику цеха об исполнении приказания. В кабинете начальника он опять зарыдал, в слезах опустился на диван.

В этот день у отдела найма завода стояла огромная толпа. Чёрный дым поднимался за облака, в воздухе летал пепел и обгоревшие листы архивных документов. В отделе найма происходила запись добровольцев в рабочие батальоны.

Я был включён в состав особой бригады, которая в случае прорыва врага должна была взорвать завод. Три дня пришлось мне пробыть одному в своём замороженном цехе, ожидая рокового сигнала. На четвёртый день приходит ко мне начальник смены Васильев и говорит:

— Ты мне сообщи, когда приступать к пуску, а то истосковался... Хотел записаться в отряд — отказали, здоровье плохое.

— Не беспокойся, сообщу,— сказал я, думая, что он шутит.— Только, должно быть, не скоро.

— Как не скоро? — удивился он.— Полковник, приехавший к директору, требует немедленного пуска.

Только Васильев ушёл, оставив меня в смятении, как раздался телефонный звонок.

— Михайлович,— спрашивал меня директор завода,— можно пустить печь? Фронту фосфор нужен. Генералы Еременко, Чуйков и Шумилов требуют «КС» в бутылочках для уничтожения немецких танков.

— Приложим все усилия,— не задумываясь, ответил я.— Пустим печь. Прошу дать команду прислать электротехников и старых аппаратчиков.

— Составляй план пуска и ожидай подкрепления, — сказал директор.

Я кинулся к печи. За четыре дня она остыла. Электроды неподвижны, на метр вросли в шлак.

Только теперь я понял, почему директор спросил, можно ли пустить печь.

Из тяжёлого раздумья меня вывел надрывный кашель бежавшего ко мне старого аппаратчика Петра Черненко. Я побежал к нему навстречу, радуясь, что первым явился в цех аппаратчик моей смены. Он был болен туберкулезом; кашель одолевал его.

Мы встретились с ним, как будто долгие годы не виделись.

— Михалыч, значит, работаем, пускаем цех! — сказал он, отдышавшись.

— Да, Петро, есть распоряжение пустить немедленно. Фронту нужен фосфор,— ответил я.

Петро подошел к летке, обнял её.

— Мёртвая летка, совсем остыла печь,— и он посмотрел на меня, как бы спрашивая: «Что же делать будем, Михалыч?»

Мы поднялись с ним на площадку к пультовому управлению. Стрелка приборов показывала ноль. Электроды застыли в шлаке и повисли на кнопке управления. Я написал этикетку: «Трогать нельзя».

Вскрыли центральный люк печи — тепла не чувствуется, в печи холодно.

— Вот что, Петро, сделай электропроводную дорожку между первым и вторым электродом,— сказал я, еще не совсем уверенный, что удастся оживить печь.

— Понимаю, понимаю,— радостно закивал головой Петро,— сделаю!

Я побежал в кабинет составлять план пуска цеха. Вскоре пришел электротехник. Осмотрел подстанцию, подал в печь ток. Можно было итти с докладом к директору.

Штаб управления завода помещался в подвале, у входа в который стоял часовой из рабочей дружины.

— Ну, как, пустите цех? — спросил он меня.

— Печь уже поставлена на разогрев,— сказал я.

Дежурный по штабу Игнатушкин тоже прежде всего спросил:

— Как думаете, выйдет что?

— Выйдет,— ответил я.

— Но вы же остановили намертво! — воскликнул он.

— Да. Но думаю, что разогреть удастся.

Директор завода Уфлянд, выслушав мой план пуска цеха и сообщение о том, что в цехе имеется около двухсот тонн производственных фосфоритных отходов и что включённая печь даст в сутки полторы тонны чистого продукта, сказал:

— Надо заливать в день две тысячи бутылок и приспособиться готовить «КС» для заливки в баллоны.

Я попросил обеспечить доставку сероуглерода и пустых бутылок.

— Всё будет,— обещал директор.

В цехе меня уже ожидала группа рабочих, ветеранов фосфорного производства. Я рассказал о той большой работе, которую должен проделать цех, и предупредил каждого, что ему придётся работать за троих, так как много старых аппаратчиков ушло в рабочий батальон.

— Будем не только за троих, но и за четверых,— заявил аппаратчик Усов.

Яков Иванович Блохин внёс предложение:

— Так как линия фронта проходит в нескольких километрах от завода, надо считать, что мы составляем воинское подразделение, и установить военную дисциплину.

Решение было принято такое: сколько потребуется, столько и дадим.

Через 32 часа печь ожила, в ней накопилось достаточное количество шлаку. Много было пережито после этого сентябрьского дня, но никто из нашего небольшого коллектива не забудет момента, когда мертвый цех снова заработал, начался выпуск жидкости «КС», заполнение бутылок и баллонов, которые тут же грузились на армейские машины.

Сталгрэс

☆

В. РАЗУМЕЙЧЕНКО

На Сталгрэсе оставались только те, без кого нельзя было обойтись. Мы попрощались с семьями, заперли свои квартиры и перешли в цеха на казарменное положение.

Мозг электростанции — главный щит управления — всегда считался священным местом. Здесь могли находиться только дежурные. Теперь же у главного щита пришлось поставить и наши койки.

Помещение у главного щита, расположенное на третьем этаже, не имело никакой защиты, если не считать перекрытия в 15 сантиметров. Любой снаряд и бомба могли проникнуть внутрь щита. Только позже — для дежурного — напротив главного щита был установлен бронеколпак. Во время бомбёжки дежурный должен был залезать в это убежище и оттуда сквозь узкую смотровую щель следить за стрелками приборов на щите.

Водосмотр стоит на самом верхнем этаже электростанции, примерно на высоте сорока метров. Над ним только крыша. Во время обстрела она была плохим укрытием, её пробивали даже самые мелкие осколки. И водосмотр всегда стоял на своем посту. Он неослабно должен был смотреть за приборами, регулировать уровень воды в котлах. Если упустить воду, котёл может выйти из строя. Ведь для электростанции угроза взрыва котла была страшнее любого прямого попадания.

Однажды осколки попали в паропровод котла № 1. Водосмотром на котле стоял Михаил Дубоносов. Когда к нему подбежали и начали спрашивать, куда упали снаряды, он рассердился:

— Моя обязанность следить за котлом, а не за снарядами.

Доставалось и кочегарам. Когда однажды снаряд разорвался в котельном цехе и перебил мазутопровод, старший кочегар Константин Харитонов был весь облит горящим мазутом. Он сразу стал, как лакированный. И этот обожжённый человек бросился к повреждённому участку, закрыл задвижку, прекратил путь для выхода горящего мазута, а затем пустил резервный котёл и этим предотвратил аварию.

Наш Кировский район был отрезан от северных и центральных районов города, но электростанция продолжала работать. Ток шёл на заводы нашего района, выполнявшие заказы фронта, и в блиндажи, в которых размещались штабы воинских частей, оборонявших Сталинград с юга. Нагрузка была небольшой, но — на случай аварии — на станции работало два генератора в 24 тысячи киловатт и в 3 тысячи киловатт.

Кроме своей основной работы, нашему коллективу приходилось заниматься еще разными другими делами: заряжать аккумуляторы для раций автомашин, ремонтировать танки и «катюши», изготовлять оптические приборы.

Одновременно снималось ценное оборудование, упаковывалось и отправлялось за Волгу.

В тревожные дни, когда немецкие танки прорывались к Отрадинской церкви, которая находится всего в трёх километрах от Сталгрэса, мы минировали все агрегаты. Атаки отбивались, и ящики с толом, или, как мы говорили тогда, с «туалетным мылом» выносились из цехов. По нескольку раз в день приходилось таскать на себе эти проклятые ящики.

22 сентября я дежурил у главного щита. Утром всё было тихо. Молчали зенитки. Вдруг над головой раздался пронзительный свист, а вслед за ним оглушительный взрыв. Первые снаряды взорвались около главного щита. Всё дрожало и гудело.

Я с электротехником Сергеем Медниковым залез в бронеколпак — наше индивидуальное убежище. Этот колпак был рассчитан на одного человека; мы же залезли вдвоём, вернее не залезли, а втиснулись. Я стал смотреть через смотровую щель на приборы. Ещё один взрыв. Вся площадь у распределительного устройства заливается водой. Это означало — разбит циркуляционный охлаждающий водовод.

Раздался аварийный звонок, и на щите загорелся сигнал аварийного отключения. Яркий белый свет аварийных ламп заставил покинуть бронеколпак.

Чугунные трубы разорвало, и вода проникла в подвальное помещение главного электрического устройства.

В ушах всё еще звенело и шумело. Казалось, что обстрел продолжается.

Мы осмотрели оборудование. Главный инженер дал приказание откачать воду. В этот день был выведен из строя большой генератор. Едва мы успели наладить работу аварийного генератора, как немцы снова открыли ураганный огонь.

Снаряды падали в машинный зал, в градирни и рвались в тишине огромного здания с оглушительной силой.

Это было наше первое артиллерийское крещение. После этого немцы регулярно три раза в сутки открывали артиллерийский огонь по станции: утром, в обед и вечером. Снаряды с разных сторон прошивали здание; они могли разорваться в любом месте, поэтому ничего не оставалось, как смириться с ними и даже по возможности привыкнуть.

Иногда наши артиллеристы накрывали немецкие батареи, которые вели огонь по Сталгрэсу, но через некоторое время обстрел продолжался вновь.

Труднее всего было привыкнуть к сознанию того, что под главным щитом управления лежало полтонны взрывчатки. Стоило только одному снаряду попасть в неё, и все бы мы взлетели в воздух.

150-миллиметровые снаряды замедленного действия проникали глубоко в помещение. Однажды, при подаче угля к котлу из запасного бункера, ковши вдруг остановились. Оказалось, в угле находился шестидюймовый снаряд, пробивший перекрытие.

Этот первый неразорвавшийся снаряд поднял наш главный инженер Зубанов и осторожно, как ребёнка, понёс вниз. Мы следили за тем, как он шёл с этой страшной ношей, и успокоились только тогда, когда снаряд был передан артиллеристам.

После обстрела мы нередко находили такие неразорвавшиеся «гостинцы» совсем рядом со взрывчаткой. Чтобы уберечь взрывчатку хотя бы от осколков, мы стали обкладывать ее толстым листовым железом.

В октябре был получен приказ — полностью разминировать станцию. Мы почувствовали огромное облегчение; казалось, гора свалилась с плеч. Не знаю, брались ли мы когда-нибудь за другое дело с таким рвением, как за разминирование станции.

Нам уже не так страшны стали ежедневные артналёты, которые немцы вели по всем правилам; вначале давали три-четыре снаряда на пристрелку, а затем начинали методически бить 150-миллиметровыми.

С тех пор как стала работать после выхода из строя большого генератора «аварийка», отработанный пар по выхлопным трубам выходил в атмосферу и клубами поднимался над электростанцией. Этот пар был хорошо виден немцам, и он облегчал им пристрелку. Обстрел стал причинять ещё большие разрушения. Всем нам пришлось стать изобретателями для того, чтобы быстро восстанавливать повреждённое оборудование, одни детали заменять другими. То с котельной позвонят на главный щит и сообщат, что от осколков снаряда загорелись высоковольтные провода; то

снаряд угодит в демонтированный трансформатор, в котором пятнадцать тонн масла, и надо во что бы то ни стало затушить пожар до наступления темноты; то приходится раскапывать электрические кабели, по которым проходит ток к потребителям, находить и устранять повреждения, нанесённые снарядом, глубоко проникшим в землю.

Чтобы пар не демаскировал электростанцию, решено было давать ток только ночью. Теперь все, кто следил за судьбой электростанции, с нетерпением ждали — загорятся ли вечером электролампочки. Лампочки загорались в одно и то же время, и все знали, что пульс Сталгрэса продолжает биться.

За эти месяцы мы отвыкли от тишины. Когда электростанция прекратила дневную работу, странно как-то стало в цехах. Если вдруг раздавался громкий голос, люди невольно вздрагивали. Но недолго мы отдыхали в дневные часы. Фронту для сварочных работ на ремонте танков нужен был кислород. По технологическому процессу кислородный завод должен был работать круглые сутки, и электростанция снова стала пускать пар даже в самые ясные дни.

Приятно было, когда я как-то услышал разговор бойцов о Сталгрэсе:

— Оглянешься, посмотришь, а он дымит...

Когда вспоминаешь эти дни, всплывают в памяти и разные мелочи нашего прифронтового быта. Почему-то у всех нас тогда часто портились часы; должно быть, от постоянных сотрясений. Из этой беды нас выручал начальник цеха Лев Владимирович Львов. Он неожиданно оказался великолепным часовщиком. Мой товарищ Петя Солодников столь же неожиданно оказался изобретательным мельником: когда вместо муки, из которой мы у себя на электроплитке пекли лепёшки, варили галушки, нам выдали зерно, он соорудил мельницу, приспособив для этого сверлильный станок.

Хорошо, дружно жили мы, электрики. Как-то решили сварить щи. Кухня у нас была в кабинете начальника цеха. Здесь находилась плитка. Щи были готовы как раз в тот момент, когда немцы начали артобстрел станции. Первый снаряд разорвался где-то невдалеке от кабинета, а за ним еще один. Слышно было, как стучали осколки. Жалко стало щей. Решили мы — пока не съедим их, не уйдём. Но только взялись за ложки, как снова раздался взрыв. Взрывная волна с шумом распахнула дверь, и тут, не произнося ни одного слова, один из нас взял щи, другой — тарелки и ложки, третий — хлеб и, также молча, с этой ношей мы направились в

кабельный канал, который использовали как укрытие. Несмотря на обстрел, щей не расплескали, и, усевшись на кабеле, мы с особым аппетитом принялись за еду. Ели и смеялись: как это мы без слов все сразу пришли к одному решению.

А разве можно забыть, как на складе коммунального хозяйства мы нашли биллиард, как перевезли его на станцию и погрузили на лифт! Это было днём, когда станция не работала. Пришлось вручную крутить привод лифта.

Биллиард мы поставили в сравнительно безопасное место, где когда-то у нас была аккумуляторная батарея.

По старшинству первую партию сыграли наш управляющий Землянский и товарищ Львов.

Даже те, кто никогда раньше кия не держал в руке, стали увлекаться биллиардом. О нём узнали и офицеры из частей, располагавшихся вблизи Сталгрэса, стали приходить к нам. Были среди них представители всех родов войск. Особенно пристрастились к биллиарду наши танкисты. Бывало, игра затягивалась далеко за полночь. А когда начинался очередной обстрел, мы прерывали игру и скрывались в помещение кабельного канала. Там постоянно горела аварийная лампа от аккумулятора.

Кончится обстрел, и прямо из помещения кабельного канала идёшь наверх, выйдешь на крышу и смотришь, что на белом свете творится.

Вот по нашему работяге «У-2», который только что обстрелял немецкие окопы, немцы открыли огонь из пулемётов. Трассирующие очереди чертят небо. Все так знакомо вокруг и вместе с тем — так необычайно.

Там у Лапшина сада уже передовая, кипит бой. А ведь мы знаем там буквально каждый кустик, каждое дерево. Там катались на велосипедах и, отдыхая, проводили свои вечера над Волгой. Смотришь и думаешь: «Нет, всё же трудно к этому привыкнуть».

— Я люблю читать книги про исторические события,— говорил наш старый производственник, котельщик Кузьма Иванович Колесников.— Читаешь и думаешь, как это всё происходило. А вот если бы сейчас описать всё точь-в-точь, что мы переживаем...

В октябре наш главный инженер Константин Васильевич Зубанов женился. Эта свадьба была у нас тогда большим событием. Мы знали его невесту — Марию Терентьевну. Она работала в Бекетовке зубным врачом. Проводила мать на левый берег, а сама вернулась обратно и долгое время была единственным зубным врачом в осаждённом с трех сторон Кировском районе.

Было решено во что бы то ни стало сыграть на Сталгрэсе настоящую свадьбу.

Приглашены были гости со сталинградских заводов, продолжавших работать в нашем районе; среди военных гостей были полковник Танасчишин и генерал Жданов.

Пили за молодых, кричали «горько», провозглашались тосты за хорошие дела, за общую победу. Гражданские пили за военных, а военные провозглашали тосты за «гражданских военных».

Хорошо говорил генерал Жданов, обращаясь к Зубановым:

— Хочу вам обоим пожелать дружеской, счастливой, содержательной жизни. Ведь вы оба сталинградцы, соединившие свои дороги в такие дни...

Они сидели рядом — наш моложавый, худенький Константин Петрович в своём защитном костюме и Мария Терентьевна в своей шёлковой розовенькой кофточке, так необычайно выглядевшая среди нас.

О чём только ни говорили тогда за свадебным столом... И о том, как уже много сделал советский народ для Родины, и о том, как много надо ещё сделать для полной победы над врагом. Говорили и о музыке, о том, как многие впервые по-настоящему полюбили музыку именно в дни войны, о том, как хорошо, что люди за войну не огрубели, не опростились. Хорошая была свадьба! Мы праздновали ее до рассвета, когда вновь начался обстрел.

Как-то обстрел начался необычайно рано, не по расписанию. В нашу сторону летели и снаряды и мины. Наши орудия открыли ответный огонь. Поднялась ужасная канонада. Мы все выбежали на балкон распределительного устройства на третьем этаже. Это был наш наблюдательный пункт. Никогда ещё такой мы не видели Бекетовку. Стреляли тяжёлые орудия в километре от станции, под горой, в вишневом саду. Со всех сторон в ответ немцам били наши пушки. Из-за Волги летели снаряды. Рядом с нами полыхнули огни «катюш». Вся эта масса огня была направлена в сторону Горной поляны, где немцы предприняли наступление на узком участке фронта.

Мы видели, как разрывы покрыли весь склон холма у Горной поляны. Атака немцев быстро захлебнулась. Как мы были горды в этот день за свою артиллерию!

Завод на фронте

☆

В. М. ФОМИН

Сегодня наш товарищ брал бронекорпус на стропы, а завтра этот бронекорпус был уже на Тракторном; там его ставили на гусеницы, вкладывали в него сердце, оснащали, и боевая машина передавалась танкистам, которые прямо с завода выезжали на ней в бой.

К вечеру 24 августа железнодорожное сообщение между нашим заводом и Тракторным прервалось. Платформы с бронекорпусами, погруженные в наших цехах, остались на подъездных путях завода. Главный диспетчер Арцыбашев выехал на «эмке» в обком партии, чтобы передать сводку о выполнении суточного задания, выяснить положение и получить указания о том, как быть с готовой продукцией.

Арцыбашев вернулся около 11 часов вечера. По машине, на которой местами обгорела краска, по пеплу и саже, которыми были покрыты одежда и лица Арцыбашева и шофёра, было видно, что в городе тяжело. Возле машины собралась толпа. Всем хотелось узнать поскорее, какие вести привёз Арцыбашев, но когда он вылез, снял кепку и стал сбивать ею с одежды пепел, никто не решился задать ни одного вопроса.

Арцыбашев молча прошёл к директору. Через несколько минут в кабинет директора были вызваны начальники цехов, отделов и руководители участков.

Совещание продолжалось не больше 15 минут. Директор сообщил, что дальнейшее производство бронекорпусов на нашем заводе уже не имеет смысла. Получен приказ о немедленной эвакуации завода на восток. Остаются только спецгруппы, выделяющиеся в каждом цехе, бойцы рабочего батальона и отряд вооружённой охраны завода.

В 12 часов дня 25 августа завод, работающий полным ходом, был остановлен. В наступившей тишине по цехам проводилась информация, указывались сроки, когда какой цех переходит через затон по наплывному мосту к берегу Волги для погрузки на подготовленные для него средства переправы. Задание: переправившись на левый берег, следовать на сборный пункт в город Ленинск.

Многие товарищи говорили:

— Пока мы развернём производство на новом месте, пройдёт немало времени, не лучше ли остаться здесь и влиться в ряды Красной Армии?

Не всех удалось убедить, что они в тылу могут оказать Красной Армии бо́льшую помощь, чем на передовой.

На переправе ко мне подошёл рабочий Актуганов.

— Не думай,— сказал он,— что я тёмный человек и не понимаю, что не хорошо сейчас уходить из коллектива. Я согласен, что коллектив должен быть целым, поеду за Волгу, но душа моя остаётся здесь. Боюсь, что вернусь и буду всё-таки проситься в армию.

На другой день он действительно вернулся, пришёл к командиру одной воинской части, показал свои документы, заявил, что не может уйти из Сталинграда, и остался воевать.

* * *

К ночи на 26 августа эвакуация была закончена. Для тех, кто остался на заводе, начались боевые будни. В цехах спецгруппы совместно с подрывниками, выделенными командованием фронта, опутывали сетью проводов оборудование, раскладывали у станков пакеты с взрывчаткой. Бойцы рабочего батальона несли охрану завода, посёлков Красноармейск и имени Сакко и Ванцетти, одновременно учились владеть оружием.

Всех нас пугала мысль: неужели придётся взрывать завод и уходить за Волгу? Каждому хотелось, кроме того, что мы делали, еще хоть чем-нибудь помочь частям генерала Шумилова и генерала Толбухина, оборонявшим подступы к нашему району.

Как-то ночью, собравшись в помещении, освещённом электричеством, рабочие заговорили о том, что вот в наш район Сталгрэс подаёт свет, а вокруг, в красноармейских блиндажах — тьма.

— Как можно без света быть? — сказал Лука Артамонович Лебедев.— А если покушать надо, перевязать рану, заштопать шинель, пришить пуговицу, письмо написать? Хоть на время, а свет нужен. Вот бы, товарищи, придумать такую лампу — простую, удобную, без копоти, чтобы эту лампу боец мог с собой в кармане носить!

Несколько дней после этого Лебедев ходил по складам, приглядывался к разным трубкам, коробкам, проводам, занимался экспериментами. Он решил сам сделать удобную для фронта лампу и вскоре продемонстрировал нам образец такой лампы. Способ изготовления её оказался очень

простым: стеклянный флакон, кусок фитиля и заклёпанная наглухо трубка с несколькими очень маленькими отверстиями в верхней части. Сделав партию таких ламп, названных потом «катюшами», Лебедев опробовал их в различных условиях и, убедившись, что это именно те лампы, которые нужны бойцу, стал изготовлять их сотнями. На изготовление одной лампы у него уходило не больше 5 минут.

Эти лампы, появившиеся сначала в соседних с заводом частях, вскоре можно было увидеть на любом участке Сталинградского фронта, всюду, где нужен был свет: в блиндажах, убежищах, землянках. Лебедев выпускал их один по нескольку сот в сутки и одновременно совершенствовал. Представители воинских частей приезжали за лампами на машинах. Отпуская свою продукцию, Лебедев проводил инструктаж, объяснял, как заправлять лампу, как ею пользоваться, как поступать, если она начнет капризничать при ветре, проникающем в блиндаж, или, наоборот, в духоте, при спёртом воздухе.

Когда слава о лебедевских «катюшах» прошла по всему фронту, на завод стали поступать официальные письма от крупных воинских соединений с заказами на сотни ламп. В таких случаях Лебедев по целым суткам не выходил из своей мастерской, помещавшейся в одном из подвалов завода, а потом погружал продукцию на машины и сам вёз ее сдавать заказчикам.

По примеру Лебедева и другие оставшиеся на заводе товарищи начали изобретать, думать, что бы такое сделать нужное, полезное для своих соседей-фронтовиков.

На складах завода остался довольно большой запас фанеры. Эвакуировать её в тыл не было смысла. Инженер Стратиевский предложил передать фанеру воинским частям для обшивки и утепления блиндажей и землянок. Это было поручено одному из наших коммунистов, товарищу Петрову. Нагрузив машину фанерой, он отправился в штаб генерала Шумилова. По дороге Петров попал под бомбёжку. Немецкие пикировщики бомбили колонну наших танков, продвигавшихся к фронту. Вернувшись вечером на завод, Петров сказал мне, что, глядя на то, как немцы бомбили наши танки, ему пришла в голову мысль, что фанеру лучше всего использовать для изготовления макетов танков и расставлять эти макеты по дороге в степь для приманки немецкой авиации.

— Лучше, чтобы они фанерные танки бомбили, чем настоящие,— сказал он.— Пусть себе бомбит — мы другие сделаем: фанеры у нас много.

Это предложение было одобрено командованием. На завод прибыл майор, под руководством которого в деревообделочном цехе бригада плотников и столяров начала массовое изготовление фанерных танков. За день делалось 15—20 макетов; ночью приходили машины и увозили их в степь, к Ивановке, к Песчанке или за Отраду. Утром немецкие пикировщики впустую растрачивали свой бомбовый запас.

На заводе появилось много энтузиастов этого дела. Была создана специальная бригада монтажников, расставлявших ночью в степи целые колонны фанерных танков. Особенно увлекались нашими ночными операциями Петров и комсомолка Рая Малярова. Петров занимался расстановкой макетов, а Рая оставалась на утро где-нибудь вблизи них, в укрытии, и наблюдала, как немцы бомбили эти макеты. Когда пикировщики, сбросив свой груз, улетали, она маскировала уцелевшие обломки травой, чтобы немецкая воздушная разведка не заметила нашего обмана.

Возвращаясь из степи, Рая рассказывала нам, как проходила бомбёжка, сколько «машин» уничтожили фрицы, сколько повредили, сколько всего было сброшено бомб, и обыкновенно хохотала при этом до слёз. Она не переставала удивляться:

— До чего же глупы эти поганые фашисты!

Деревообделочный цех довольно долго занимался производством фанерных танков. Было создано больше сотни макетов. По нашим подсчётам немцы сбросили на них около двух тысяч бомб разного калибра.

Как-то наши рабочие обратили внимание на то, что корабли Волжской военной флотилии, непрерывно обстреливавшие противника из своих дальнобойных орудий, последние дни почти не ведут огня. Заинтересовались: в чём тут дело? Оказалось, что у моряков нет провода под водой. Он необходим был для связи с береговыми корректировщиками.

Мы сейчас же осмотрели свои заводские склады, нашли какой-то кабель, пригласили к себе моряков посмотреть, не подходит ли он для них. Моряки пришли, посмотрели и сказали:

— Это как раз то, что нам нужно. Большое спасибо.

Как только наступила ночь, две канонерские лодки, войдя в затон, что в районе нашего завода, открыли огонь по противнику и вели его до рассвета, переходя от одного пункта затона в другой.

После, когда военные корабли приходили к нам на ремонт, моряки говорили:

— По вашему кабелю мы получаем координаты целей.

Крепко сдружились мы с моряками. Мы заправляли их корабли горючим, и с наших причалов они уходили на операции в район заводов «Красный Октябрь», «Баррикады» и Тракторный. Корабли уходили вечером, а утром иногда возвращались на буксире, с зияющими в бортах рваными пробоинами, и моряки сносили на берег своих убитых товарищей, хоронили их, рассказывали нам, что происходит на направлении главного удара немцев, где оборону держали гвардейцы Чуйкова, Родимцева, Гуртьева. За день общими усилиями кораблям возвращалась боеспособность, и вечером они снова уходили на выполнение боевых заданий.

Главные помощники

☆

А. И. ЧЕКУШКИН

Волга застлана пороховой и мазутной гарью. В блиндаже темно. Только на тумбочке возле дежурной телефонистки мерцает свет лампочки, сделанной из гильзы мелкокалиберного снаряда. На двухъярусных нарах лежат рабочие.

Это блиндаж Сталинградского судоремонтного завода. Уже ночь; день был тяжёлый, но людям не спится.

— Всё бы ничего, но не желаю я вставать на такой путь, чтобы деревянными штырями затыкать пробоины корпусов металлических баркасов,— говорит котельщик Жарков.— Что же это получается: Волга наша, а мы, волгари, не можем взять на Волге свой, заводской сварочный аппарат. Натан говорит: «Не могли взять, так готовьте пластыри и штыри, затыкайте дыры корпусов чем хотите, но суда должны работать. Если переправа перестанет работать, Родина нам этого не простит». Сидим, как ощипанные, смотрим по сторонам — куда бы улизнуть... Дай своего табачку,— обращается он к Косову.— У тебя он покрепче. Прочистить горло надо: першит с досады, что допустили немцев командовать на Волге... А сварочный аппарат, товарищи, всё-таки надо взять. Без него не пойдут на работу ни «Пожарский», ни «Ерик», ни «Чапаев».

— Факт,— поддержал слесарь Поляков.

На пути к волжской переправе

Время подходит к полночи. В блиндаже затихают разговоры, но Волга не затихает. Немец усиливает освещение центральной переправы, обстрел фарватера и мест погрузки и выгрузки судов.

Прибегает посыльный с КП, вызывает по фамилии рабочих:

— Жарков, Шарипов, Ушанов, Пригарев, Косов... На капе, к директору.

* * *

Командный пункт освещен фронтовой лампочкой «молния», сделанной из крупнокалиберной гильзы.

— Ну, что, выспались? — спрашивает собравшихся директор завода товарищ Заславский.

— Да нет, не спится чего-то,— отвечает Жарков.

— Так вот, товарищи. Вместо десяти судов на центральной переправе работает всего пять. Разве это помощь фронту? Нет. Чтобы помочь защитникам Сталинграда, надо вернуть в строй все подбитые суда. Поэтому едем за аппаратом. Необходимость его вам известна.

Отряд рабочих, вооружённых винтовками, вёслами, топорами и цинкачами, бесшумно погружается на плашкоут.

Баркас № 62, ведомый капитаном Никитиным, плавно тянет на буксире плашкоут по волнистой воде затона навстречу свежему течению Волги — к фарватеру, освещённому гирляндами «фонарей». Всё ближе и ближе рабочие к своей заветной цели — песочной косе, где стоит на мели баркас «Кашен», а на его палубе — сварочный аппарат. Там, недалеко от берега, засели немцы. Они тоже не спят.

— Ишь ты, подлец, как усердствует,— говорит Жарков.

— Любо посмотреть: идём, как в городском саду; и фонтаны и фейерверк,— замечает Ушанов.

Поблизости шлёпаются в Волгу мины и разрываются, подымая столбы воды. Брызги сверкают в освещении «фонарей».

— При таком освещении на мель не сядем,— со злобой говорит директор.— Придётся, вернувшись на берег, попросить командира «катюш» передать от нас благодарность немцам.

Уже завиднелась песчаная коса и обозначились контуры баркаса «Кашен». Натан Петрович Заславский переходит с кормы плашкоута на нос, чтобы получше рассмотреть путь подхода к «Кашену».

— Пора. Крюков, семафорь капитану: отдать чалку и уходить за косу, ожидать там сигнала подхода. Ребята, приготовьте вёсла,— командует он.

Чалка подобрана. Плашкоут на вёслах легко идёт по мелководью.

— Мелко, — сказал Заславский, — приготовьтесь сойти в воду.

Ребята начали стягивать сапоги, но Косов, промерив глубину Волги веслом, сказал:

— Ничего еще, плашкоут не ширкает, подойдём к «Кашену» впритирочку.

Директор приказывает приготовить плицы для трапа, а сам подымает уже полы полушубка, заправляет их за ремень, чтобы не мешали работать. Подтягиваясь на руках, он вскакивает на борт «Кашена», за ним поднимаются рабочие.

Ушанов и Вдовин установили трап с плашкоута на борт «Кашена». Натан Петрович проверил прочность привязи цинкачей к аппарату и сказал:

— Ну, ребята, покажем теперь свою силу и умение. Нас восемь человек, а тут бы нужно двадцать восемь, но зато нам фриц аккомпанирует. Ну, взялись. Раз взяли, ещё раз взяли, ухнем!

На несколько секунд аппарат повис на руках рабочих и грузно опустился на почти вертикальный трап.

В это время метрах в десяти слева разорвался снаряд. «Кашен» вздрогнул. Взрывная волна разбросала часть рабочих по палубе и накренила баркас, как бы помогая остальным спустить на трап тяжёлый груз.

— Эх, крепко! — крикнул директор.— Все ли живы? — спросил он, оглядываясь.

— Живы,— ответил Шарипов.— На этот раз немцы просчитались. Как себя чувствуешь, Никифор, после такой хлопушки? — спрашивает он сидящего на палубе Жаркова.

— Ничего, я привычный к хлопушкам: котельщики глухари,— говорит Жарков, потирая левый бок, которым он упал на поручни баркаса.

— А я, ребята, цинкача всё-таки не выпустил, прирос с ним к бабке,— радуется Шарипов, натягивая цинкач.

— Тебе легко было не выпустить,— говорит Косов.— Нас с Вдовиным так притиснуло к аппарату, что если бы ты и не выдержал, мы бы сдержали его. Правда, в глазах у меня поискрило и я подумал, что от ребят мокро осталось, а вы —живы; значит, аппарат вместе будем снимать.

Второй снаряд разорвался метрах в пятидесяти, подняв столб воды.

— Сейчас мы в вилке,— сказал Заславский, посмотрев, как стоит аппарат на трапе и указав места рабочим на время его спуска.— Опускай трос! — скомандовал он. Аппарат легко скользнул по наклонной плоскости трапа в плашкоут.— Кантуйте ровнее! Крюков, семафорь капитану подход на буксир... Теперь — в воду, выведем плашкоут на руках по мели.

Рабочие прыгают в воду. Тяжело нагруженный плашкоут под напором рабочих рук медленно отходит против течения на глубокое место. Из-за кормы появляется катер, принимает конец с плашкоута.

— Ну, ребята, дело сделано,— говорит директор, снимая ремень и распахивая полушубок, чтобы освежить ветерком вспотевшее тело.

— И откуда сила взялась! Право, аж не верится, что так легко сняли эту махину с «Кашена»,— замечает Жарков, располагаясь на носу плашкоута и вытирая пот с лица полой фуфайки.

Новый взрыв возле «Кашена», которого уже не видно, вызывает на плашкоуте весёлый говор и смех.

— Опоздал, фриц! Упустил добычу. Теперь не догонишь!

Баркас с буксируемым плашкоутом входит в горловину затона, укрывается от немцев песчаной косой острова Крит.

— Теперь можно закурить,— разрешает Натан Петрович, довольный проведённой операцией и весёлым настроением рабочих.— Вот вы удивляетесь, откуда сила взялась? Я вам отвечу. Не надо забывать трёх главных помощников, которые выехали с нами на работу и принимали в ней участие. Первый помощник — вера, что дело наше правое. Второй помощник — храбрость, третий — умение. С такими надёжными помощниками мы любое задание военного командования выполним.

„Гаситель"

☆

П. ВОРОБЬЕВ

Помню я, каким был Севастополь в 1905 году, когда я в военном флоте служил. Не раз слышал я речи лейтенанта Шмидта, которые он держал перед матросами. Видел я и как броненосец «Потёмкин» в открытое море уходил. Запало это мне глубоко в душу. Когда Советы взяли власть в свои руки, был выбран я в судовой комитет, а когда началась гражданская война, с первых дней ее пошёл служить в Красный флот. Был я капитаном военного ледокола «Каспий»; пришлось мне тогда и под Царицыном воевать, а потом назначили меня лоцмейстером Волжско-каспийской флотилии.

Последние двадцать лет я служу капитаном пожарного парохода «Гаситель». Этот пароход когда-то назывался «Царев». Он был выстроен специально для Царицына на Сормовском заводе. В 1924 году, по желанию команды, «Царев» был переименован в «Гаситель». Это — мощный пожарный пароход в четыреста индикаторных сил. Его насосы дают в час до четырёх тысяч кубометров воды, а выкачать они могут за это же время больше девяносто пяти тысяч ведер. За свою службу «Гаситель» спас десятки горящих пароходов, потушил много пожаров на Волге и на берегу. Он подаёт воду на пятьсот метров от берега. Вместе с городскими пожарными командами мы тушили горящие склады и крупные здания, расположенные вблизи Волги.

Те, кто проезжали Сталинград, могли запомнить наш пароход; он часто дежурит у городских причалов. Он не похож на другие пароходы; сразу видно, что предназначен для специальной службы. Ярко блестят на солнце его всегда начищенные медные лафеты, из которых подаётся вода. Когда мы проводим свои учения, во все стороны от «Гасителя» летят мощные струи воды, пароход становится похожим на огромный фонтан, который движется по воде.

Любили мы свой пароход, служили на нём с особым рвением. Команда у нас была всегда боевая.

Когда началась война, всё чаще и чаще стали мы выезжать по тревоге. Не успеем, бывало, один пожар потушить, нас уже в другое место ерочно вызывают.

Должно быть, за всю историю Волги не было на ней таких пожаров, как в августе 1942 года. 8 августа мы получили задание итти в Красно-

армейск, где немцы бомбили станцию и депо. Такие взрывы кругом были, что меня чуть не выкинуло с мостика. Я схватился за поручни и удержался. На «Гасителе» полопались все окна. Как ни прочно были укреплены часы и барометр, но и их сорвало. Подошли мы к берегу, протянули три линии рукавов, начали тушить баржи и вагоны с боеприпасами; взрывавшиеся снаряды летели через нас.

23 августа наши мощные насосы ни на минуту не прекращали работу. У городского причала горел железнодорожный состав с боеприпасами; рвались снаряды. Наши пожарные в брезентовых комбинезонах высадились на берег, проложили рукава, окатили друг друга водой и, вооружившись брандспойтами, начали заливать вагоны.

Потом приказали нам перевозить из Сталинграда в Красную слободу раненых, эвакуированных, учреждения, ценные грузы, а обратным рейсом — воинские части, прибывавшие в Сталинград. Садилось на «Гаситель» по 250 человек и больше. Мы всё время находились в самом пекле. Немецкие самолёты — над головой, укрыться негде, а среди наших пассажиров много детей и женщин; тяжело было смотреть на их страдания. Везёшь людей, а бомбы кругом рвутся; так и кипит Волга. То командовать надо, то пассажиров успокаивать. Те, кто были понервней, всё возмущались; им казалось, что пароход наш медленно идёт. Раненые стонут, кровь кругом... Сделаешь несколько рейсов подряд в Красную слободу, а потом надо другие приказы выполнять. Всё время нас использовали на особых заданиях. Люди нашей команды почернели от копоти, на многих обгорела одежда, многие получили ожоги.

Первые жертвы понесли мы 25 августа. Бомбы с немецкого самолёта разорвались в трёх метрах от кормовой части парохода. Много осколков попало в машинное отделение. Вышел из строя правый штурвал, нарушилась звуковая сигнализация. Поражённый в сердце, упал механик Ерохин, был убит кочегар Соколов. Пять человек из команды были ранены. А в корпусе «Гасителя» мы насчитали до 80 подводных и надводных пробоин.

На место погибшего механика стал его помощник Агапов. Он стал один работать и за механика, и за помощника, и за раненых членов машинной команды. Я приказал проложить рукава для откачки хлынувшей воды. Было решено все пробоины в корпусе заделать на ходу, не заходя в затон. Мы заделывали все повреждения, а трупы наших погибших товарищей лежали на палубе. С трудом удалось в Красной слободе найти жену нашего славного механика Якова Даниловича Ерохина. Вместе со мной в 1927 году поступил он простым матросом на «Гаситель», а через десять лет стал уже

механиком. Время было такое, что не пришлось мне присутствовать на похоронах своего друга, стойкого большевика товарища Ерохина. А родных товарища Соколова мы так и не разыскали. Сами схоронили его под деревом в Сталинградском затоне.

С утра до поздней ночи, а иногда и всю ночь происходили налёты на Сталинград. Так как нам надо было всё время совершать рейсы, мы уже перестали обращать внимание на «юнкерсы», «хейнкели» и «мессершмитты». Такова уж была наша служба.

Не раз, в самые трудные минуты, я вспоминал, что здесь где-то рядом, на опасных заданиях, моя любимая дочка.

Она училась в Педагогическом институте, знала немецкий язык, и её знания пригодились Родине,— стала она разведчицей. Командование посылало её в тыл к немцам.

Один раз только в эти дни мы встретились с Катей. На проводы семьи Кате дали отпуск. Только вышли, как подожжённый немецкий самолёт промчался над самым нашим домом и, содрав с него крышу, упал в нескольких метрах от нас. Попрощались мы друг с другом; я вернулся на пароход, а Катя — в свою часть.

В те сентябрьские дни мы выполняли задания одно важнее другого: то под бомбёжкой перевозили понтонный мост через Волгу в Куропатку, то вытаскивали из-под самого носа у немцев баржи, нагруженные зерном.

Немцы с господствующих высот уже контролировали Волгу. По ночам, приглушив ход, без дыма и света, мы подходили к правому берегу и принимали на свой борт ценные грузы. Когда же кончали погрузку, я тихо отдавал команду: «Отдать чалку, полный вперёд».

Так работали мы до последних дней сентября. Горизонт воды упал, и «Гаситель» уже не мог выйти из затона. Тогда нам приказано было поставить «Гаситель» на якорь в глубоком месте затона, а команде сойти на берег. С прискорбием в сердце выполняли мы этот приказ, снимали с любимого парохода все ценные детали, инструмент, брезент, золотники, спускали пары с обоих котлов. Люди сели в шлюпку.

Покинул я свой любимый пароход, на котором мечтал поработать до тех пор, пока силы не оставят меня; сошёл на берег и почувствовал себя стариком. Наступили самые тяжёлые дни в моей жизни... Мне было предложено отправиться в Москву за новым назначением.

До Москвы я не добрался. Некоторое время прожил в Саратове, но не по себе мне здесь было. То ли знал, что люди с команды «Гасителя» в Сталинграде остались, то ли хотелось быть поближе к дочке. Через не-

сколько недель снова вернулся в Сталинград. Последние сто километров пешком шёл. Разыскал нашу оперативную группу и попросил, чтобы мне дали работу здесь же. Ведь наши волгари продолжали войну с немцами.

Когда я пришёл в Сталинград, «Гаситель» мой уже не на якоре стоял, был затоплен по середине затона. Никто тогда не знал — вражеский ли снаряд в него попал или в старые пробоины проникла вода. Ввиду беспрерывного обстрела и бомбёжки с воздуха нельзя тогда было установить, в чём дело. И тогда же я узнал, что пропала, точно растворилась в войне моя Катя. Известно было, что когда она возвращалась с задания, её тяжело ранили немцы. Шкипер Плашков, который переправлял её с правого берега, рассказал, что у Кати было три раны — в руку, в грудь и в живот. Искал я дочь по всем госпиталям, чтобы хоть узнать, где могилка её, но так и не напал на следы. Одно только было мне утешение, что все девушки, боевые подруги Кати, много хорошего мне о ней рассказали: говорили, что она ничего не страшилась и с открытой душой выполняла приказы.

Как только кончились бои в Сталинграде, 2 же февраля пошёл я на то место, где подо льдом на дне лежал «Гаситель». Стал все меры принимать, чтобы лёд над ним облегчить. Когда подняли эпроновцы мой «Гаситель», всё на нём оказалось в порядке; только пробоины надо было заделать. Быстро восстановили мы пароход, и снова стал «Гаситель» выполнять свою службу. А я попрежнему на нем капитаном.

Бакенщики

☆

С. М. ПРЯХИН

Мой пост № 502 — у хутора Скудры на левом берегу Волги, как раз напротив Тракторного завода.

Я всю войну в Сталинграде своими глазами с левого берега наблюдал. Видел, как немцы вышли на том берегу к Латашинскому саду. А тут пароход идёт, на котором капитаном был Иван Семёнович Рачков. Я его с 1922 года знал. Работал он и штурвальным, и лоцманом, и штурманом; а потом стал самым знатным капитаном на Нижней Волге.

Враг топил пароходы, на которых эвакуировались женщины и дети

Подошёл пароход близко к нашему луговому затемненному берегу, и слышу кричит Иван Семёнович в рупор, спрашивает меня — проедут ли они здесь. Рупор и у меня был. Стал я кричать, что немцы в Латашинском саду. Капитан моторной лодки Шестопалов тоже поблизости был. Он тоже кричал Ивану Семёновичу, чтобы повернули обратно.

Ушёл пароход, замаскировался и стал. Стоял целые сутки, а потом ночью решил всё же пробраться мимо немцев.

Видел я, как немцы открыли по пароходу миномётный огонь. Стал тонуть пароход. А были на нём наши сталинградские дети да женщины. Во время обстрела погиб и сам капитан Рачков.

Стон стоял на реке. Поехал я на лодке вместе с комиссаром Иващенко. Видим мы, какая-то женщина цепляется за доску; была она ранена. Подъехали мы к ней, подняли её, взяли в лодку, а тут развидняться стало. Немцы нас заметили. Пустили снаряд — недолёт. А мы повернули в дру-

гую сторону. Ссадили женщину на берег и поехали дальше. Смотрим, ещё люди плывут. И их спасли.

С хутора Скудры всё гражданское население выехало. Остался я один со своей семьёй в хате. Со мной вместе были жена, Екатерина Федоровна, сын мой — инвалид и дочь с внуком. Они от меня никуда не хотели уезжать.

Гражданских кругом не стало, а военных прибыло много. Люди нездешние, надо было показать, где можно переправу устроить. А самое главное — стал мой домик на берегу Волги вроде госпиталя.

Когда Волга встала, раненых через реку возили на салазках. И всех прямо к моему дому везли. А по ночам к моему дому подходили машины, забирали раненых и увозили.

Все дома в Сталинграде стояли разрушенные, а мой даже починили, крышу поправили. Было только одно неудобство — дверь узка. Трудно было раненых на носилках вносить. Поэтому мы вносили раненых на руках. Запомнился мне молоденький лейтенант. Был он ранен в грудь. Мучился очень. Его нельзя было везти на грузовой машине. Он жил у нас, пока легковая не подошла.

Моя старуха, Екатерина Федоровна, всем раненым пищу готовила. Встанет в 5 часов утра и до двух часов ночи на ногах. Сколько соберётся в хате народу, на столько и готовила.

Не думали мы тогда, что пройдёт несколько лет и будут наш домик навещать самые разные люди, благодарить нас и говорить, как с родными.

☆

М. П. БУРДАКОВА

Работала я на участке у Голодного острова вместе с бакенщиком Вагановым Гаврилом Осиповичем. Мы всё время на своем посту были. Без огней обслуживали водный путь. Суда и катера провожали на лодках. Проводили и баржи с боеприпасами через перекаты. В свободное время на лодках раненых с правого берега на левый возили.

Вырыли мы себе блиндаж, в нём и жили. Сначала было страшно, а потом привыкли.

А Волга в те дни совсем другая стала. Даже временами весло нельзя было повернуть из-за нефти; так густо она шла. И глушеной рыбы на

Волге было много, но пользы от неё не было. Днём ловить её нельзя, а ночью — не видать. Да и вообще было не до неё.

Была раньше наша работа тихая, людей мало встречали; а тут какого только народа не увидели. Как-то сбили немцы над нами два наших самолёта. Лётчики живы остались, но у одного было семнадцать ран, а у другого — шесть. Я и Гавриил Осипович сделали им перевязки, прежде чем отправить в санчасть.

Мы тоже с Вагановым, когда перевозили бойцов, получили ранение: он в левое плечо, а я в правое. Наш участок был напротив элеватора, а в элеваторе сидели немцы и нас обстреливали.

Знали мы, что не пустят немцев через Волгу. Поэтому и к открытию навигации готовились. Все фонари и лампочки мы сберегли. Ваганов и лодки готовил. Уверены мы были, что опять на Волге полные огни гореть будут.

На островах

А. ЛОКТЕВА

За всю свою долгую работу в Сталинграде мне до войны ни разу не пришлось побывать на примыкающих друг к другу островах — Голодном и Сарпинском.

Эти острова я видела только издали. Там, на культбазах и водных станциях, проводили свои выходные дни многие сталинградцы, отводили свою душу охотники и рыболовы.

Бывало, летом в воскресенье спросишь сына:

— Ты куда сегодня?

А он чаще всего в ответ:

— На острова.

За войну мне пришлось эти острова исходить вдоль и поперёк. Впервые я сошла на берег Сарпинского острова в октябре 1942 года, когда по реше-

нию горкома партии группа секретарей райкомов партии и председателей райисполкомов Сталинграда была направлена на острова эвакуировать население.

Первым делом мы разыскали председателя сельсовета товарища Растегина. Это был живой и бодрый, очень приветливый старичок. Он проверил у каждого из нас документы и только потом стал рассказывать о том, что делается в его сельсовете.

На островах к нашему приезду оставалось много местного населения. Всю свою жизнь прожили они в небольших хуторах и сёлах, раскинутых в нескольких километрах друг от друга. Кругом была земля, богатая для огородничества, и привольное пастбище для скота.

Теперь здесь нашли себе приют сотни сталинградских жителей и те, кто были эвакуированы в Сталинград из Ленинграда, Украины и Дона.

Многие из них добрались сюда вплавь; другие перевезли свои пожитки на лодках и баркасах. По сёлам бродили бездомные ребятишки, инвалиды; на островах было много и тех, кто во время бомбёжек получили ранение и не могли отправиться дальше, в глубь страны. Всех этих людей надо было накормить, ободрить советом, а главное — вывезти из-под обстрела.

Я со своей бригадой расположилась в селе Песчанка № 2. Мы должны были эвакуировать жителей из сёл Зайчики, Песчанка № 1 и 2.

Идёшь из одного селения к другому и думаешь: как, действительно, здесь хорошо было, особенно летом — кругом леса, небольшие озёра, песчаные пляжи.

Мы находили жителей островов в самых неожиданных местах: и в шалашах, и в наспех сделанных убежищах; а кто жил просто под деревом. Трудно было уговорить многих жителей эвакуироваться отсюда. Стариков и старух пугала дорога; другие не хотели расставаться со своими обжитыми домиками, третьи же свой отъезд откладывали со дня на день.

Идёшь по острову и неожиданно становишься свидетелем тяжёлых картин: лежит женщина, которую только что сразило осколком мины, а рядом стоит поражённый, оглушённый малыш и смотрит на тебя недоуменными глазами.

Вместе с военными политработниками мы начали проводить собрания и беседы, убеждая людей эвакуироваться на левый берег Волги. С каждым пришлось поговорить в отдельности; кому достать денег, кого снабдить

одеждой. Помню я одно собрание. Люди жадно слушали. Докладчик рассказывал о ходе войны, о зверствах немцев. Собравшиеся здесь могли многое добавить от себя. Помню, как поднялись две седые старухи и, прервав докладчика, стали проклинать Гитлера. И тогда многие не выдержали, заплакали. И каждый стал говорить о своём.

Для отъезжающих граждан воинские части предоставляли подводы и автомашины. Солдаты и офицеры провожали жителей, помогали укладывать домашние вещи, подносили тяжести и дарили на прощанье детям всевозможные безделушки и карточки.

Вскоре опустели села на островах. Из жителей остались только самые необходимые люди, занятые работой для фронта; те, что шили полушубки бойцам, готовили к зиме санки для переброски боеприпасов, ловили для воинских частей рыбу.

В пустых домах размещались бойцы, госпитали, фронтовые мастерские.

Председатель сельсовета товарищ Растегин заботливо охранял все уцелевшие домишки и имущество, оставленное на хранение.

Кругом снаряды выворачивали долголетние деревья, осколки срезали верхушки. А советские люди, жившие среди огня, как и до войны, заботливо охраняли лесонасаждения. Разрешалось рубить только деревья, искалеченные обстрелами.

На территории Сарпинского и Голодного островов был укреплённый район, подчинявшийся непосредственно фронту. Здесь же располагались и части, сформированные из моряков.

На опушке леса, по берегу реки Волги были вырыты траншеи. За ними стояли артиллерийские батареи. Это была сильная линия обороны. День и ночь наши воины зорко следили за правым берегом, за Ерманским и Ворошиловским районами города, где противник, вклинившись в Сталинград, вышел к Волге.

«Языки» сообщили, что на правом берегу у Ельшанской балки уже подготовлены переправочные средства. Мысль о том, что именно в этом месте легче всего перерезать Волгу, не давала покоя немецкому командованию. Немцы не раз пытались захватить острова. Но им удавалось перебрасывать через Волгу только отдельных парашютистов, которых на островах быстро вылавливали.

Сухопутные и морские части не только обороняли острова, они не давали немцам покоя на том берегу. Напротив островов немцы днём боялись выходить к Волге. За водой они обычно под страхом смерти посылали оставшихся в городе женщин и детей.

Несколько раз мне пришлось побывать на наблюдательных пунктах, тщательно замаскированных в кустарниках на своем берегу Волги. Отсюда без всякого бинокля в очертаниях родного города можно было узнать знакомые места. Вот напротив, в пепле и развалинах, лежит огромный лесозавод имени Куйбышева — гордость лесопромышленности Сталинграда. Тянутся разрушенные постройки кожзавода, мебельно-ящичного комбината, обгоревшие постройки сталинградского порта... На берегу не видно ни души.

Как-то встретила я у наблюдательного пункта секретаря Ворошиловского райкома партии товарища Одинокова. Он долго не мог оторвать глаз от правого берега. А потом, в блиндаже, собрал около себя несколько солдат, которые никогда раньше не бывали в Сталинграде, и с увлечением начал рассказывать им о городе.

По ночам правый берег всё время освещался зелёными ракетами. Доносилась непрерывная трескотня пулемётов и автоматов. Немцы боялись, как бы наши разведчики с островов не переплыли на правый берег. А разведчики-смельчаки всё-таки переплывали и возвращались назад с «языками».

На островах создавались склады продуктов питания и боеприпасов. Здесь же, под самым носом у немцев, накапливались для наступления и войска, и самое разнообразное вооружение.

В ночь на 12 октября

☆

И. А. ПИКСИН

Когда на одном из заседаний бюро Сталинградского горкома ВКП(б) было решено созвать очередной пленум, некоторые предлагали провести заседание где-нибудь на левом берегу, чтобы не подвергать людей излишней опасности. Но большинство решило собраться в самом Сталинграде,— в Кировском районе, где в нескольких километрах от передовой продолжали свою работу для фронта предприятия города.

Мне было поручено выступить на пленуме с докладом по основному вопросу повестки дня: «Текущий момент и задачи городской парторганизации».

Для того чтобы подготовиться к докладу, я на несколько дней покинул оперативную группу городского комитета партии, работавшую на правом берегу, и выехал в район Гнилого озера, где в то время находилось много городских партийных и советских организаций, а также штаб МПВО.

Я поселился в землянке у Гнилого озера, раздобыл школьную тетрадку и стал набрасывать тезисы будущего доклада. Мне тогда не пришлось просматривать много бумаг. Материалом для доклада была сама жизнь. Я должен был говорить о той борьбе, которая разгоралась с каждым днём, которая происходила на моих глазах. Стоило только мне выйти из землянки, и я видел перед собой — днём дымовую пелену над родным городом, а по ночам — расцвеченное боевыми огнями, тревожное небо.

Я тогда не занимался цифровыми подсчётами того, что мы сделали для фронта; надо было выразить самое главное. А ведь главное было тогда в том, что в битве за Сталинград армия и народ слились в одно целое, что жители Сталинграда оказались свидетелями небывалого героизма воинов, а военные увидели мужество граждан, увидели, как самые обыкновенные люди — служащие, домохозяйки и даже дети — становились солдатами.

С первых же дней борьбы в дивизии, пришедшие из Сибири и с Урала, в части, переброшенные с других участков фронта, начали вливаться сотни и тысячи сталинградцев. Они были и политруками и рядовыми бойцами; многие из них не успели еще получить красноармейское обмундирование и воевали в своей гражданской одежде.

Мне хотелось в своем докладе на пленуме, так же как о гвардейцах Родимцева, как о бойцах Горохова, рассказать о рабочих сталинградских заводов, о наших речниках, железнодорожниках, милиционерах, о наших домохозяйках.

Пленум был назначен на двенадцатое октября.

К пяти часам дня, на левом берегу Волги, у переправы армии собирались члены пленума. Нас ждали заранее подготовленные баркасы. Коммунисты стекались сюда из разных районов города. Некоторые уже давно не видели друг друга. Сколько тогда у этой Волжской переправы было радостных встреч, горячих дружеских рукопожатий! Какие-то новые чёрточки проглядывали в знакомых лицах; многие же в своей походной военной одежде, в касках и с автоматами через плечо выглядели даже помолодевшими.

Они поклялись выстоять

Пленум должен был состояться в зале заседаний главной конторы Судоверфи. Мы шли на завод поодиночке, чтобы не обратить на себя внимание, так как местность кругом с близлежащих высот просматривалась противником. Прибыли на завод вечером. Открытие пленума было назначено на 10 часов утра следующего дня, но когда мы собрались, решено было открыть пленум немедленно.

Ярко вспыхнули электролампы. Мы уже давно отвыкли от такого света. Это продолжал работу наш Сталгрэс.

В зале перед открытием пленума не умолкали оживлённые беседы. Шли разговоры о том, где теперь проходит линия обороны, вспоминали погибших и тех, кто ушёл в армию; в разговорах то и дело упоминались имена генералов Чуйкова, Родимцева, Шумилова и хорошо известного нам, сталинградцам, генерала Толбухина. Все мы ждали, что вот-вот Толбухин

и Шумилов появятся в зале. Они обещали приехать на пленум, но обстановка им помешала.

Пленум открыл товарищ Чуянов — секретарь обкома и первый секретарь горкома; он был тогда одновременно и членом Военного Совета Сталинградского фронта.

Не сразу я овладел своими чувствами, перед тем как начал говорить. Никогда ещё я так не волновался. Я начал свой доклад с того, что обрисовал военную обстановку тех дней. Сейчас всё это хорошо известно и уже давно вошло в военную историю.

Напряжённая тишина воцарилась в зале, когда я говорил о сталинградских большевиках, о всех патриотах нашего города, погибших в боях. Я говорил и о члене пленума горкома — сталеваре завода «Красный Октябрь» Ольге Ковалевой. Кто не знал её, эту славную воспитанницу нашей большевистской партии! Она пошла в бой так же уверенно, как шла в своё время на мартен варить качественную сталь.

Все поднялись со своих мест и почтили память погибших.

В своём докладе, намечая задачи нашей парторганизации в помощь фронту, я говорил о Ленинграде, который ленинградцы превратили в могучую крепость. Я говорил о том, что все мы должны выстоять, как ленинградцы.

В прениях по докладу выступали и секретари райкома и парторги ЦК ВКП(б) на заводах. Все они приводили примеры героического сопротивления, рассказывали о том, какую держат сейчас связь с воинскими частями, обороняющими их районы. Речь шла и о том, как лучше организовать эвакуацию оставшегося населения, оборудования и материальных ценностей; о ремонте одежды и обуви для бойцов; о сборке тёплых вещей; о ремонте судов и доставке продовольствия и боеприпасов на правый берег.

Представители командования предупредили нас, что враг будет бросать всё новые силы на Сталинград, что ещё предстоят самые трудные и самые решающие дни боёв и это потребует от нас ещё большей дисциплины, ещё большей мобилизованности и выдержки.

Пленум ответил на это письмом товарищу Сталину: «Дорогой товарищ Сталин! Пленум Сталинградского Городского комитета ВКП(б) от имени всех трудящихся города Сталинграда заверяет Вас, великого гения и полководца, что мы отдадим все силы, а если потребуется то и жизнь, чтобы у стен героического города разгромить врага.

Мы клянёмся, что будем работать дни и ночи, не покладая рук, что мы выстоим, не отдадим врагу города Сталинграда. Без Сталинграда для нас нет жизни, нет счастья».

Когда мы вышли из помещения, тёмное осеннее небо беспрерывно, словно зарницами, освещалось разрывами бомб, снарядов и мин. Слышна была дробь автоматных и пулемётных очередей. Не спеша скрещивались и вновь расходились по небу щупальцы прожекторов. То всё озарится кругом, то снова непроглядная темень; а потом снова вспышка — кругом видны воронки и часовые, охранявшие завод.

Уже пятидесятые сутки шёл бой в Сталинграде. Все мы знали, что сейчас особенно тяжело у Тракторного, у «Баррикад» и на «Красном Октябре». Немцы захлебывались собственной кровью, но продолжали ожесточённые атаки, стремясь сбросить наши войска в Волгу. В городе шла борьба за каждый дом, за каждую комнату. Мы знали, что вся страна, весь мир прислушивается к грохоту Сталинградской битвы, и понимали всю ответственность, возложенную на нас, большевиков Сталинграда.

Ровно в десять часов утра, когда все делегаты пленума уже разъехались по своим местам, со стороны Красноармейска появились немецкие бомбардировщики. Они развернулись над заводом, где проходил наш пленум. Началась жестокая бомбёжка. В здание конторы бомбы не попали, но они разорвались во дворе, где были вырыты щели. Повидимому, не случайно именно в этот день и в этот час немцы с воздуха обрушились на завод.

Когда во фронтовой печати и в центральных газетах появились сообщения о нашем пленуме, состоявшемся в воюющем Сталинграде, мы стали получать много писем. Нам писали сталинградцы, сражавшиеся на разных фронтах Отечественной войны; писали рабочие сталинградских заводов, работавшие в тылу; писали и жители других городов о своих чувствах, о любви к нашему непобедимому городу, городу прекрасных большевистских традиций, городу-герою, городу-воину.

В ТЫЛУ ВРАГА

Встреча в Латашинском саду

☆

Т. ЧЕПУСОВА

Отец мой командовал ротой; на Тракторном сражался, там и погиб. А я помогала командованию — в разведку ходила. Мне было тогда шестнадцать лет, только семилетку закончила и в комсомол вступила.

Помню, как ходила я в Латашинские сады. Это — село на высоком берегу Волги, за Тракторным, а садами его называют потому, что всё оно в плодовых садах, виноградниках — хорошее было место. Немцы как только подошли к Сталинграду, сразу захватили Латашинку. Меня послали посмотреть, что у них там происходит.

Я шла с «Красного Октября» через Тракторный. Отец мой тогда ещё жив был, но повидаться нам не удалось. Рядом совсем были, но ни разу не виделись, и писем я от него не получала. После уже получила. Папа писал: «Сейчас идём в атаку». Это было единственное письмо. Вскоре нам прислали извещение, что он погиб.

До посёлка Рынок меня провожали бойцы-разведчики. Здесь проходила линия фронта. Дальше я ползла одна. Днём всё дрожало от грохота, а ночью такая тишина наступила, как будто я оглохла. И вот удивительно — настроение у меня было хорошее, весёлое. Я первый раз шла в разведку.

Долго ползла. Вдруг слышу чьи-то шаги. Рядом — пустой окоп; я — в него. До рассвета просидела: боялась вылезти. Утром увидела женщин, идущих из Латашинки на бахчи, с мешками, и страх пропал. Пока я дошла до садов, меня только один немец остановил. Я ему сказала, что родители мои погибли в Сталинграде и я иду к бабушке. Он, должно быть, ничего не понял, но пропустил.

Это было еще в сентябре. Тогда здесь много разного народа жило. Около Латашинских садов на Волге один большой пассажирский пароход сгорел. Все, кто до берега доплыл, тут и застряли; потому что вверх по Волге — линия фронта, вниз — тоже.

Трудно было разобраться в том, что тут происходит. Все заборы поломаны, в садах — танки, кухни, скот. Стрельба, рёв, всюду кровь, шкуры — это немцы скотину били. Солдаты с котелками ходят, дыни, арбузы тащат.

Брожу я по селу, толкаюсь среди населения, будто бы свою бабушку ищу, а сама подсчитываю танки, замаскированные в садах. Вижу возле немецкой кухни девочку лет двенадцати — худенькая, растрепанная, глаза заплаканные.

— Чего плачешь? — спрашиваю.

Она трёт кулаками глаза, смеётся:

— Немцы лук заставляют чистить. Беда. Бежать надо. А ты откуда? Я вижу, что новенькая.

Я сказала, что пришла из Сталинграда, бабушку ищу, да видно её уже здесь нет — уехала. Девочка вдруг очень заинтересовалась мной. Стала приставать ко мне:

— Что же ты теперь будешь делать? Как тебя звать? Как ты пробралась сюда из Сталинграда?

Я не успевала отвечать на её вопросы: задаст один и сейчас же другой, а сама по сторонам смотрит. «Какая-то рассеянная» — подумала я.

— А в Сталинград не собираешься возвращаться? — спросила она.

— Да не знаю уж, что и делать! — сказала я.

— Знаешь что — пойдём вместе, Галя,— предложила она.

Я назвала себя Галей, а она своего имени мне не сказала. Вообще на мои вопросы она не отвечала. Спросишь её о чём-нибудь, а она говорит совсем о другом, и так быстро-быстро, что ничего не разберёшь. Я поняла только, что она нездешняя.

— Хочешь кушать? — спросила она и потащила меня в какой-то погреб.

В этом погребе жила женщина с маленьким ребёнком, спасшаяся с погибшего парохода. Она называла девочку Люсей. Видно было, что они мало знают друг друга, ютятся вместе, как бездомные. Они предложили мне борщ, но я не могла его есть, хотя есть очень хотелось — какие-то помои. А Люся ела его жадно.

Три дня я пробыла в Латашинке, выглядывая то, что мне нужно было. Ночевала в одной щели, в которой жили эвакуированные и спасшиеся с парохода. Несколько раз встречалась с Люсей, и она каждый раз меня спрашивала:

— Ну, что — не собираешься возвращаться в Сталинград? Когда пойдёшь, обязательно скажи — пойдём вместе; вместе не так страшно.

Зачем ей надо было в Сталинград, я не понимала и думала: «Что за девочка такая загадочная?» Но она мне понравилась. Хоть и скрытная очень, но отчаянно смелая. Один немецкий повар, разделывая в саду туши, напевал всё русскую песенку: «Крутится, вертится шар голубой», как попугай, без смысла, и она его передразнивала:

Черный Гитлер, подлая власть,
Крутится, вертится, хочет упасть.

На четвёртый день, выполнив задание, я собралась в обратный путь и не удержалась, сказала Люсе, что решила пробираться назад в Сталинград. Она очень обрадовалась, куда-то побежала, притащила мешки и сказала:

— Если задержат, скажем, что идём на бахчи собирать арбузы.

Урожай на бахчах богатый был. Немцы всё разграбили, но дынь и арбузов всех собрать не могли. Население ими только и питалось. Затихнет стрельба — женщины уже в поле идут с мешками.

В те дни бои шли в центре города, а на нашем участке затишье установилось. Передовая у немцев проходила по краям садов; дальше их совсем было мало, должно быть, только разведчики.

Когда мы шли из садов, чуть светало. Немцы не заметили нас. Мы быстро спустились с бугра на берег, пошли вниз по Волге у самой воды. Я очень волновалась, больше, чем когда в первый раз переходила линию фронта. На берегу было пусто — кажется, сверху на тебя смотрят; сейчас окликнут или выстрелят. Люся идет рядом, молчит, но видно, что тоже волнуется — лицо то белое, то красное. Впереди — проволочные заграждения, за ними на солнце каски в окопах блестят. Это — наши уже.

— Ползи вперёд,— говорю я Люсе,— а я проволоку подержу.

Так мы с ней и проползли: сначала одна приподнимала нижнюю проволоку, потом другая.

Когда нас окликнули, я сказала пароль. Люся была страшно удивлена.

— Так вот кто ты такая! Ах, какая обманщица! — закричала она.

Бойцы проводили нас в блиндаж к капитану, который давал мне задание. Тут я тоже была поражена. Капитан встретил Люсю, как свою родную дочь. Меня он назвал по имени:

— Тая.

Люся на меня накинулась:

— Зачем ты сказала, что тебя зовут Галя? Ну и обманщица.

С этого дня мы с Люсей стали подругами. Ее фамилия Радыно, она из Ленинграда к нам была эвакуирована; ее мать умерла там в голодовку. Всего тринадцатый год шёл ей, но она выполняла задания, как взрослая партизанка, ходила в глубокие разведки: на Дон, в Калач, узнать, где у немцев понтонные мосты, в Городище, Гумрак. Когда мы бывали вместе, она рассказывала мне всё о Ленинграде. Лежим рядом на нарах в землянке, она рассказывает и каждую минуту спрашивает меня:

— Я тебе не надоела, Тая?

Особенно запомнился мне ее рассказ о том, как она со своей мамой встречала новый год в голодную ленинградскую зиму. Два дня они ничего не ели, паёк собирали. Люся говорила: «Мама хотела устроить для меня настоящий пир». Муки они собрали всего одну горсточку. Смешали ее с опилками и поджарили на вазелине, а вместо вина налили в бокалы

кипящей воды. «Мама подняла свой бокал,— рассказывала Люся,— и говорит мне: «Выпьем, дочь моя, за то, чтобы люди крепко держались друг за друга в беде».

А к весне мать так ослабла, что Люсе пришлось везти её в больницу на тележке. Трудно Люсе было, сама едва ходила. Матери стало жалко её, она сказала: «Оставь меня — я всё равно умру».

Тяжело было слушать, как рассказывает об этом Люся. Рассказывает и спрашивает меня:

— Как она могла, мамочка моя дорогая, так сказать! Ой, зачем она это сказала? Объясни мне пожалуйста, Тая. Ведь мы так любили друг друга. Помолчит и скажет: — Нет, Тая, так просто я не прощу фашистам этого.

Иногда слушаешь её и думаешь: совсем взрослый человек, а иногда: нет, всё-таки ещё ребенок. Когда нас, партизан, вызвали в штаб за наградами и майор вручил Люсе медаль «За отвагу», она сказала:

— Спасибо, дяденька,— и вприпрыжку выбежала из блиндажа.

В подполье

☆

А. Н. АГЕЕНКОВА

Трудно описать весь ужас того, что я увидела, когда вышла после четырёхдневного дежурства из полуразрушенного здания райкома комсомола, где меня застала эта бомбёжка, прервавшая нашу жизнь, полную надежд и увлечений. Этого никогда не забудешь. Улицы, преграждённые сбитыми телефонными столбами и деревьями, горящие дома, трупы, стоны раненых поднимали в душе бурю ненависти, желание мстить врагу, чего бы это ни стоило, а солнце, светившее как-то особенно ярко, точно хотевшее залить своим блеском огни пожарищ, вдохновляло и вливало уверенность в победе.

Нам была дана команда эвакуироваться за Волгу. Огонь быстро распространялся, преграждая путь к переправе. Один боец дал мне свою красноармейскую шинель. Укрывшись ею, я пробежала мимо горящих домиков. Только на Волге я почувствовала, что руки у меня всё-таки обожжены.

Моя семья жила за Волгой, в Красной Слободе. Добравшись до дома, я залечила ожоги и с группой студенток пединститута, который окончила всего месяц назад, стала работать на переправе — переносить раненых бойцов с баркасов на машины.

За Волгой был виден горящий со всех сторон и дымящийся город. Он звал меня к себе на помощь, как звал всех моих подруг и товарищей. В душе созрело непоколебимое решение вернуться в Сталинград, не отставать от других в борьбе.

Обком комсомола помог мне осуществить это желание. И вот я снова в Сталинграде, в районе Мамаева кургана, в настоящей боевой обстановке. Вместе со мной в Сталинград вернулось несколько моих подруг. В землянке на передовой командир рассказал нам о задачах разведки ближнего тыла противника. Мы поняли, что и как должны делать, и приступили к выполнению задания командования.

Со школьных лет я занималась спортом, нередко завоевывала первенство на состязаниях по плаванию, бегу, лёгкой атлетике. Это придало мне уверенность в своих силах. Все разведчики пошли на выполнение задания ночью, а я пошла днём, хотя меня предупреждали, что это рискованнее. Мне казалось наоборот: днём я всегда изловчусь, а ночью ничего не видно — попаду прямо в лапы немцев.

В те дни линия фронта еще не установилась, и я перешла её незаметно для себя. Мне только жутко стало, когда я увидела немецких офицеров, разгуливавших в лайковых перчатках с таким видом, как будто они уже празднуют победу. Я прямо остолбенела — не могла понять, в чём дело: на нашей стороне все сидят в щелях, блиндажах, а здесь чуть ли не на улице расставляют столики, покрывают их белыми скатертями. Можно было подумать, что война уже кончилась. Это было самое ужасное, невыносимое. Потом я поняла, что немцы хитрят, хотят внушить жителям мысль, что им уже не на что надеяться, что советская власть больше не вернётся.

Я была в рваном платье, старом платке; грязная, измученная на вид. Никто не обращал на меня внимания. А если кто-нибудь из немцев останавливал меня и спрашивал, куда я иду, я притворно плакала, говорила, что потеряла мать, ищу её.

На какой-то улице я увидела два брошенных кем-то ведра с водой, взяла их и пошла дальше, часто останавливаясь, как будто для того, чтобы отдохнуть, а сама всё осматривала и запоминала — позиции миномётных батарей, штабы, которые можно было узнать по телефонным проводам,

и т. п. С этими вёдрами я и обратно перешла линию фронта. Бойцы посмеялись и поблагодарили меня за воду.

Это задание было только школой для выполнения последующих, когда я в полной мере оценила воспитание, которое дал мне комсомол, и свою спортивную закалку.

Уже на следующий день я получила настоящее боевое крещение. Немцы схватили меня при выполнении задания и потащили, избивая по пути, в дом. В доме меня обыскали, ничего не нашли, но не выпустили. Оставшись одна в комнате, я выпрыгнула в окно и поползла по задворкам. Мне попались замаскированные у забора провода. Ничего со мной острого не было, пришлось их перегрызть.

Я решила довести задание до конца и пошла по улицам как ни в чём не бывало. Высматривая орудия, подсчитывая пробегавших мимо автоматчиков, я натолкнулась на какого-то грязного, оборванного, слюнявого немца. Он схватил меня и куда-то потянул. Я сопротивлялась, и он стал избивать меня. Немца кто-то окликнул, он оглянулся. Я вырвалась из его рук и убежала в овраг. Здесь бродили люди в больничных халатах. Это были душевнобольные, убежавшие из психиатрической лечебницы в первый день бомбёжки. Я переночевала вместе с ними в щели. Утром неподалёку от этого места я заметила немецкие орудия. Надо было торопиться, чтобы сообщить об этом нашему командованию, но меня задержал немецкий повар, заставил чистить картофель. Около часа я чистила картофель, а потом мне удалось сбежать.

Теперь линию фронта труднее было перейти. Те же знакомые переулки, но приходилось уже маскироваться, ползти. Когда я ползла, меня немного ранило осколком в ногу. Я спряталась в развалинах, вытащила из ранки осколки и поползла дальше.

И в этот раз я благополучно добралась до своих. Мне перевязали ногу, а через два-три часа капитан вызвал меня к себе и сказал, что по приказу командования наши части отходят, и спросил, не согласна ли я остаться для подпольной работы. Я согласилась. Мне дали пароль и подробно рассказали, как я должна себя вести в тылу у немцев; что делать, с кем поддерживать связь и через кого передавать разведывательные данные. Кроме меня, оставались радист и шесть комсомольцев, которые решили никуда не уходить из своего района, пока каждый не убьет по нескольку немецких офицеров.

Первую ночь я провела в щели вместе с населением, а на рассвете направилась по адресу, который дал мне капитан. Хозяйка квартиры, зна-

комая капитана, была предупреждена, что к ней придёт девушка, работавшая на строительстве оборонительных рубежей и не успевшая эвакуироваться с родителями.

Знакомая капитана, глухонемая, жила с тремя ребятишками в подвале разбомблённого дома по Ломоносовской улице. Не знаю, что помещалось раньше в этом подвале. Он был так закопчён, что напоминал кузницу. Ржавая двухстворчатая железная дверь с трудом открывалась. Открыв дверь, нужно было спускаться по узким кирпичным ступеням в глубокую яму с цементным полом. Здесь стояла железная печка и две кровати, едва умещавшиеся между стен. Кроме женщины с детьми, в подвале ещё до меня поселился какой-то мужчина, которого дети называли дядя Гриша.

Я сразу заметила, что он поглядывал на меня как-то странно. Вскоре мне стало ясно, что этот человек догадывается о цели моего пребывания здесь.

В первый же день ко мне зашли знакомые ребята, они оставались в районе партизанить. Хотя о деле в присутствии этого дяди Гриши мы не обмолвились ни словом, но как только они ушли, он спросил меня:

— С тобой работают?

Я сделала вид, что не поняла вопроса, сказала, что эти ребята — мои товарищи по школе. Он усмехнулся:

— Не бойся, не выдам. Вместе с тобой будем работать.

Я решила, что он тоже оставлен с заданием, но от разговора на эту тему уклонилась.

Наши войска уже отошли. Весь день было тихо.

— Ну, давай теперь начистоту,— сказал дядя Гриша.— Ты девушка не глупая, мы с тобой договоримся.

— Не понимаю, на что вы намекаете? — спросила я.

Он показал мне какую-то бумажку. Было темно, и я не могла её прочесть.

— Это документ, который я предъявлю немцам,— сказал он и стал рассказывать мне свою биографию.

У меня волосы зашевелились на голове. Это был деникинский офицер, отъявленный белогвардеец, скрывший свое прошлое и хранивший деникинские документы в надежде, что они ему ещё пригодятся. Жутко было даже подумать, что в Сталинграде оказался такой гад.

— Ты будешь работать на красных, а я на немцев, и у нас с тобой будет взаимная передача сведений,— заявил он мне таким тоном, как будто это само собой разумеется.

Я продолжала притворяться, что не понимаю, о чём он говорит, хотела выйти из подвала, но он меня не пустил, пригрозил оружием.

Ночью я услышала стрельбу, крики, свист. В подвал вбежали двое наших ребят — оба раненые. И сейчас же со двора донёсся голос:

— Русский партизан, выходи!

Только ребята успели выскочить на зады двора через дыру, пробитую в стене для дымохода, как в нашем подвале разорвалась граната, кинутая немцами в дверь.

Осколки её никого не задели. Вслед за гранатой была брошена зажженная сера. Дышать стало невозможно, пришлось выйти на двор. Немцы выгоняли прятавшееся в щелях население и выстраивали во дворе, мужчин и женщин отдельно. Как выяснилось потом, наши ребята, стреляя из развалин, убили двух немецких офицеров. На дворе происходил допрос и избиение людей. Немцы допытывались, где скрываются партизаны. Я видела, как этот гад, выйдя из подвала, показывал немцам свои документы и кивал на меня. Они не пожелали разбираться в документах, погнали его к стенке, а меня стали избивать прикладами автоматов, требуя, чтобы я сказала, где партизаны. Потом меня ударили рукояткой кинжала в лоб. Я почувствовала, что кровь заливает глаза, закрыла их и тут же потеряла сознание.

Очнулась я уже утром в каких-то развалинах. Было тихо. Я хотела приподняться, но не смогла — очень ослабела от потери крови. Всё тело было избито и изранено.

Я не помнила, что со мной произошло, и не знала, что мне делать. Оставалось только надеяться, что кто-нибудь из своих придёт на помощь. Вскоре я увидела мальчика — старшего сына хозяйки. Он стоял возле меня и плакал. Я прежде всего спросила его, где дядя Гриша. На мое счастье белогвардейские документы этого подлеца не помогли ему. Немцы выхватили их у него из рук и порвали, не читая, а самого расстреляли вместе со всеми мужчинами, выстроенными на дворе.

Ночью хозяйка перетащила меня к себе. Теперь она жила со своими детьми не в кузнице уже, а в щели. Я пролежала два дня, пока смогла подняться. Надо было помогать хозяйке: добывать дрова, таскать воду.

Первый раз, когда я пошла за водой и увидела с горы Волгу, меня вдруг охватила такая тоска, что я заплакала. Никогда так горько не было на душе, как в этот момент. Мне показалось, что Волга, на которой мой отец, боцман, работал всю жизнь, которую я так любила, стала совсем

Комсомольцы-подпольщики в одном из занятых врагом кварталов города

чужой, далёкой. У меня было такое чувство, точно родная мать отказалась от меня, не хочет больше признавать своей дочерью.

Уже трудно было надеяться на то, что кто-нибудь из наших ребят придёт ко мне. Я решила, что они меня считают погибшей, и сама стала разыскивать их. Брала с собой младшего сына хозяйки, двухлетнего парнишку, выдавая его за своего ребёнка, ходила по подвалам и щелям, в которых ютилось население, как будто бы искала родственников. В одной из щелей и произошла моя встреча с Виктором Леоновым, радистом нашей части, оставленным для работы в тылу немцев. Он жил в подвале с какой-то семьей, а рация была установлена в развалинах соседнего домика. Вскоре он познакомил меня с одним пареньком, который работал с ним. Это был

Толя Сенжулеев — ученик ремесленного училища. Он не смог эвакуироваться из-за болезни матери.

Мы передавали по радио в свой штаб о местах скопления немецких войск, расположении дальнобойных орудий, зениток, аэродромов. Сердце радовалось, когда мы видели, что указанные нами цели подвергаются обстрелу.

Однажды я услыхала, что немцы оборудовали на стадионе аэродром. Пошла проверить этот слух и по дороге была ранена осколком мины в голову, бок и ногу. Вгорячах я как-то добежала до своей щели.

Вскоре немецкая комендатура объявила, что всё население должно покинуть город. Кто не уходил — того выгоняли. Я ходить не могла. Глухонемая хозяйка положила меня на тележку и повезла. На окраине города, на Черноморской улице мы устроились в новой щели. Семь дней я пролежала. Это было самое тяжёлое время. В те дни немцы забирали всех мужчин на рытье окопов и блиндажей, устраивали облавы. Взят был и мой радист Виктор. Только я оправилась от ранения, встала на ноги, вылезла из щели, как меня схватили и погнали в Калач. Люди шли толпой — измученные, голодные, промокшие под дождём, с котомками за плечами, с малышами на руках. Мне удалось сбежать и вернуться в Сталинград. Через несколько дней я встретила Виктора, которому тоже удалось сбежать из лагеря. Прежде всего нам нужно было взять рацию, оставшуюся на старом месте, в центре города. Но вход в центр города был запрещен. Первая наша попытка пробраться туда не увенчалась успехом. При второй попытке Виктор проник в город, но, вернувшись, сказал, что ни квартиры его, ни рации не существует. В этом убедилась и я сама, когда пошла туда с ребёнком, сказав немцам, что иду взять хлеб, зарытый мною в землю. Хлеб там действительно был зарыт. На обратном пути немцы отобрали его у меня.

Трудно стало работать без рации. Чтобы передавать сведения, которые мы добывали,— а это были очень важные сведения, так как происходили большие передвижения немецких войск,— нашим ребятам не раз приходилось переходить через линию фронта. Для меня это было не под силу. Я могла ходить только опираясь на палочку. Поэтому днём я больше сидела в щели и переписывала листовки, призывавшие население не подчиняться немецким приказам об эвакуации, организовывать партизанские группы. Ночью я расклеивала эти листовки по городу и попутно резала телефонные провода.

Как-то, выйдя из щели, я услышала звуки патефона, доносившиеся из окна домика, в котором помещался какой-то немецкий штаб. Это был мой любимый этюд Рахманинова. Этот этюд часто играла моя подруга, учившаяся в консерватории. Летом, когда она приезжала из Москвы, мы с ней иногда проводили целые вечера у рояля. Она играла, а я слушала и, откровенно говоря, немного завидовала ей. Я тоже любила музыку, но в этом искусстве мне было далеко до неё, а уже начиная с восьмого класса школы, когда я вступила в комсомол, мне всюду хотелось быть первой. Раньше я была довольно застенчивой, робкой.

Этюд Рахманинова напомнил мне многое, чем я увлекалась, к чему стремилась. Я остановилась у окна и подумала: «Что эти скоты понимают в нашей русской музыке, как они смеют слушать её, когда мы, русские, так мучаемся!». Мне стало до слёз больно, и я горько заплакала. Два раза плакала я, работая в тылу у немцев; и оба раза оттого, что было обидно за себя и за наших людей.

Немцы увидели меня из окна, задержали и велели мне убрать их квартиру, затопить печи — они готовились к пирушке. Дрова были сырые, не загорались. Часовой показал мне полузарытый на дворе бачок с бензином. Я зачерпнула бензин кружкой, и тут у меня возникла мысль сжечь немцев. Сразу повеселев, я уже ни о чём больше не думала; ждала только, пока немцы соберутся и у них начнётся попойка. А когда немцы так перепились, что даже часовой, стоявший у дверей, валился с ног, я совсем развеселилась и чуть ли не на глазах у них стала расплескивать бензин по полу. Потом облила бензином выход из дома, подожгла его, закрыла дверь, перерезала провод и убежала в овраг. Там лежал разбитый самолёт. Два дня пряталась под ним. Убедившись, что все, находившиеся в подожжённом мною доме, сгорели, я вернулась в щель к своей хозяйке.

Всего, конечно, не расскажешь. Немцы ловили жителей, выходящих из своих ям, и выгоняли их в степь. Три раза мне приходилось покидать Сталинград. Когда меня в третий раз погнали в Калач, уже начались морозы. Раны на ногах воспалились, обуви не было, от неё тряпки остались. Я шла почти босиком и думала, что не вынесу мучений. Но гул родных орудий придал мне силы. Я опять сбежала и вернулась в Сталинград.

Спрятаться в Сталинграде было где, но мне надо было лечиться: рана на левой ноге начала гноиться, появилась опасность заражения крови. Поэтому ребята решили, что я должна перейти через линию фронта.

Два дня мне пришлось проработать уборщицей в немецкой комендатуре, чтобы раздобыть пропуск на Метизный завод. Я сказала, что там

находится моя мать, за которой я вернулась из Калача. С этим пропуском я свободно прошла до того места, где мне нужно было свернуть в овраг, идущий к Волге. Это было днём. Ночью я боялась потерять ориентировку. Мне всё ещё казалось, что днем легче будет изловчиться — все-таки смелее чувствуешь себя, если солнце светит! Но только я спустилась в овраг, как немецкий часовой заметил меня и стал стрелять. Я вернулась назад, притаилась в щели, а потом снова стала пробираться оврагом. Когда я уже вышла из оврага и перешла трамвайную линию, за которой начинались наши позиции, по мне открыли огонь. Одна пуля пробила пальто, вторая ранила в ногу. Несколько минут я пролежала, притворившись мёртвой. Когда стрельба затихла, заползла в развалины какого-то дома. Оглядываюсь — вокруг никого нет; неизвестно, на чьей территории нахожусь. Надо ползти дальше. Опускаюсь в лощину. Снова по мне открывают огонь. Бросаюсь в первую попавшуюся щель и вижу наших бойцов. Это был передовой наблюдательный пункт одного из батальонов генерала Родимцева.

Сын мой Саша

☆

А. Т. ФИЛИППОВ

Больше двадцати лет жил я на Дар-Горе в своем домике, работал приемщиком почты с пароходов и поездов. Семья у меня была большая — одних сыновей шестеро. Четверо — Михаил, Василий, Сергей и Иван — ушли в армию: и в пехоте воевали, и на танках, и в бронепоезде. Двое младших дома остались: Костя — когда немцы к Сталинграду подошли, ему только десятый год шёл — и Саша. Саше шестнадцать лет было, но он уже хорошие специальности имел: и на слесаря экзамен сдал, на заводе «Красный Октябрь», и на мастера по сапожному делу в артели имени Шаумяна. Меня за него благодарили, говорили: «Хорошего, товарищ Филиппов, вы работника воспитали». Он ещё маленьким стремился какому-нибудь полезному делу научиться.

— Почему,— говорил он мне,— человек должен только одну специальность иметь? Я хочу всё уметь делать.

Когда началась сильная бомбёжка, мы с ним за Волгой были — в пригородном хозяйстве. Один знакомый, уполномоченный НКВД, работавший на переправе, помог нам вернуться в город. Город горел уже. Семья моя в убежище сидела.

Думали мы все, что нам делать, не хотелось эвакуироваться, дом свой бросать. Смотрим, а немцы уже на Дар-Горе. Ночью Саша мой куда-то пропал. Утром приходит и говорит мне:

— Буду, папа, ходить как сапожник по немецким штабам.

Оказывается, он ночью пробрался балками через фронт, связался с нашими и получил задание от одного старшего лейтенанта, товарища Семенихина.

Собрал в сумку сапожный инструмент и пошёл Саша немцам сапоги чинить. В пиджаке карманы у него были порваны, и гранаты находились в подоле. Днём работает в штабах — немцы его хвалят,— а ночью подберётся к штабу и в окно гранаты кидает.

Роста он был маленького, выглядел моложе своих лет. В воинской части ему кличку дали «школьник». Немцы, бывало, после взрыва бегают, ищут партизан, а Саша на улице с детьми играет: нарисует мелом классы и прыгает на одной ноге.

Потом старший лейтенант Семенихин говорил мне:

— Такого парнишки я ещё не видал. Какое задание ему ни дашь — он сейчас же: «Разрешите выполнять?» Повернётся — и бегом.

В ледоход, когда лодки через Волгу не ходили, Саша на левый берег по льдинам перебирался. Один раз послали его из Бекетовки на «Красный Октябрь». Он прошёл туда центром города, среди немцев, а обратно на бревне плыл вниз по Волге.

Я и сам не думал, что мой Саша на такие дела способен. Мальчик он тихий был. Правда, плавал хорошо, Волгу переплывал.

Боялся я за него, просил, чтобы осторожнее с немцами был, а то схватят и не посмотрят, что маленький. А он говорил мне:

— Не бойся — убегу.

Он и гранаты в окна кидал, и документы разные в немецких штабах выкрадывал, и доставлял нашим сведения о расположении немецких орудий.

Поставят немцы пушки, не начнут еще стрелять из них, а наши уже бьют из-за Волги по этим пушкам. Два орудия немцы поставили у самого нашего дома. Ночью Саша пошёл опять балками через фронт в Бекетовку, а меня предупредил:

— Перебирайтесь все в подвал.

На другой день артиллеристы из-за Волги дали огонь по нашему дому. Думал я, что разобьют дом, но не жалел уже его, как раньше. Одна была мысль: лишь бы Саша не попался. Однако дом уцелел. Только два снаряда под фундамент угодили, остальные в немцев — обе их пушки разбили.

Долго не возвращался Саша. Вдруг прибегает к нам знакомый мальчик, его школьный товарищ, говорит:

— Саша просит, чтобы ему чего-нибудь поесть принесли.

Мы сначала ничего не поняли, но испугались. Жена закричала:

— Где ты его видел?

— Да вон по улице немцы ведут наших людей,— говорит он.— Саша увидел меня и крикнул.

Собрала жена, что было съестного, и побежала вдогонку. Немцы-конвоиры остановились у штаба. Тут жена и сунула Саше узелок. Он успел ей только шепнуть:

— Не бойтесь — убегу.

Три дня немцы держали Сашу в комендатуре. Жители говорили нам, что видели, как его гоняли куда-то босиком по морозу. Думали мы: может быть, люди обознались. Спрашивали:

— А какая на нём шапочка?

— Кубаночка,— сказали нам, и мы всякую надежду потеряли: Саша в кубаночке был.

23 декабря повели немцы вешать троих партизан: Сашу, девушку из Бекетовки и ещё одного неизвестного в нашем посёлке парня — откуда он, никто не знал. Привели к церкви на Дар-Горе. Там три акации росли. С нашего крыльца акации те были видны — дома вокруг погорели.

На наших глазах накидывали на Сашеньку петлю. И откуда только у сынка силы взялись! Как размахнётся, ударит немца по голове — тот сразу в сугроб упал. Саша — бежать, конвойные за ним. Один прикладом сбил его с ног, другой штыком ткнул. Саша до последнего момента отчаянно дрался, не давался в руки, но его скрутили и повесили на акации.

Возле церкви, в убежищах жили люди. Они слышали, как Саша кричал:

— Всё равно наши придут и перебьют вас, как бешеных собак.

Когда немцы, повесив всех троих, ушли, жена моя ходила с сыном прощаться. Постояла жена у акации и вернулась. Глаза сухие, страшные. А я не пошёл — сил не было.

С месяц мы жили при немцах, на свет не выходили. Потом наши войска освободили Дар-Гору, и пришёл к нам старший лейтенант Семенихин, пригласил меня в штаб. Комиссар полка товарищ Иванов руку мне пожал и сказал:

— Не забудем мы Сашу, отомстим за него.

Стали красноармейцы искать труп Саши, нашли его, принесли к нам домой, а потом похоронили с почестями на городской площади и памятник ему поставили.

Как мы жили при немцах

☆

А. С. СИМОНОВА

В ночь с 24 на 25 декабря под «Рождество» пришли к нам в подвал немцы искать съестное. Даже рассыпанное просо вместе с мусором собирали с полу. Это просо я с умыслом рассыпала под кроватью, думала, что немцы не заметят, а мы потом просо по зернышку из мусора выберем. Но не сбылись мои надежды. Немцы искали так тщательно, что ни одну крупинку нельзя было от них утаить. Они смели просо с сором и грязью и даже у детей из-под пазухи отобрали кусочки подсолнечного жмыха.

Каждый день они приходили по нескольку человек — румыны и немцы. Нас они будто и не замечали. Придут и начнут шарить. Смотришь и молчишь. Но тут всё в груди закипело, когда они смели последние крупинки. Просила, чтобы оставили хоть жмых. Они же в ответ показали мне приклад. Тогда я уж и не знаю, как это получилось, но не вытерпела — думаю, всё равно погибать — бросилась я с ребёнком на руках за немцем, который понёс зерно. Одной рукой тянула мешок к себе, другой держала ребёнка. Кричала я, как неистовая. А немец выдернул у меня мешок и так треснул кулаком по уху, что зазвенело в голове, закружилось, и я упала без памяти.

Рассказывали мне, что я, падая, чуть ребёнка не придавила, а немец потом бил меня ногами.

Всё это происходило на глазах моего больного мужа, который весь в ранах лежал в постели. Подняться на ноги он не мог. Но всё же приподнялся на локтях, протянул руку за палкой, схватил её и замахнулся на немца. Вот тут-то и началось: два других немца, которые до этого шарили по углам, бросились на мужа и стали избивать его.

Чем хуже были дела фашистов на фронте, тем чаще они приходили к нам с обысками. Жили мы в подвале. Там было много всякой домашней рухляди. Весь этот хлам немцы при каждом своём посещении вытряхивали из мешков на пол. Все постели перетряхнут, во все кастрюли залезут, во всех щелях пошарят, а потом нас начнут обыскивать — ощупывают, залезают в карманы.

Тяжело об этом вспоминать. Муж к постели прикован, а дети у меня почти всё время на руках. Самой маленькой было в то время один год и пять месяцев. От голода она была вся худенькая, какая-то прозрачная. На вид ей нельзя было дать больше шести-семи месяцев. Я не отнимала её от груди, так как иначе её нечем было бы кормить. Самой старшей моей девочке было двенадцать лет. И ещё было у меня три мальчика — трёх, шести лет и десяти.

Моя старшая девочка под пулями пробиралась к станции и на маленьких детских саночках из-под самого носа немецкой охраны увозила солёные бычьи шкуры. Эти кожи нас выручали; их резали на куски, очищали с них драгоценную в то время соль; затем кусок кожи опаливали на огне, чистили и долго варили. Когда кусок делался мягким, его можно было есть. Но, бывало, не успеешь обделать и сварить кожу, как ввалятся немцы и — к плите. Откроют кастрюлю, поковыряют вилкой, и прямо в кастрюле уносят всё, что сваришь. Тогда мы стали варкой заниматься тайком, по ночам; но немцы стали приходить и ночью.

Дети мои начали пухнуть. Все мы были какими-то вялыми.

Помню, как казалось мне, что всё меня давит, будто навалился целый воз. Я упала на пол, а подняться не могла; рот перекосило, язык отнялся. Дети плакали, глядя на меня. А когда пришла в себя, попросила дать мне горячей воды, опустила руки в воду, и стало легче. Первая моя мысль была: «Где бы достать какой-нибудь еды». Решила я пойти к соседке, но у неё тоже ничего не было. Обратно дойти не могла, упала прямо в снег.

О том, что делается на фронте, мы могли судить по поведению немцев. Они уже, не стесняясь нас, часто говорили между собой «капут» и стали еще более злыми. Нужны им дрова — сами не пойдут, не охота им было попадать под шальные пули — за всем нас ходить заставляли. Сами зайдут в погреб, греются, а детей выгоняют под пули — и за дровами, и за снегом для воды.

В один из последних дней января в наш погреб набилось особенно много немцев и румын. Плита всё время была занята немецкими котелками, нам нельзя было поставить на огонь и кружки со снегом.

Муж лежал на кровати у двери, а я с ребятишками приютилась у печки. Кругом яблоку негде упасть. На дворе же в это время был настоящий ад. По немецким позициям вели огонь «катюши». Но чем сильнее били наши, тем нам было радостнее. Раза два я пробиралась к выходу: и мужу постель поправлю, и бой послушаю. Начинают наши пулемёты с одного края, а кончают где-то на другом. Уже совсем близко и ружейная стрельба. Вхожу обратно в погреб, кивну мужу, он и без слов понимал меня.

Часов в одиннадцать вечера в погреб ввалилась ещё одна ватага фашистских вояк. Вид у них был плачевный, еле-еле держались на ногах. У меня сразу мелькнула мысль: мол, эти с передовой. Некоторые из них только вошли в погреб, как сразу же брякнулись на кровать, на которой лежал мой муж. Один немец сел ему на больные ноги. Муж закричал так страшно, что все обернулись. Немец ударил мужа кулаком по голове и что-то забормотал.

Стараясь освободить ногу, муж упёрся из последних сил в спинку кровати. Трости спинки разошлись, и голова его попала между тростей. Он впал в беспамятство. Стал кричать: «Дайте мне горячего кофе, дайте кофе!» Немцы варили на плите кофе, и запах от этого кофе стоял в подвале.

Я крикнула мужу: «Подожди!», а он всё звал меня и кричал: «Дайте же кофе, я коченею!». С каждым разом он кричал всё тише и тише. Немцы сидели и лежали на нём. Он уже задыхался. Один из немцев засмеялся: «Старый капут». Добралась я до кровати. Муж протянул мне свободную

руку, как бы прощаясь со мной. А глаза его смотрели строго, точно говорили: «Не плачь». Он задыхался. Я стояла на одной ноге возле мужа, а другая моя нога была на весу — некуда поставить было. Попросила я солдат — потеснитесь, мол, а какой-то немец сказал мне на ломаном русском языке: «Германский армия капут и русский свинья капут». Я держала руки мужа и чувствовала, как остывают они.

Как передать, что я пережила в эту ночь! Ведь как я любила мужа, как хорошо с ним жили... А теперь он стал весь таким седым, белым. Лялька-малышка была у меня на руках. Остальные четверо жались у печки. Я опустила руки мужа и стала пробираться на мороз.

Ночью на дворе стояла я по колено в снегу. Малышка теребила пустую грудь. То всплакнёт, то забудется. А у меня внутри всё было пусто. «Да! — думала я,— вот как оно бывает». А шум в голове заглушал и свист пуль, и грохот. Не знаю, долго ли так продолжалось; точно была я в каком-то забытье, а потом — слышу какие-то знакомые слова, наши русские. Стала я вслушиваться. Наконец, до моего сознания дошло. «Господи, боже ты мой, да ведь это наши бойцы ломают немецкие баррикады».

С тропинки, которая вела из глубокого оврага, поднялись одна за другой две белые фигуры. Приблизились ко мне.

— Тьфу! Что ты здесь делаешь, бабушка, с ребёнком на морозе? — раздался голос.

Я рассказала этим людям, так неожиданно появившимся передо мной, о том, что произошло.

Они спросили меня — много ли в подвале немцев? Я ответила. Говорила и плакала.

— Бодрись, мать, крепись. Отольются немцам твои слёзы.

Бойцы начали пробираться наверх (наш погреб внизу у оврага был). Потом уж я поняла, что это были наши разведчики.

Походила я вокруг и, вернувшись назад, увидела на снегу труп мужа. И детей моих, полураздетых, выкинули немцы из подвала.

Как сейчас, помню, медленно, большими хлопьями шёл снег. Это была последняя страшная ночь. Утром нас освободили наши родные бойцы.

СРЕДИ СОЛДАТ

На Мамаевом кургане

☆

А. М. ЧЕРКАСОВА

Хочется рассказать всё по порядку. Но ведь в жизни так: о некоторых месяцах и два слова не скажешь, а о другом дне или часе сколько ни говори — всего не расскажешь.

Своего мужа я проводила в армию на второй день войны. У нас в мелиоративной МТС, где я тогда работала, ушли на фронт все трактористы. Подруга моя, Долгополова, стала трактористкой, а меня посадили на прицеп. Потом предложили стать мне объездчиком. За день я всё хозяйство верхом на лошади вдоль и поперёк объезжала. Охраняла травы и бахчи. Не позволяла скот на наших травах пасти.

А когда фронт подошёл к Сталинграду, за другие дела пришлось взяться. С 1937 года была я председателем уличного комитета. Теперь надо было мобилизовывать народ на оборону. Мне как объездчику это дело было сподручно. Стала я объезжать весь Мамаев курган. А по склонам его много домиков и хибарок было выстроено. Один посёлок у Мамаева бугра даже прозвали Нахаловкой, потому что нельзя было там строиться, а люди не посчитались с этим.

Стали прибывать в Сталинград и эвакуированные, и раненые. Надо было всех гостеприимно встречать. Собрала я с нашей улицы двадцать женщин с ведрами и тряпками, всю школу мы за сутки вымыли. Потом стали ставить перегородки. Так и осталась я работать в госпитале, который

занял школу. И раздатчицей пищи была, и температуру больным мерила. Работала я так же, как сотни и тысячи женщин, которые в войну ухаживали за ранеными. И муж мой, Иван Ерофеевич, тоже в каком-то госпитале лежал после ранения.

Летом 1942 года он вернулся домой. Нужно было ему несколько месяцев пожить дома, залечить раны; а чтобы без дела не сидеть, сторожем на бахчи поступил.

29 августа госпиталь, в котором я работала, погрузили на баржу. А я не хотела уезжать, не верила, что наш Сталинград немцы возьмут. Ну, а уж если бои будут поблизости, думала я, посмотрю, как воюют. Много я в жизни видела: и в людях жила, и на рыбных промыслах работала, грузчицей на ссыпном пункте была, на Камчатке побывала и в Мурманске. А вот войну только по рассказам знала. С детства любила слушать про войну и про отца, который погиб в германскую.

Теперь я на войну так нагляделась, что дальше некуда! Госпиталь эвакуировался, но мне всё равно некогда было дома сидеть; много разных заданий получала. Пришла как-то домой, гляжу, кастрюля с печи упала

и обожгла девочке ноги, волдыри пошли. Навела я порядок, приложила марганцовку и опять детей заперла. Надо было возить с мельницы муку, раздавать населению. Под моей командой были возчики; в моем распоряжении был целый эшелон — 15 подвод.

Бывало немец бомбит, а мы на подводах свой маршрут совершаем. Я как-то уверила себя, что со мной ничего не будет. Поэтому и не боялась. Муку возили до 14 сентября. В эти дни немец подошёл к центру города, и мельница прекратила работу.

Стала я больше дома бывать. А домик, в котором я жила — у самого Мамаева кургана. Всем известно, какие бои за Мамаев курган шли. Может быть, и нет на всей земле, где война прошла, такого второго места, где бы так долго дрались советские люди с врагом.

Несколько раз Мамаев курган переходил из рук в руки, но за всё время немцам не удалось полностью Мамаев курган занять и выйти в этом месте к Волге.

Наши домики к самой горе приткнулись. Кругом стрельба невероятная, снаряды мимо над головой пролетают. Вначале около нас была расположена позиция дальнобойной артиллерии, а потом пришли пехотинцы, заняли всё подножье кургана и узнали мы, что по сталинградским частям приказ отдан, чтобы ни на шаг не отступать и немцев к Волге не пускать.

Я каждый кустик на Мамаевом кургане знала. Негде нам было больше воду брать, как из родника. Вода из этого родника издавна на весь Сталинград славилась. Со мной всегда за водой одиннадцатилетний мальчик ходил, сын Долгополовой, Вова. Пошли мы с ним как-то в последних числах сентября за водой мимо оврага, в котором недавно рукопашный бой шёл, слышим стон. А было уже темно. Только в сумерки, да по ночам за водой ходили. Вова скатился в овраг. Я стала его ждать. Потом он приполз и говорит: «Тётя Шура, не поймешь, не то там наши раненые, не то немцы».

Вместе с мальчиком я поползла в овраг. Оказалось, на одном нашем раненом старшем лейтенанте лежал убитый немец. Когда мы подползли, старший лейтенант начал стрелять из нагана.

— Дядя, дядя, это свои,— зашептал Вова. Мы подползли к лейтенанту и освободили его от немца.

— Отколе вы взялись?

— Мы с Мамаева кургана,— сказал Вова.

Я нашла у лежавших рядом убитых бинты и стала перевязывать лейтенанта. Он был ранен в обе ноги. Слышим, идут сюда два немца.

— Отползите в сторону и ложитесь,— прошептал старший лейтенант.

Он пристрелил этих немцев, и мы потащили его в свою землянку.

Земляночка была врыта глубоко в землю. Набралось нас в ней до шестнадцати человек — всё жители Мамаева кургана.

Как-то вышла я из землянки, а тут какой-то политрук подвернулся. Как налетит на меня: «Что вы тут делаете, чего толкаетесь среди бойцов! Чтобы здесь и духу вашего не было». А потом зашел к нам в землянку и стал извиняться. Увидел, что среди нас не только дети да старухи, но и раненые бойцы, которые сами с Мамаева бугра сюда доползли.

Одних раненых из нашей землянки отправят — другие их место занимают.

Вспомнишь нашу землянку — ведь дышали одной пылью и порохом, словно на каком-то пожарище жили.

Я одна из землянки выходила, да Вовка Долгополов со мной. Стали меня бойцы называть Александрой Максимовной. И командиры приходят, советуются: «Скажите, как лучше пробраться нам на эту сопку?» Иногда приходилось не только словами объяснять, но и самой провожать бойцов.

Однажды, помню я, седьмая рота полка пошла в наступление. Мы с Вовкой на исходном рубеже провожали её. А утром прибежал к нам в землянку один лейтенант, весь взъерошенный, отдышаться не может, говорит: «Много там наших раненых».

Мы с Вовкой решили пробраться к месту боя. Приползли, а сами не знаем, кого же брать — нужно и одного, и другого. Взяли мы несколько человек и стали их тянуть на плащ-палатках. Четыре часа мы раненых таскали. А потом немцы перешли в наступление. Видим, мимо нас бегут.

А мы в это время одного политрука вытаскивали, у которого кость была перебита выше щиколотки. Тут снаряд разорвался рядом. Меня куда-то снесло. Не знаю, сколько я пролежала, пока Вова Долгополов нашёл меня, начал землю оскребать, вроде как откопал. Пришла я в себя, рядом ещё два раненых бойца лежат. Потащили их. Один умер по дороге, а другого до своей землянки дотащили.

Таких много было дней. Из этой землянки мой муж опять в армию ушёл, в какую-то часть, которая в Сталинграде сражалась. А я с детьми осталась одна. Уже октябрь подошёл, и не заметила я, как время прошло. Думаю, что ж делать дальше? Рядом в одной щели много местных жителей засыпало. И позиция наших бойцов переместилась. Решила я переменить свое местожительство, уж больно беспокойным оно стало.

Раньше, когда мы из домика в землянку уходили, ничего с собой не взяли, только Лида, моя дочка, ложку схватила, говорит — чем я кашу буду кушать? А Ниночка взяла с собой часы настольные. Теперь мы дальше уходили, и я решила взять из квартиры самое необходимое. Домик был недалеко, но не поймёшь, кто там — немцы или наши. Оказалось — никого. Первым делом я нашла мешок, положила в него молоток, гвозди, скобы. Думаю пригодится, если придется плот сколачивать — через Волгу плыть. Положила я в мешок и кастрюльку. Почему-то взяла с собой и бадью, чугун положила в нее.

Вышла я из домика, слышу козы кричат — моя и соседкина. Не думала я, что целы они. Подозвала я коз, привязала их веревкой к себе за пояс и пошла со всем своим имуществом. Иду по тропке и своим глазам не верю: немец выходит из-под моста и перерезает мне путь. Я иду — не сворачиваю. А рядом насыпь. Как раз по одну сторону наши, а по другую — немцы.

Немец залёг и начал стрелять. Думаю, коз моих забрать хочет, а они у меня крутятся под ногами. Не оглядываюсь. Верите мне или нет — чугун на голову надела, думаю, если попадет в голову — не пробьет, а за спиной у меня мешок со всяким железом, тоже не пробьёт. Уже землянка моя близко. Как меня мои девочки ждали! Запрещала я им свой нос показывать, а на этот раз они мне навстречу выбежали. Я им кричу: «Ложитесь!». Они сразу упали.

Добралась я до землянки, переждали мы несколько часов, а потом вышли. Трудно было разобраться в обстановке. Дошли до линии железной дороги. Промеж разбитых вагонов добрались до штаба полка. Здесь и поселились.

До сих пор сохранилась у меня справка. Я её всегда хранить буду: «Дана гражданке Черкасовой Александре в том, что она в период боев за город Сталинград оказывала первую помощь раненым бойцам и командирам и кроме того производила стирку белья для бойцов и командиров».

Однажды вроде контузило меня. Была я и глухая и немая. Язык распух, сильные боли в животе были. А потом снова пришла в себя. Зима настала, начали раненых на санках возить.

Времена переменились. Новые бойцы прибывали. Чувствовалось по всему, что скоро в наступление перейдём. Немцы меньше стреляли, словно пуль у них не стало хватать. Вовка пошел на передовую танки провожать. Куда-то исчезнет, а потом возвращается, весь обвешенный немецкими котелками.

— Трофеи,— говорит,— собираю.

Так мы и прожили с бойцами на передовой до самой победы.

Солдатки

☆

О. В. ДОЛГОПОЛОВА

С первых дней войны мой муж, Федор Степанович, ушёл на фронт. От него долго не было писем. Беспокоилась я. И вот однажды утром прибегают ко мне женщины и говорят:

— На, возьми, тебе от мужа привет.

Передали они мне армейскую рукавицу. На рукавице была наколота записка с адресом: «Того, кто поднимет, прошу передать жене моей Долгополовой Ольге Васильевне». В рукавицу, чтобы тяжелее она была и дальше могла отлететь, вложил Федор камешек. Оказывается, ночью в воинском эшелоне проезжал он мимо своего родного дома на Мамаевом кургане, а сойти ему с поезда нельзя было. Так вот он догадался и рукавицу выбросил, а в ней прислал он конфет для Валечки, тетрадку старшему сынку Вове, а младшему Геночке — свисток.

После этого я тосковать еще пуще прежнего стала. Ведь совсем рядом муж был. Хоть бы взглянуть на него, какой он стал.

Рядом со мной по соседству жила Александра Максимовна Черкасова. Раньше плохо знали друг друга, а вот война началась, так сдружились. То я ей хлеб возьму, то она мне. Иногда приведёт своих девочек, просит присмотреть за ними. Была я раньше домохозяйка, а война началась — трактористкой стала. Черкасова на мясокомбинате кишечницей работала. А я её уговорила к нам в МТС перейти. И у неё муж в армию ушёл. Ну, вот и решили мы свои семьи совместить. У Черкасовой двое и у меня трое ребят, стали все вместе жить как бы одним семейством.

Шура всякими делами была занята, всякие задания в райисполкоме получала. Уйдет, бывало, из дома на целый день, а я печку истоплю, с детьми вожусь.

Когда началась бомбёжка, стала Черкасова хлеб населению на Мамаев курган возить. Один раз лошадь у них убило, а возчиков и Шуру оглушило. Начала я уговаривать её: «Ну, куда ты ходишь, хоть бы себя поберегла», а она мне в ответ: «Раз патриотки мы, значит так надо. Не будет меня — станешь матерью и моим».

В сентябре фронт со всех сторон подошёл к нашему посёлку на Мамаевом кургане. Из своих домов перешли мы в одну землянку.

Раньше на Мамаев курган со всего Сталинграда приезжали люди отдыхать; кругом нас — одна зелень. Заберутся люди на самый курган, на Волгу смотрят, песни поют. Хороший воздух у нас, и вода родниковая славилась. А теперь стало нам нечем дышать на Мамаевом кургане. Как начнётся стрельба, всё ходуном ходит, земля валится; не раз детям рты забивало. Прямо из окна моей кухоньки все бои на Мамаевом были видны. Страшно, а все-таки хоть одним глазом, а в окно посмотришь. Попал наш посёлок под перекрёстный огонь. Какие дома — в щепки, какие погорели. Кругом воронки. А надо вылезти из щели, так по-пластунски приходилось ползать. Бывало, как начнётся стрельба, детишки ко мне липнут, прижмутся; а потом стали привыкать. Но всё же как сильный огонь — сразу затихнут, личики у всех вытянутся. Только старшему моему сыну всё это было любопытно. Не сиделось ему на месте. Всё, бывало, норовит из щели вылезти. Не удержишь никак. Много беспокойства он мне доставлял.

Жила у нас на Мамаевом хорошая девчонка, Маруся Филиппова. Ее немецкий снайпер у самого колодца подстрелил. Так и перекинулась она, словно в воду смотрела. Страшно стало к колодцу ходить. Пробрались тогда Александра Максимовна и Вова до родника и воду от него пропустили овражком в ямку, вырытую недалеко от нашей щели.

От огня кругом жар неимоверный стоял. Мы все дверку, вход в нашу землянку, закрывали мокрыми ватными стеганками да разными тряпками, которые мочили в кадушке. Бывало, думаешь, если тебя пуля не заденет, так от дыма здесь задохнешься. А детей как жалко было! Боялась я из щели выйти. Сижу и думаю: «Неужели где-нибудь сейчас люди в полный рост ходят, солнце видят; долго ли нам ещё всё это терпеть?» А у подруги моей Черкасовой — другой характер был. Я с ней часто ругалась. Кругом стрельба идёт, а она в разрушенный дом заберется, уцелевшую печку растапливает. Я ей кричу — убьют тебя, а она все своё:

— Хоть и убьют, а хлеба я испеку.

Стала Черкасова по буграм лазить, раненых таскать. У одного раненого пришлось ей зубами осколок вытаскивать — инструмента под руками не было, а осколок вытащить надо. После этого ввалилась она в землянку и упала — сердечный приступ. Только пришла в себя — снова, как одержимая, поползла к бугру. Там в это время бой шёл.

Бойцы, которые на Мамаевом кургане дрались, все советовали нам в другое место перейти. Решили мы спуститься вниз на трамвайную линию, ближе к мясокомбинату и к Волге.

Я детей к мосту перетаскивала, а Шура пошла в посёлок, коз разыскала, пилу-ножовочку с собой взяла, чтобы было чем подпилить, что потребуется, на новом месте.

За мостом все щели были уже разрушены. Страшно было в них входить. Нашли мы одну более подходящую, подпорочки поставили и устроились тут на жительство.

Стала Черкасова по соседним щелям ползать. Видит, раненый боец лежит, слова вымолвить не может, точно был он в глубоком обмороке. Шура достала пинцет, марганец, бинты (к тому времени у неё уже всё было) и меня позвала:

— Помогай, держи.

Потащили мы бойца к себе, обернули в простыню, а Вовку послали санитаров искать. Прошло немного времени, вернулся он с молоденькой сестрой. Была она такая встревоженная; как увидела бойца, бросилась к нему, как к родному брату. Видно, знала она его раньше, в щёку поцеловала. А он всё без памяти. Сестра говорит: «Надо его немедленно в санчасть доставить». И нас всё спрашивает, как мы живём, чем питаемся. Девочек на руки взяла, говорит — «детвора хорошая». Только вынесли раненого, как обстрел в нашу сторону начался. Козу убило и сестра упала. Ранило её. Александра Максимовна потащила бойца и

сестру в сторону мясокомбината. Вернулась — на человека не похожа; вся в крови. Легла и сразу заснула.

Оказалось, что рядом с нашей щелью и другие гражданские живут. Не успели они в своё время за Волгу переправиться. Всё это были жители с Мамаева кургана: Мотя Карагодина, у неё на коленях раненый сын лежал, тетя Паша с переломленной ногой. Жили мы рядом, пять семейств, а потом все в одну щель забрались. Бывало, по очереди спали. Да и всё равно нельзя было ноги как следует вытянуть; лежишь, а ноги в стенку упираются. Для маленьких детей мы сделали подвесную полочку. А Вова мой, так тот на ступеньках у входа в щель спал.

Как-то слышу я шум, танки ползут. Я по звуку мотора сразу признала, что наши. Остановились танки у самой щели. Вошёл к нам командир, спрашивает про Вову:

— Чей мальчик?

— Мой,— ответила я.

— Пусти его, мать, проводить нас,— попросил меня командир.

Страшно было мне тогда Вову в ночь пустить, а он и без моего разрешения сел в передний танк и стал танкистам дорогу показывать. Потом они высадили его из люка. И Вова с бугра до нашей щели по-пластунски дополз.

На утро один танк вернулся обратно, притащил за собой другой, у которого были порваны гусеницы. Стали танкисты у нашей щели танк ремонтировать.

Как-то внесли к нам раненого. Сняли мы с него окровавленную рубашку. Тяжело дышал он и был в бреду. Всё казалось ему, что он еще на поле боя. Шура сделала ему перевязку. Когда очнулся боец, рад он был, что оказался среди своих людей, только беспокоился, что нас стеснил. Всё нас сестрицами называл. Спросили мы, как звать его, а он ответил:

— Вася, из Воронежа.

Он всю ночь просил: «Тётенька, помочите мне рот». А потом ему легче стало. Посмотрел он на детей, достал из кармана кусочек сахара, протянул его детям, вздохнул глубоко и умер.

Дождались мы утра, вынесли его. Вова выкопал ямку, постелили мы в неё шинель и захоронили бойца.

В те дни у Александры Максимовны голова стала болеть. Свалилась моя подруга: не ест, не пьёт. Пришлось мне за ней ухаживать, а она мне в ответ:

— Только ты моих детей не бросай.

Как-то ночью разбудила она меня и говорит:

— Слышишь, человек стонет. У меня нет сил подняться. Иди ты.

Хоть и трусиха я была, а вылезла из щели, поползла туда, где человек стонал. Он кровью исходил. Разрезала я на нём сапог, перетянула жгутом ногу. Гляжу, еще одна женщина мне на подмогу вышла. Притащили мы его к себе, а он оказался известным снайпером Подхаповым. Когда за ним санитары пришли, он со всеми нами попрощался за руку, а детей поцеловал. Я ему тогда письмо мужу передала. Хотела полевой почтой воспользоваться. Думала, с полевой на полевую скорее дойдёт.

Запомнился мне еще Серёжа Стаханов, москвич. Это он танк под обстрелом ремонтировал. Всё нашим детям разные сказки и истории рассказывал. Был он из артистов-любителей. Целые представления разыгрывал. Как начнёт он, бывало, показывать: «А у деда борода вот отсюда и сюда» — детишки хохочут. А ведь тогда нелегко было их рассмешить. Когда стали танки уводить, немецкий снайпер попал Серёже Стаханову прямо в голову. Свалился он, лежит у меня на руках и говорит:

— Голова разрывается, ничего не помню.

А я его спрашиваю:

— Серёжа, а знаешь ли ты, где находишься?

— Я на Волге,— сказал он.

На наших руках скончался Серёжа.

Разведчики, минёры, связисты, подрывники, санитары к нам заходили, делились вестями, говорили, какие у наших успехи на фронте. После таких разговоров легче становилось. Ну, думаешь, скоро конец нашим страстям.

Познакомились мы с Петром Горбуновым. Он разведчиком был. Когда ранили его, он свой перебитый автомат на Мамаевом зарыл. После того мы Петра не видели. А когда окончилась война, вдруг он перед нашими глазами появился, как к родным пришёл. Ладный такой, плечистый.

— Здравствуйте, говорит, солдатки!

Детям из Москвы гостинца привёз. Сказал, что ему отпуск дали, так он за своим автоматом приехал.

— Буду его на память всю жизнь хранить,— говорил он.

Вот тогда многих мы и вспомнили, которые пали тут за Родину нашу.

Около штаба Родимцева

☆

К. Ф. КАРМАНОВА

Проводила я двух старших сыновей с заводом в эвакуацию и вернулась домой с младшим, Геннадием, шестнадцатилетним. Куда мне было ехать — больная, отекшая.

Жили мы на Пермской в своём доме — одноэтажном, каменном. Весь квартал сгорел, а наш дом цел был. Бегали мы из убежища посмотреть на него, взять что-нибудь — подушку, чайник, ложку, фонарик, а что ценное было — зарыть в землю. Муж, в армию уходя, оставил в комоде сверток со своими бумагами — грамотой за подписью товарища Орджоникидзе, пачкой старых газет «Солдат Революции» и «Власть Труда». В 1918 году он в инженерном батальоне у товарища Ворошилова служил, строил окопы у Царицына, под Воропоново. Вспомнила я, как берёг муж этот свёрток, сунула его в жестяную банку и зарыла в погребе.

Вернулась в убежище, сижу и думаю: «А что же я купчую на дом из комода вынула и оставила на столе?» Испугалась, что зайдёт кто-нибудь — возьмёт, и побежали мы с Геней домой за купчей. А на ближних улицах бой уже идёт — облака дыма и пыли кружатся, от гула и треска голова ломится. Дом наш горит уже. Стрельба, крики, пули засвистели. Рядом — домик, окна и двери выбиты, в стенах дыры.

Вбежали в этот домик, забились под диван. Я лежу, затаив дыхание, а Геня вдруг говорит мне:

— Ты, мама, не бойся, вытащи только пулю — в руке у меня застряла.

Схватила я его руку, дернула пулю — не поддаётся, второй раз дёрнула — вынула. Порвала на себе рубашку, стянула Гене руку жгутом, забинтовала.

Снаряды вблизи рвутся, домик трясётся — вот-вот развалится.

— Ползём,— говорю,— отсюда, а то убьёт.

Выползли мы на улицу. Кто-то кричит нам из глубокой ямы:

— Лезьте сюда, Клавдия Федоровна!

Яма была от упавшей бомбы. Старик Лукин, семидесятилетний, с больной дочерью Марьей забрался в неё, лежит, зовёт к себе.

— Тут хуже убьёт,— кричу ему.

Поползли мы дальше вместе с ними и на Пензенской улице в штольню залезли, в первый зигзаг. Там подземелье было в три зигзага, под самой улицей.

Военные — бойцы, командиры — все удивляются, спрашивают:

— Как вы уцелели при такой стрельбе?

Были в подземелье и гражданские — раненые. Одна девочка окровавленная — лицо, руки, ноги, всё тело иссечено мелкими осколками — кричала:

— Найдите маму скорее, пока я не умерла!

После нас бежали к Волге, чтобы не остаться у немцев, мужчина, женщина, девочка лет семи и мальчик поменьше — вся семья. Снайпер немецкий заметил их. Первым мальчика застрелил. Мать упала, как оглушённая. Отец наклонился к ней и тоже упал. Девочка растерялась, стоит, смотрит. Бойцы высунулись из подземелья, кричат ей:

— Беги, беги, скорее!

Она повернулась и побежала одна по асфальту к Волге.

У сына рука распухла, он стонал, просил пить. Я думала: Волга рядом, а хоть капельку на язык бы капнуть, смочить запекшиеся губы. Жарко, душно. Бойцы фляжки свои встряхивают — может, осталась капелька. У одного нашлось на глоток, дал Гене.

— Эх! — слышу голос другого бойца.— Вот если бы сейчас на Волгу — с четверть ведра выпил бы, а то и больше.

Кто-то еще говорит:

— Видать, не бывал ты в больших переходах.

Все ждали ночи.

С наступлением темноты три бойца пошли с вёдрами к Волге. Увы, опять тяжёлое ожидание. Спрашиваю командира:

— Что же их долго нет, может куда-нибудь перебросили?

— Только что по телефону донесли,— говорит,— один убит, двое ранено.

К рассвету все-таки принесли воду. Сколько радости было, когда нам сказали:

— Гражданские, пейте досыта.

Казалось, целый месяц можно прожить без еды, только бы воду пить. Пью, не могу уже пить, поперёк горла вода стоит, как что-то твёрдое, а мне по-детски смешно от такой сытости.

Командир сказал нам, что мы находимся на самой опасной передовой линии фронта. Тут была оборона войск генерала Родимцева. В подземелье заносили ружья, пулемёты, бутылки с горючим, раненых, и военных и

В сталинградском блиндаже. Редкие минуты отдыха

гражданских, а мёртвых ночью выносили наверх. Притащат термоса с супом — красноармейцы забегут, покушают. А где они спали — не знаю. Сядет иной, подремлет минутку, вскакивает и бежит. Немцы врывались на улицу, танки ездили над нами, сыпали из пулемётов. Наши выбегали и кидали под них горючее.

Самое страшное началось, когда немцы заняли один жилой дом неподалёку и стали из него по выходу из нашего подземелья стрелять. А разбить этот дом нельзя было: на одном этаже немцы, на другом наши. Наши кричат: «Немец, выходи!» Немцы кричат: «Рус, выходи!» Пришлось красноармейцам подземный ход рыть на Пермскую улицу, под домами, в сторону немцев.

Услышала я раз на заре близко собачий лай, обрадовалась, подумала: значит и наверху еще люди живут. Но бойцы мне сказали, что это обманчивый лай, что это не собаки лают, а немцы — ихние уловки.

Надоест сидеть в темноте, тяжело дышать, хочешь свежего воздуха глотнуть, сядешь к двери, но не удержишься долго: с улицы дым, гарь, а то как бабахнет — и покатишься вниз. Старик Лукин спрашивает:

— Чего ты испугалась? Ну, подумаешь — стрельнули!

Какая бы стрельба ни была — для него это значения не имело. Ляжет у самого выхода, спит и спит, ногой на него наступишь — не разбудишь.

Перевязывала я одного раненого бойца. Еще светло было, свет в двери проникал. А второго начала перевязывать — стемнело. Зажгла свечку и поставила в нишу. Вдруг как ахнет; посыпалась земля, и меня что-то по голове ударило. Должно быть, немец заметил свет и мину пустил. Стою оглушённая, по пояс в земле, ничего не соображаю, смотрю — где командир, где раненые, которых я перевязывала — никого нет. Кто-то мне плечо жмет, говорит:

— Мама, я тут.

Думаю: «Сын!» Он у меня прямо выпал из головы, совсем про него забыла. Выбрались мы с ним во второй зигзаг и увидели бойцов, Марью, дочь нашего соседа. А старик у двери спал, и его землёй засыпало; одна голова из земли торчала, шею миной перебило.

Командир говорит:

— Нельзя гражданским оставаться тут — опасно.

Среди ночи вышли мы из подземелья с бойцом Куликовым, который делился с нами своим пайковым хлебом. Идём через трупы, через груды развалин, путаемся в проводах, когда Куликов крикнет — ложимся. Немец

усиленно бил по этому месту, потому что здесь был штаб генерала Родимцева.

Спустились мы яром к Волге в полночь, а смотрим — над Волгой рассвет уже. Но обманчивый был этот рассвет: голубой и зеленоватый. Несколько минут разливался он над Волгой. Хотелось бежать к ней и напиться ее живой воды. Но свет погас. Это были немецкие ракеты. Волга близко, но подойти к ней надо так, чтобы тебя не заметили немцы, укрепившиеся в недостроенном здании Госбанка вблизи городского перевоза. И мы радовались, что могли напиться солоноватой, не пригодной для питья родниковой воды, вытекавшей из яра.

По одну сторону яра в домике под кручей красноармейцы баню оборудовали; по другую сторону у них кухня была, тоже под самой кручей, пониже блиндажей минометчиков. А рядом с кухней в маленькой хатке жила женщина Гололобова с ребёнком. Мы у неё и поселились.

Наверх вылезешь — пули свистят; внизу — на Волге — бомбы и мины столбы воды выбивают со дна, а у нас тихо, будто и войны нет; только с кручи глыбы земли сыпятся, камни по крыше стучат. Несколько месяцев прожили мы тут, и за всё время одна только мина в нашу хату попала. И та не разорвалась. Бойцы выбросили её в яр. А ночью немецкие разведчики яром к самой хате подходили. Откроешь дверь и слышишь немецкий разговор.

Думала я: наверное, штаб генерала Родимцева ищут. Где-то около нас штаб его был, но где точно — не знаю. На горе в котельной одного разбитого дома штаб батальона помещался. Комбат, молодой, весёлый, часто приходил к нам с гитарой, пел, ободрял нас; говорил, что нашим подкрепления идут. Заходил к нам в хату посидеть, потолковать и начальник штаба Соловьёв. Он предупреждал, что немцы переодеваются в женскую одежду и ходят мимо нас на Волгу за водой.

На кухне старшиной был Мухин, пожилой человек. Он всё беспокоился о своей семье.

— Смотрю,— говорит,— на вас и думаю, что и моя семья, может быть, так же вот, как вы, переживает войну.

Его миной убило, когда он вышел из кухни вместе с поваром Колей. А Колю только ранило. Это был молодой, славный, спокойный парень.

Я тоже на кухне работала: картошку чистила, воду носила. Много было необходимой работы. Стирала бойцам бельё, проглаживала, гимнастёрки чинила; даже перешивала, чтобы по размеру были.

Спускались с горы раненые бойцы передовой линии, одни проходили мимо хаты по тропке вниз, других проносили на носилках или просто на горбу здоровые бойцы, по очереди сменяя друг друга. Просит истекающий кровью боец пить — скорее напоишь его, а иному наскоро перевяжешь лёгкую рану. Некоторые с удивлением говорили:

— Да здесь гражданские! Спрашивали:

— Как же вы, мамаша, думаете остаться здесь живы?

Я говорила:

— Что бойцам, то и нам. Свыклись мы с фронтовой жизнью.

Я боялась только, что взлетит наша хата на воздух, потому что бойцы складывали рядом с хатой бутылки с горючей жидкостью и ящики со снарядами.

Сын мой тоже свыкся с обстановкой. Рана у него зажила. Он подружился с танкистами.

Прямо над нашей хатой, на горе танк стоял. Танкисты вырыли под ним яму и жили в ней. Постреляют и заберутся в яму, оладьи жарят. Там у них печка была, целый день топили на мазуте. Геня у них часто гостевал. Помогал им снаряды с Волги таскать, винтовки, пулемёт чистить. Командир орудия, Шуркой звали его, всё говорил ему:

— Смотри, Геня, чтобы, как зеркало, блестело.

Этот Шурка прихрамывал на одну ногу, но такой смелости был, что ничего на свете не боялся. Когда подходил к хате, его издалека было слышно. Сначала крякнет, а потом кричит:

— Геня, идём снаряды носить.

Геня говорит ему:

— Обождём, Шурка, пока самолёты улетят.

А он отвечает:

— Пока спустимся к Волге, они и улетят.

Наносят они снарядов на гору, сложат у танка, и Шурка говорит:

— А теперь, Геня, будем выбивать немцев из Госбанка.

Потом придёт в хату и просит:

— Дайте, мамаша, кипяточку умыться.

Шесть месяцев прожили мы с сыном среди бойцов и командиров генерала Родимцева. Подвигов мы с Геней, конечно, не делали, но, чем могли, помогали своим защитникам, а они нас поддерживали питанием.

Рядом, на горе за штабом, дом № 61 защищал сержант Павлов со своими бойцами. Он тоже бывал у нас, довольствовался с нашей кухни. После разгрома немцев этот дом первым восстановили и нам дали в нём комнату. Товарищ Павлов, приехав с фронта, зашёл к нам.

— Припоминаю вас,— говорит.— Кажется, вы на кухне возле штаба жили.

В Доме Павлова

☆

Н. Н. ЛЯНГУЗОВА

Дом этот совсем недалеко от берега. Поднимешься с Волги на бугор — и он перед глазами. Вокруг всё разрушено, а этот дом уцелел — четырёхэтажный, узкий, длинный, к Волге ребром стоит. Но добраться до него нелегко было.

Мы пытались пройти тут через линию фронта — я и Рая Тимофеева, учившаяся вместе со мной на электросварщика. Нам было дано задание: разведать центр города, занятый немцами.

Пробирались так: впереди боец, мы за ним. Он остановится за разбитой кирпичной стенкой, и мы остановимся. Он осмотрится в темноте, побежит — и мы побежим. Он ползёт, и мы ползём. Пули всё время свистят, но откуда и кто стреляет — не поймёшь.

В подъезде дома стоял автоматчик. Спросив пароль, он провёл нас в подвал. Там под лестницей ютились какие-то гражданские люди; должно

Они идут в тыл врага

быть, жители этого дома. За перегородкой в небольшом круге света коптилки мы увидели нескольких красноармейцев и сержанта — молоденький, чёрненький, весь обросший. Узнав о цели нашего посещения, сержант сказал, что мы выбрали не подходящее место для перехода линии фронта.

— Здесь, девочки, не пройдёте,— заявил он.— Немцы наблюдают за нами из всех щелей.

Сержант предложил нам переночевать в подвале и завтра самим ознакомиться с обстановкой. Но тут же предупредил, что немцы не дают этому дому покоя, и спросил, показывая на стоявшие в углу винтовки и ящик с гранатами:

— Умеете с этим обращаться?

Рая созналась, что хотя выстрелить она и сумеет, но вряд ли попадёт в цель, а я стала уверять, что обязательно попаду.

Сержант засмеялся и сказал:

— Это не важно — попадёте вы или не попадёте; главное, чтобы шуму побольше. А пока немцы не лезут, давайте галушки варить.

Красноармейцы развели костёр на цементном полу, поставили самовар. Дымно стало.

Мы сели к столу на мягкие стулья. В подвале было много разных домашних вещей — сундуки, кровати, перины. На полу лежали сваленные в кучу книги, патефонные пластинки.

Среди красноармейцев оказался один чудаковатый гражданин. Он сидел у коптилки, читал по складам какой-то том энциклопедии, макал в банку с водой селёдочную головку и сосал её. Нас с Раей это рассмешило. Он обиделся и ушёл, унося с собой энциклопедию.

Очень запомнились мне два мальчика лет 8—10. Пока мы ужинали, они несколько раз появлялись в подвале, о чём-то шептались с сержантом и снова исчезали. Я не заметила, откуда они появлялись и куда исчезали. Вероятно, там имелась какая-то лазейка на улицу или во двор, потому что у ребят и одежда и лица были измазаны чем-то. Сержант иногда выходил с ними и возвращался тоже грязный.

Переночевали мы на перинах. Утром сержант повёл нас на третий этаж знакомиться с обстановкой.

У разбитого окна стоял замаскированный пулемёт, направленный на Дом железнодорожников, в котором были немцы. В развалинах за трамвайной линией тоже всюду сидели немцы.

— Нет, девочки, здесь вам не пройти,— несколько раз повторил сержант, когда мы, стоя у окна, осторожно, одним глазом, поглядывали на разрушенную улицу.

Действительно, местность вокруг дома была открытая: стоял он на виду всего города и чувствовалось, что за ним наблюдают сотни глаз. Мы опять спустились в подвал. У пулемёта остался один боец. Другой дежурил у подъезда. Решено было, что мы подождём до вечера, а потом вернёмся на Волгу и будем пробираться через линию фронта оврагом у Нефтесиндиката. Днём выйти из дома невозможно было. Вокруг всё время рвались мины. Но мальчики всё-таки, кажется, спускались на Волгу. Я видела, как они приносили бойцам воду.

Эти ребятишки постоянно крутились возле сержанта, шептались с ним, выполняли разные его поручения, вихрем носились по дому. Не знаю, что это были за дети, откуда они взялись тут.

Появлялся часто и гражданин с энциклопедией. Садился к столу и читал её при свете коптилки. Днём подвал тоже освещался, так как окно было заложено кирпичом и засыпано снаружи песком.

Мы беседовали с свободными от дежурства бойцами. Они говорили, что сегодня у них вроде выходного дня — немцы не лезут. Пожалели, что в подвале много патефонных пластинок, а патефона нет. Сержант показывал нам пластинки и спрашивал, какие наши любимые.

Тогда мы не знали, что этот сержант — Павлов, он ещё не был знаменитый. Думали: просто молоденький сержант. После войны, когда Павлов приехал в Сталинград из Германии, я очень удивилась, узнав в нем знакомого сержанта. Он не сразу узнал меня. Может быть, потому, что я была без руки — потеряла ее при выполнении боевого задания.

Но когда я спросила его:

— А помните двух девушек-партизанок, которые гостили в вашем доме и очень жалели, что у вас нет патефона? — он сразу узнал меня и засмеялся:

— Помню, помню; только тогда вы, кажется, были ещё не девушками, а девочками.

В овраге смерти

☆

А. А. ЗАГУДАЕВ

Наш овраг Банным называется. Он идёт почти от Мамаева кургана мимо завода «Красный Октябрь» до Волги. Через него трамвайный мост был, а поезда по насыпи проходили. У Волги он большой, за трамвайной линией меньше становится, а за тоннелем под железнодорожной насыпью уже совсем мелкий, у Мамаева кургана в степи теряется.

А Банным он называется потому, что возле него бани были. Мы жили как раз против бань, в самом овраге. Тут, хоть место и не плановое, но много рабочих издавна жило в своих домиках — народ к заводу поближе жался.

Я работал на «Красном Октябре» в ремонтно-строительном цехе. Во время осады был связным велосипедистом райвоенкомата. Поехал раз на Тракторный с пакетом. В пути захватила бомбёжка, и я попал под машину. Привезли меня на «Баррикады» в больницу имени Ильича, а там уже никого не было — всех больных эвакуировали за Волгу, так как немцы подходили к заводу. Я попросил, чтобы меня отвезли домой, в Банный овраг.

Тогда из Банного оврага большинство населения уже ушло, осталось только несколько семей, живших в щелях,— больные, старики, одинокие женщины с малыми детьми. На место гражданских военные пришли, стали строить в овраге блиндажи. Под трамвайным мостом санчасть расположилась. Когда меня принесли, жена побежала туда, привела военного врача. Он осмотрел меня, перевязал, дал жене марганцовку, бинт. Потом он ещё несколько раз приходил к нам.

Эвакуироваться мы не могли: меня машина сильно помяла, шевельнуться нельзя, а жена в положении, на последнем месяце. Пришлось вместе с бойцами жить, почти на самой передовой. Немцы стремились по оврагу выйти к Волге, а наши разведчики пробирались оврагом к ним в тыл. Такие бои происходили тут, что прозвали этот овраг оврагом смерти. Немцы сначала за железнодорожной насыпью были, потом перебрались через неё, к трамвайной линии стали подходить. Дальше оврагом наши войска не пустили их, но по бугру заводской стороной немцы немного

до Волги не дошли. Так что овраг с разных сторон простреливался. Население жило по скату оврага: кто выше, кто ниже. Мы жили наверху. Бойцы заглядывали к нам в щель, говорили:

— Немец вас с Мамаева кургана видит, уходите вниз.

Мы бы ушли сразу, да у жены схватки начались. Соседка Чеботарева, которая с нами жила, вытащила меня из щели, положила у выхода. Пока жена рожала, лежал я тут и наблюдал за воздухом. Бомбёжка в это время была. Немцы завод штурмовали, а он — рядом, по ту сторону оврага.

Жена слышит, как бомбы свистят; мне жаль её, хочу, чтобы не волновалась, успокаиваю, кричу:

— Это по цехам, не бойся!

Дочь родилась, тихая девочка; появилась на свет и голоса не подала.

Немцы начали бить по оврагу из артиллерии. Один снаряд разорвался возле нашей щели. Нас землёй привалило. Тут мы решили скорее перебираться вниз, к ручейку. Там и потише и вода близко.

Соседка помогла жене оборудовать хорошее убежище, с плиткой. Напротив был красноармейский блиндаж. Оттуда приходили бойцы, просили рыбу поджарить, лапшу раскатать, суп сварить. Увидели, что жена купает в корыте дочку, заулыбались, спрашивают:

— Где эту гражданочку нашли?

Смеёмся:

— Прилетела к нам в овраг на бомбе.

Всем хотелось посмотреть на девочку, которая родилась в овраге смерти.

Много бойцов и командиров приходило к нам; совали конфеты, печенье, сахар, спрашивали:

— Как назовёте девочку?

Один молодой боец попросил, чтобы мы назвали девочку Галей. Все поддержали его. Так мы и назвали дочку.

Жена и соседка Чеботарева стали работать на красноармейской кухне, помогать повару, а когда повар уходил в оборону — сами готовили пищу бойцам. Я полтора месяца пролежал, а потом тоже стал помогать бойцам.

Это зимой уже было. Немцы заняли бани и оттуда овраг простреливали по его ответвлению до самого низа. Наши пошли выбивать немцев из бань, но нехватило гранат, и красноармейцы залегли. Я вызвался доставить им гранаты, наложил два полных ведра и понёс на коромысле через овраг. Потом коромысло пришлось бросить, но вёдра дотащил ползком. После этого красноармейцы выбили немцев из бань.

Так вот и прожили мы в овраге всю осаду. Другой раз кругом всё дрожит, гудит, а дочка преспокойно спит. Удивительно тихая была. Думаешь: не умерла ли уж? Возьмёшь за руку — тёпленькая; наклонишься к головке, послушаешь — дышит ровно. Боялись, что не выживет. Но девочка выросла здоровая, весёлая. Её и теперь спрашивают:

— Где тебя мама нашла?

Она отвечает: Я сама на бомбе прилетела.

Белый домик

☆

П. П. ДЕГТЯРЕВА

Посмотрела я с дочкой Надюшей в последний раз на обгоревшие брёвнышки родного дома, взяли мы в руки по узелку и спустились вниз к Волге.

Чего только ни перевидали мы за дорогу! Кругом гарь одна. Надюша все подмётки на новых туфлях прожгла. Поднялось солнце, и опять стали немецкие самолёты летать. Подбежали мы к нефтесиндикатному оврагу, по-

стучались в блиндажи, а там уже было так много людей, что не повернуться, не потесниться. Тогда прыгнули мы в какую-то яму. Как раз в это время немецкие самолёты над оврагом заходили. Сбросили немцы большую бомбу — так качнуло нас, что сразу и не поймёшь, живы или мертвы. Я к дочке руку протянула, а в глазах темно. Засыпало нас. И в уши, и в глаза, и в рот земля набралась. Откопали мы друг друга, вылезли, глядим — блиндажи, в которые мы стучались, целиком засыпало. Глыбы земли придавили их. В этих блиндажах много тогда погибло людей. Опять проклятые фашисты загудели. Побежали мы с Надей дальше. Уж решили: будь, что будет, а никогда больше в блиндажи не полезем.

Немцы по берегу из миномётов бьют, а мы бежим, не останавливаемся. Глядим — навстречу бойцы наши идут, проволока в руках у них.

— Далеко ли немец? — спросили они.

— Эх, сыночки, об этом мы не знаем,— ответила я.

Пошли мы дальше, видим у самого железнодорожного полотна белый домик стоит — железнодорожная будка. К крутому берегу притулилась.

Зашли мы в домик, а он пустой. Обрадовались мы — крыша над нами и стены кругом толстые. Куда нам дальше итти? Переправы не работают. А если и есть где, разве дойдёшь до них, когда кругом ужас такой.

Прижались мы друг к другу и не знаем, что ж делать. Не заметили, как и ночь наступила. За всю ночь глаз не сомкнули. Я сижу и думаю: уж если придётся нам погибать, так вместе. А домик хоть и прочный был, а как бахнет где, качался, словно игрушечный. В такие минуты мысли разные в голову лезли, и все не ко времени. Кругом пылает, пули, словно дождь, по нефтесиндикатским бакам стучат, а я думаю, как же это я, когда из дома уходила, в ящике комода страховую мужнину книжку на три тысячи рублей оставила.

Утром пришли в домик военные моряки. Все молодые, крепкие. Они нас за хозяев приняли. Достали откуда-то муки и просят испечь им чего-нибудь. Рядом с будкой летняя кухонька была, а вокруг мухи зелёные, злые гудели. Разогнала я мух, принялась стряпать. Тут другие приходят военные, говорят, что из далёкой стороны в Сталинград прибыли. Просят меня: «Вы нам, мамаша, помогите, а то у нас люди от сырой воды болеют. Вы бы нам воду вскипятили».

Побежала я за водой. Трудно было тогда чистую воду набрать. Волны к берегу и нефть и кровь подбивали. Несколько раз ведро выльешь, пока чистую воду наберёшь.

Остались мы с дочкой жить в белом домике. Окна забили железом, засыпали песком, чтобы было безопасно от пуль. Кровать в простенке поставили. Под голову полынный веничек клали, а укрывались чёрной шинелью. Видно, будочник ее второпях оставил.

Первые ночи лежим, только и думаем, что же это будет? Решили: будь, что будет, а из будки не уйдём. Сна не было. Хоть глаза рукой закрывай! Чуть где зашумит — вздрагивали. Пули об жесть да об вагоны, как град. Земля гудит, а будка наша, как на волнах. Ночью выглянешь — светло, как днём: повсюду немцы свои «фонари» развесили. Немец совсем близко подошёл. Сперва мы даже теней от баков и вагонов боялись. Ну, а когда начали дремать понемногу, говорю я дочке: «Теперь мы с тобой бойцами стали».

Всё новые части на берег прибывали, располагались внизу, по соседству с нашим домиком. Познакомились мы и с командирами политотдела 62-й армии. Стали на них готовить и стирать. Просьб много было и от солдат и от начальства. Что ни сделаешь, за всё сердечно нас благодарили.

Дел прибавлялось с каждым днём. Бойцы нам в будке плитку смастерили; стали мы на ней жарить и варить. Не знаю, когда печь и остывала. А потом притащили к нам бойцы швейную машину; притащили её и говорят: «Нам надо отложные воротнички на гимнастёрках перешить на стоячие». Наденька моя хоть по специальности фармацевтом была, но рукодельничать с детства любила. Стали поступать к нам срочные заказы: кому воротнички переделать, кому петлички пристрочить. Из парашютного полотна и бельё стали шить бойцам и платочки. На каждом платочке Надюша вышивала: «Защитнику Сталинграда».

Были мы заняты делом, поэтому и о смерти стали меньше думать. Стала я говорить дочке: «Ведь не таких, как мы с тобой, а даже знаменитых генералов на фронте убивают, что ж нам за себя дрожать». Я всё вспоминала пословицу «на людях и смерть красна».

Стал наш домик знаменитым на всем берегу. Бойцы так и называли его «белым домиком», а берег у Волги прозвали Ленинским проспектом. Так и говорили про нас: «Мать и дочь, которые на Ленинском проспекте в «белом домике» живут».

Стали мы раненых обслуживать. Недалеко от нас, внизу санитарный батальон помещался. Когда шли сильные бои, а отправки раненых через Волгу не было, много раненых в блиндаж набивалось. А легко раненных врачи к нам в будку отправляли. Надюша перевязки им делала; вместо шин для них всякие деревяшки и железки припасала.

Всегда у нас полно народу было. То старшины греются, что за продуктами на берег приходили, то командиры какую починку несут. А то бойцы воду греют, баню устраивают. Отгородят простыней часть будки, в корыте плескаются. Бельё кипятится, а кто без рубашки сидит, ждёт, пока на ветру просохнет выстиранная.

Наденька то вверх пойдёт, к трамвайной линии, доски из заборов вытаскивает, дрова добывает, то с вёдрами к Волге бежит. Вернулась обратно как-то вся в грязи и в руках пусто. Почти у самых её ног мина разорвалась. Вёдра разлетелись. С ног её кровь течёт. До сих пор шрамы на ногах остались. Как пойдёт Надя за водой, я её дождаться не могу. А бойцы меня успокаивают:

— Ну, мать, пули тут под кручей не возьмут, а мины летят все в воду.

Бельё за домиком сушилось. Кругом стрельба, бельё всё время колышется. А когда самолёты летать начинают, велят мне, чтобы я бельё снимала. Иногда только повесишь — и снимать надо.

Много у меня сынков стало. Были это всё люди простые, сердечные. Поговорит с тобой пару минуток человек военный, а уж кажется, что ты его с малолетства знала. Приходили к нам по разным делам. Разведчики про местность спрашивали — по какой улице им двигаться лучше. Как на огонёк, к нам бойцы слетались. Кто письмо пишет, кто с Наденькой любезничает, кто разговор ведёт, как «языка» достал. Для нас всё это было очень интересно. А то придут перед тем как в бой итти, говорят: «Угости нас, мамаша, махорочкой. Может быть, в последний разок».

У меня же махорка не переводилась. Мне её санитар один приносил.

— Возьми, Петровна, ребятам подаришь.

Придут с Мамаева ребятки,— кто газету нам растолкует, а потом письма, полученные из дому, начнут вслух читать. За один час во всех краях побываешь. Любила я такие письма слушать. Многие бойцы свои письма давали Наде на сохранение. Был у неё ученический портфель. Бойцы называли его «почтой». Надя из этой «почты» доставала бойцам и бумагу и карандаши.

Никогда я не забуду Яшу-забавника. Из-под Касторной он был. Как начнет ворожить: и в какой день победа будет и что кому на роду написано — всё расскажет. Товарищи Яшу называли кочколазом. Был он разведчиком и всегда за кочками прятался. Маленький, толстенький, а увёртливый. А я его называла «Яша лучше всех».

Был ещё Федя Настин. Как-то уже зимой пришёл к нам в будку и говорит мне по секрету:

— Сшей мне, мать, из шубы валенки, чтобы на ноги полезли.

Ранили его в ногу, пятка и распухла. Он и валенки обуть не может. Врачи его к нам прислали и приказали строго-настрого сидеть, пока рана не заживет. Ну, а Федя сам себе врачом был. Пришлось мне ему по его заказу валенки шить. А он, как стемнело, надел автомат через плечо и захромал. Вместо лечения опять на передовую пошёл — на Мамаев курган. Как ранят его, бывало, придёт, посидит в будке, а потом снова уходит. Больше всего он боялся, как бы его на тот берег не отправили. Я его всегда называла «Федей непослушным». Когда мы с ним, после того как немцев под Сталинградом разбили, прощались, он говорил: «Ну, теперь война не страшна. Раз в Сталинграде не убили — значит всюду жив буду». У самого и руки и ноги все перевязаны, а он смеётся и других веселит.

Одного национала помню — такой хорошенький, черноглазый; ранили его в самый локоть. Больно ему было, у него от боли слёзы текли; всё кричал: «Милый мой жён!» Не думала я, что такой молоденький, а уже женатый. А ещё один у нас лежал, звали мы его Ванюшей. Только прибыл он в Сталинград, как на следующий же день на Мамаевом кургане ранили его в голову. Он всё говорил: «Я буду жить, я не умру». Горевал, что

мало пришлось ему повоевать. Уж очень трогательный был. Надюша вместе с санитарами на одеяле отнесли его к переправе.

В политотделе одного бойца «павлином» звали. Так и не знаю я — фамилия у него была такая или прозвище. Выхожу я однажды с вёдрами за водой, к земле пригибаюсь; вдруг слышу кто-то стонет невдалеке. Подошла я поближе, а человек с земли кричит: «Пристрелите меня». Смотрю я — «павлин!» Оказывается, только что ранило его. Бросила я вёдра, поднять его хочу, а он, бедняга, вырывается и немцев на чём свет стоит клянёт.

Оказывается, человеку не всё равно, где кровь пролить. Только и беспокоились бойцы, чтобы их в тылу не убили и не ранили; мол, обидно здесь погибать; уж если гибнуть, так — на передовой. А ведь сказать по правде, какая уж особая разница была; ведь и берег был весь воронками изрыт.

Тут настали самые трудные дни. Волга долго не вставала. Лёд пошел, много лодок побил. С хлебом стало хуже. И уж махорочкой не могла я ребят угощать. И Надюша моя словно зачахла, притихла, вся пожелтела. Стали ее желтоусым цыпленком звать. Врачи определили желтуху; лечили ее лучше, чем в больнице. А бойцы целый мешок сухарей принесли, говорят:

— Вот, мать, трофеи.

Бывали в нашей жизни и большие праздники. Как-то прибыли к нам повара, всякой всячины навезли. Я вместе с ними двое суток готовила; они пельмени накрутили, а я пирожки напекла. На свадьбу так много не готовили. Студень по всей посуде разлили, из свежей рыбы уху сварили. Убрали нашу будку плакатами разными, стол красной материей застлали. Пришли к нам в будку начальники, и с разных сторон бойцы потянулись. Стали они себя в порядок приводить. Тут стрельба кругом, а они сапоги начищают, в зеркальце смотрятся, наодеколонились все; и мне на них смотреть было радостно. Самые лучшие герои славной нашей 62-й армии собрались. И пришлось мне видеть, как этим героям ордена вручали. Привинчивают ордена — новенькие, блестящие — к своим запылённым гимнастёркам, а у самих и руки трясутся и в глазах радость. А потом они говорили речи короткие. Молодцы такие! И я их всех поздравляла. Понравилось мне, что хоть и водочку пили на радостях, а никто плохого слова не сказал. Смотрю на них и думаю: «Правильно мы с Надюшей сделали, что здесь остались».

Мы тогда вместе с бойцами общим духом жили — бойцы были рады, и мы радовались. Им плохо — и нам трудно.

Когда наступление началось, настроение у всех стало повышенное. Большие пополнения к нам на берег прибывали. Совсем рядом с нашим белым домиком батарею установили.

Прибыли к нам моряки. Разговор был, что с Дальнего Востока они. На дворе стужа, они куртки свои расстегнут, а под куртками — одни тельняшки. Узнали они, что Наденька моя — мастерица платки вышивать, стали ей платки заказывать; требовали, чтобы на всех углах платочка якоря были вышиты.

Когда лёд пошел и трудно было лодкам на тот берег переправляться, моряки стали на переправе работать. Свяжут между собой лодки, со льдины на льдину прыгают, сами по льду идут, а лодки тащат за верёвки, шестами подталкивают. Невозможно храбрые были. Как, бывало, уйдут через Волгу, мы их ждём — не дождёмся. Ведь бывали случаи — они посреди Волги лодки тащат, а попадёт мина, оборвёт веревку и уносит льдину вниз по течению; и тут уже ничто не спасёт. Немцы, что к Волге у Царицы вышли, как заметят нашего человека на льдине, сразу же огонь открывали. Сама я однажды видела, как унесла льдина смелого моряка, а он, родимый, что-то кричал, словно прощался с нами.

А потом, когда лёд стал, немцы всё по Волге стреляли. Но и тут наши бойцы их перехитрили. Возьмут, бывало, обыкновенные санки; к ним шнур металлический привяжут. Один боец с нашего берега к себе санки тянет, а другой в это время с того берега шнур разматывает. Как дойдут санки до нашего берега — разгрузят их, и снова начинает боец с левого берега шнур сворачивать. А санки, точно сами ползут. Потом и без санок обходились. Ночью по ледяной дороге такое движение было, как в мирное время на главной улице.

Нам в ледостав сытнее жилось; и бойцы радовались — все по извозу на Мамаев снаряды носили. А немцам с каждым днем всё хуже было. Не проехать, не пройти не могли — в окружение попали. Стали продукты им с самолётов сбрасывать. Только мало тех продуктов немцам доставалось, больше наши перехватывали. Бывало, придут бойцы, смеются, показывают: «Вот, смотрите, мамаша, воздушные гостинцы получили в мешках — белые галеты, в железных баллонах шоколад, а вот это консервы — из деревянных ящиков».

Пришёл к нам новый год. Всем хотелось его как можно лучше встретить. Настроение было такое, словно победу встречаем. Опять собрались гости в нашем «белом домике» — генералы были, начальники. С того берега вдруг радиопередача заговорила, музыка заиграла. Все мы вскочили;

слышно было, как с той стороны нас с новым годом поздравляют. А потом с той же стороны открылся огонь. Берег весь закачался.

Теперь уже стали бойцы не так пригибаться к земле, во весь рост начали ходить; все были уверены, что скоро немцу конец. Как-то смолкло всё; разговор пошёл, что это в тишине переговоры ведутся. А потом снова жестокие атаки начались. Приходили к нам прощаться бойцы разные: и повара и кладовщики. Говорят: «Довольно нам сидеть на берегу Волги, и наш черёд пришёл в бой итти».

Тут слух пронесся, что идёт к нам на соединение большая армия. Мне первым об этом парикмахер сказал. Помню, сапоги на нём были драные. Я ему говорила: «Что ж ты при своей профессии в таких сапогах ходишь?» А он мне отвечал: «Победим — новые сошью».

Он всё на передовую просился. Потом про него много разговоров было. Когда начали наши бойцы немца с Мамаева кургана сгонять и наверх полезли, к резервуарам водопровода, что на самой верхушке, этот боец первым на водопроводную башню залез и поднял над ней знамя.

Как я стала разведчицей

☆

Н. Я. ЮДИНА

Мы рыли окопы за городом, когда немецкие бомбардировщики налетели на Сталинград.

Я вернулась обратно в город; парикмахерская, в которой я работала мастером в мужском зале, уже была разбита. И от дома, где я снимала угол у одной бабушки,— ничего не осталось. Пошла я в садик около мединститута; там было вырыто много окопов и блиндажей. В этом садике размещалась какая-то часть войск НКВД. Они только устраивались на новом месте. Гляжу, один военный сидит на пенёчке, бреется и уже во многих местах порезался. Я подошла к нему и говорю:

— Давайте, я вас добрею.

— А вы сумеете? — недоверчиво посмотрел он на меня.

— Сумею.

Побрила я его, водой вместо одеколона вспрыснула; не успела оглянуться, а ко мне целая очередь.

Несколько дней, пока не наступали сумерки, брила я в этом садике бойцов и командиров.

А потом, когда немцы стали подходить к центру города, комсомольцы полка собрали мне денег, дали ватную фуфайку и проводили до переправы.

Дошла я до Ленинска, а там дали мне направление в госпиталь. Я ухаживала за ранеными и брила их перед операциями. О том, что делалось в Сталинграде, узнавала от раненых. Так проработала я до октября.

Как-то я обратила внимание на одного раненого. Уж очень он был нетерпеливый, и чувствовала я, что он что-то хочет мне сказать, но всё откладывает. Это был майор Мазный. Он потом получил звание Героя Советского Союза.

— Если вы не боитесь смерти, я могу вас забрать с собой в Сталинград,— как-то заявил он мне. И сказал, что ему надоело лежать в госпитале. Он просил врачей, чтобы его выписали, но врачи не соглашались; тогда он решил удрать.

Госпиталь готовился переехать в другое место, а мне не хотелось уезжать из родного города, и я решила принять предложение майора.

Ночью мы были у переправы. На берегу толпилось много людей, спешивших в Сталинград.

— С Мамаева опять бьёт,— сказал кто-то в темноте.

Мы переправились. Вместе с майором Мазным я сошла на берег, и мы пошли в сторону Банного оврага. По дороге нас окликали, но всюду пропускали. Майор привёл меня в какой-то блиндаж, а сам ушёл. Через некоторое время меня позвали. Боец ввёл меня в другой блиндаж, вырытый в овраге.

— Так вы и есть та самая девушка, которая хорошо знает Сталинград? — обратился ко мне военный.

Как я потом узнала, это и был сам командир дивизии, товарищ Гурьев. Вначале он пожурил меня за то, что я помогла бежать майору Мазному из госпиталя, а потом сказал, что я буду служить в полку, которым командует Лещинин.

Мне было всё равно, где служить. Я довольно смутно представляла себе, что меня ожидает впереди. Но я была очень рада, что снова в Сталинграде.

Меня направили в санчасть. Спать я легла на нарах вместе с ранеными. Я лежала и думала: «Должно быть, дадут мне здесь блиндаж или какой уголок, и опять я буду брить и стричь».

Вскоре меня вызвал к себе командир полка.

— Вы местная? — спросил он.

Я сказала, что да.

— Наши бойцы на «Красном Октябре». Можете туда пробраться?

— Конечно, могу,— вырвалось у меня.

— На первый раз с бойцом пойдёте,— сказал он.

Когда стемнело, мы поднялись вверх по Банному оврагу. Вышли из оврага и поползли по траншее. Я была без оружия. Признаться, мне было жутко. А боец меня всё учил, где надо пригнуться, где прыгнуть в окопчик. Мы пробирались мимо дома Русской деревни, в которой жила моя подруга; потом пролезли через окна какого-то разбитого дома, снова ползли по траншейке и укрылись за какими-то колёсами. Мой спутник полз первым. Я не всегда за ним поспевала. Тогда он начинал ворчать:

— Экая ты неповоротливая. Так будешь ползти, тебя сзади немец возьмет.

А поползу я быстрей, он опять недоволен:

— Ты оглянись, остановись; а то поползёшь за «языком», сама «языком» станешь.

Так мы подползли к «Красному Октябрю». Немцы уже занимали часть завода. В одном из цехов расположился батальон нашего полка, которым командовал Горячев. Цех весь был разбит; часть бойцов находилась наверху, другие же отдыхали в подвале.

Когда мы вошли в цех, бойцы обрадовались. Один даже начал шутить над моим разведчиком:

— Что же это ты с девчонками начинаешь к нам ходить, да наверное еще под-ручку.

— Под-ручку! Вот если ранят кого, тогда она сама отсюда под-ручку выведет,— сказал кто-то.

Мне с непривычки трудно было здесь дышать. Я удивилась, когда разглядела в этом дыму среди бойцов двух девушек. Они оказались нашими сталинградками-добровольцами.

— Ну, как? — спросили они меня.

— Что-то страшно.

— Ты ещё необстрелянный заяц,— засмеялись они.

Немцы были совсем рядом. В минуты затишья они начинали переговариваться с нашими бойцами.

— Рус фрау, давай закурим,— кричали они.

Боец, который привёл меня в цех, взял пакет от командира батальона, и мы пошли обратно.

Когда я вернулась, командир спросил меня: Ну, как, не страшно?

Я засмеялась и сказала: Да нет, и там наши девушки.

— Если хотите, работайте по прежней своей специальности. Если же не боитесь — можете стать разведчицей,— предложил он.

Сходила два раза в разведку, и мне понравилась эта жизнь.

Придёшь — на нары заберёшься; кругом стреляют, а сон крепкий. Отоспишься, а потом снова идёшь на какую-нибудь высотку, узнать — есть ли там немцы.

Ползли мы однажды на такую высотку вдвоём, разведчика убило, а я жива осталась, поставила флажок. Это означало, что на высотке никого нет.

Как-то я возвращаюсь с разведки, смотрю: в разрушенном подвале гражданские живут — Бертникова Александра с матерью. У Александры руку перебило. Обе они опухшие. Стала носить я им хлеб. А однажды вечером мы с врачом Катей пробрались к ним в погреб, и Катя сделала раненой перевязку.

Стала я повсюду лазить — и по водосточным канавам и по трубам. А бывало, возьму и наставлю трупов немецких; они замёрзшие, как куклы, стоят. Немцы начнут бить по трупам, а я в это время отползу в сторону и пробираюсь туда, куда мне надо. Бойцы прозвали меня «шпулькой».

После боев, когда в городе снова мирная жизнь началась, пошла я весной в Банный овраг, разыскала полуразрушенный блиндаж погибшего генерала Гурьева и на память о нём сорвала цветок, который у самого входа в блиндаж рос. Этот цветок я засушила и храню до сих пор. Увидишь его и вспомнишь, как разговаривал командир дивизии Гурьев с командиром полка Лещининым.

— Вася, друг,— кричал он ему в телефонную трубку,— держись за камень. Знай, что это наша земля.

— Шапок мало,— отвечает ему Лещинин. А потом слышу я, как он передает Гурьеву: Двадцать семь метров от воды осталось.

Банька

☆

Е. А. НИКОЛАЕВА

Мужа моего, Николаева, в 1919 году расстреляли белогвардейцы генерала Петровского за то, что он коммунист был. Я видела это всё своими глазами. Казнили его, а потом пустили под лёд в Сарептском затоне, против железнодорожной водокачки.

Рано овдовела я, но всю жизнь жила советами мужа, шла по его пути.

Когда немцы шли на Сталинград, многие люди из Сарепты стали уезжать. Эвакуировались и служащие бани. А я осталась. Куда мне уезжать... Вижу, что баня беспризорная, спрятала тазы, а сама стала вроде сторожа: наблюдала, чтобы ничего не растащили из оборудования и мебели. Когда началась бомбёжка, я тряслась от ужаса, и баня словно тряслась вместе со мной. Вырвало дверь и окна; потом я вместе с Банниковым Дмитрием (старый наш сарепчанин) забила двери, заделала все окна, привела баню в порядок и начала ее топить. Как-то спокойнее на сердце стало, когда снова задымила наша банька. С фронта шли измученные и изнурённые бойцы: всем охота в бане помыться, только и просят об этом.

— Бабуся, где нам найти заведующего баней,— обращались ко мне бойцы.

А я смеюсь и отвечаю: «Я самая».

— Как бы нам помыться?

— А вот там уголь есть, привезите его, и к вечеру будет баня,— говорила я.

Привезут, бывало, раненых купать, человек тридцать. Кто меня мамашей зовёт, кто бабушкой. Только и слышу:

— Бабуся, скорей, скорей! Мамаша! Мамаша!

Сперва я очень боялась крови, ну, а потом чего ж бояться, когда помогать надо. Всех раненых сама стала купать. Вымою, помогу одеться. Пришивала им пуговицы, чинила бельё, штопала носки. Кто из молодых был стеснительный — не давал себя одеть или раздеть; но я их быстро уговаривала: «Не стесняйтесь, родные, я вам одним мать, другим — бабушка». Боялась я, что раненые после бани простынут,— по-

просила я бойцов, чтобы помогли они мне в здании бывшей церкви поставить печь. Получилась комнатка тёплая, где и отдохнуть можно было и обогреться.

Стала наша сарептская баня знаменита на всем фронте. Тогда попечение над баней взяли воинские части. Но я бани не оставила, и меня бы не отпустили. Дали мне помощников. Все они стали у меня жить. Начальство на меня надеялось. А я продолжала свой труд, попрежнему мыла бойцов. И готовила, и штопала, и чинила, и латала. А сама всегда думала: «Эх, если бы у меня был магазин, я бы всех, как родных, обула и одела». А бойцы чувствительные, словно знали все мои думы. Все говорили мне: «Бабуся, труд ваш не пройдёт даром. А если только немец подойдёт к станции, мы вас не оставим, заберём с собой».

Вот только спорила я с ними — вымоются бойцы, чистые все, накупанные, сядут около бани, уходить никому не хочется, а в это время самолёты к станции летят. Раз народ у помещения — сразу баню обнаружат. Я тогда кричала им, чтобы быстрей от бани отошли, иначе и сами погибнете, и баня пропадёт.

В ДНИ НАСТУПЛЕНИЯ

Накануне

☆

Д. М. ПИГАЛЕВ

Когда немцы заняли центральный, Ерманский район Сталинграда, политический и административный центр города переместился в южный, Кировский район. Это произошло не сразу, так как к моменту эвакуации городских учреждений немцы уже вклинились между Ерманским и Кировским районами и вышли здесь к Волге. Пришлось перебраться за Волгу, а оттуда уже возвратиться в Сталинград — в его южную часть, где линия фронта остановилась на гряде холмов, прикрывающих город с запада.

Первое время после эвакуации Ерманского района трудно было сказать, где помещается горком партии или горсовет. Обстановка осады вынуждала нас действовать большей частью на ходу — решать вопросы там, где они возникали: на продолжавших работать предприятиях южного района, на волжской переправе и острове Сарпинка, эвакуируя не занятое на работе население этой части города, и в штабах тех воинских частей, для которых наши мельницы мололи зерно, хлебозавод выпекал хлеб, а заводские цеха ремонтировали танки, автомашины, оружие, изготовляли окопные печки и прочее. Но вскоре жизнь в не занятой немцами части города стала входить во фронтовую колею. К началу ноября горком партии и горсовет, кроме своей резервной базы, остававшейся на левом берегу, в Красной Слободе, имели уже постоянное место в самом городе — небольшую комнату в подвале одного недостроенного цеха Судоверфи. В этой комнате жили секре-

тарь райкома товарищ Пиксин и я, председатель горсовета. Здесь же мы работали, принимали посетителей.

Из всех вопросов, которыми тогда занимался горсовет, самым трудным, пожалуй, была эвакуация населения, оставшегося в Кировском районе и на острове Сарпинка. На наши убедительные доводы о необходимости выехать за Волгу женщины отвечали не менее убедительно:

— Раньше не выехали, а теперь чего выезжать, когда осада кончается?

Откровенно говоря, мы и сами занимались эвакуацией уже не очень охотно, думали, что вот-вот надобность в ней отпадёт. Командование тоже настаивало на эвакуации недостаточно решительно. Вероятно, потому, что не только рабочие, оставшиеся на своих заводах, но и любая домохозяйка чем-нибудь да помогала соседней воинской части; а отчасти, конечно, и потому, что положение на фронте было уже, действительно, совсем не то, что в сентябре и октябре.

Впервые мы ясно почувствовали это перед торжественным заседанием, посвящённым 25-й годовщине Великой Октябрьской революции.

Так как помещение, выбранное для торжественного заседания,— столовая судоверфи — находилось всего в двух-трёх километрах от линии фронта, мы решили широко не оповещать о нём: учли опыт проходившего незадолго до этого пленума партии. Пригласительные билеты вручались приглашаемым. Мы развозили их накануне заседания по всем районам города. В северные районы, отрезанные от нас противником, приглашения доставлялись через Волгу, из Красной Слободы, где они печатались. Мне пришлось отвозить приглашение генералу Толбухину в посёлок Татьянку у мачтового завода — крайний южный пункт Сталинграда.

С Толбухиным я часто встречался в те дни по разным городским делам, которые тогда все были неразрывно связаны с делами фронта. Встречались мы с ним и до осады, когда он был в Сталинграде начальником гарнизона и когда нам, сталинградцам, считавшим, что они хорошо знают своего генерала, и в голову не могло притти, что этого плечистого, очень скромного человека, производившего на нас впечатление штабного работника, труженика, ожидает славное полководческое будущее.

Меня не сразу пропустили в блиндаж командующего, помещавшийся у Волги под горой. У Толбухина происходило какое-то совещание. На лавочках перед блиндажом сидело много командиров, чего-то ожидавших. Большинство их знало меня; и как только мы разговорились, я почув-

ствовал резкую перемену, происшедшую в настроении военных за последние дни. Внешне на фронте всё ещё оставалось как будто по-старому, но выражение лиц военных и тон их разговора были уже совсем другие. Суровую напряжённость сменили приподнятость, оживлённость; во взглядах появились огоньки задора. Особенно поразила меня перемена, происшедшая в одном хорошо знакомом генерале. Когда совещание у командующего закончилось, этот генерал, член Военного Совета, вышел из блиндажа какой-то танцующей походкой. Не помню уже о чём он со мной говорил, но мне совершенно ясно было, что говорит он совсем не о том, о чём думает. А думы у него были очень весёлые, так как, прохаживаясь со мной, он чуть не подпрыгивал. Вдруг ни с того ни с сего, как будто сам себе, сказал:

— А Толбухин все-таки первый поставит флаг на вокзале.

О том, что готовится наше наступление, я ещё не знал и предполагать этого не мог; никаких признаков сосредоточения войск в Сталинграде не было заметно. Правда, у южной окраины города на правый берег переправлялись отдельные воинские части и артиллерии на фронте стало значительно больше, но мы, сталинградцы, думали, что это просто усиливается оборона города. Неожиданно вырвавшиеся у генерала слова остались для меня загадкой. Тем более, что я решительно не понимал, как может Толбухин первым поставить флаг на вокзале, когда он был от вокзала гораздо дальше, чем другие, не говоря уже о Чуйкове, державшем с своим войском оборону в нескольких стах метрах от вокзала. На мой недоуменный вопрос генерал ответил шуткой, из которой я заключил, что сегодня он просто в очень весёлом настроении и фантазирует.

Однако по всему чувствовалось, что на фронте все-таки что-то готовится. На эту мысль настраивало и то, что, против обыкновения, мне пришлось довольно долго ожидать приёма у Толбухина. Совещание окончилось, а он всё еще не принимал меня. И когда, наконец, принял, я полушутя полусерьёзно спросил его:

— Ну что, разрабатываете план?

Толбухин улыбнулся и перевёл разговор на другую тему. Выведать что-нибудь у такого генерала, как Толбухин, конечно, нечего было и думать. Но он охотно вспоминал прошлое; и как только мы заговорили об одной из прежних своих встреч, я понял, что и командующий тоже считает, что самое тяжёлое уже позади. А при известной нам осторожности Толбухина в выводах это уже было много.

Я вернулся из штаба в полной уверенности, что немцы дальше не пройдут, и с предчувствием каких-то больших событий, которые должны резко изменить положение на фронте. Эта уверенность, передававшаяся от военных к гражданским, быстро охватывала всех сталинградцев. Характерно, что уже в эти дни мы приняли в городском комитете партии решение о подвозе продовольствия в ближайшие к городу пункты с тем, чтобы как только начнётся наступление, быстро перебросить созданные запасы в освобождаемые районы города.

С хорошим праздничным чувством собирался народ на торжественное заседание 5 ноября. А обстановка, в которой оно происходило, была ещё далеко не праздничной. Приглашенные начали съезжаться после наступления темноты, чтобы движение не было замечено наблюдателями противника. Из северных районов города и Заволжья люди приезжали на лодках и катерах, с юга — на машинах. Все являлись прямо со своих боевых постов — окопов, блиндажей, подземных цехов, с военных кораблей и судов волжской переправы. Ночь была очень тёмная. Рабочие судоверфи встречали приезжающих и провожали их в непроглядной тьме через груды железного хлама в помещение столовой, которую украшали только боевые знамёна.

Собралось человек двести с лишним — больше, чем имелось мест; так что некоторым пришлось стоять. Незабываемое впечатление оставляла эта масса людей, среди которых трудно было отличить военных от гражданских. Одеты были люди по-разному, пестро — кто в шинели, кто в полушубке, кто в фуфайке; но все при оружии. Не было ни одного сталинградца без автомата, гранат или кобуры с пистолетом. В массе собравшихся армия и народ сливались в одно целое. Плечом к плечу стояло два поколения — отцы, ветераны обороны Царицына в 1918 году, второй раз защищавшие город, и сыновья, защищавшие завоевание отцов. Рядом с потомственными волгарями — капитанами, грузчиками, лесопильщиками, деревообделочниками, старожилами бывшего Царицына — представители молодого Сталинграда, съехавшиеся на сталинградские стройки в первую пятилетку со всех уголков страны.

Заседание продолжалось недолго, около часа. Оно проходило ещё под оборонительными лозунгами «Стоять насмерть!», «Ни шагу назад!», но если раньше эти лозунги звучали тревожно, то сейчас они произносились спокойно, уверенно. Чувствовалось, что люди, которые клянутся выстоять, уже выстояли перед самой страшной опасностью и сами знают это.

Ряды защитников пополняются новыми солдатами

Никто не говорил о том, что близок час наступления; но это подразумевалось само собой и в докладе, и в принятом на заседании обращении к защитникам Сталинграда, и в приветствии товарищу Сталину. Даже то, что не всё приглашенное военное начальство прибыло на заседание, в том числе и Толбухин, было молчаливо понято нами так: конечно, они готовят сейчас на фронте большие дела.

Нетрудно представить, какую радость доставили нам слова товарища Сталина о том, что скоро и на нашей улице будет праздник. Мы услышали их по радио на другой день после своего торжественного заседания. Казалось, что товарищ Сталин прочёл наши мысли и отвечает нам, сталинградцам; подтверждает, что мы правы в предчувствии наступления.

Проходили дни, но никаких признаков подготовки большого наступления в Сталинграде попрежнему не было заметно. Мы уже думали, что,

вероятно, главный удар противнику будет нанесён не на сталинградском, а на каком-нибудь совсем другом участке фронта. И когда все-таки наступление началось под Сталинградом, это было для нас неожиданностью, несмотря на то, что мы давно его ждали.

О наступлении мы узнали днём 19 ноября. В этот день я поехал с секретарём горкома партии на левый берег, в штаб фронта к товарищу Чуянову, чтобы окончательно разрешить вопрос об эвакуации. Официально эвакуация еще не была отменена, но она сама по себе уже замерла. На Волге появилось сало, начинался ледоход — трудно было перебрасывать народ на левый берег, да и казалось, что это уже не к чему.

Только мы вошли в блиндаж члена Военного Совета и стали излагать ему свои доводы, как раздался телефонный звонок. Разговаривая по телефону, товарищ Чуянов лукаво поглядывал на нас. Положив трубку, он улыбнулся и сказал:

— Кстати приехали. Звонил товарищ Хрущев; предупреждает, чтобы к завтрашнему дню готовились создавать органы советской власти в освобождённых районах. Подбирайте людей и сегодня же ночью посылайте в Светлый Яр.

Об эвакуации говорить больше нечего было. Узнав, что на севере от Сталинграда наступление уже началось, мы с Пиксиным почти выбежали из блиндажа, торопясь вернуться к себе на правый берег. На другой день утром загремела канонада к югу от Сталинграда — пошёл в наступление Толбухин.

Я вспомнил, конечно, удивившие меня слова знакомого генерала о том, что войска Толбухина первые выйдут к вокзалу. Но Толбухин наступал на запад, уходил от вокзала всё дальше и дальше, что видно было по тем пунктам, в которые мы посылали советских и партийных работников.

Сначала нам трудно было представить всю грандиозность замысла товарища Сталина, а потом поразила точность, с какой этот замысел выполнялся: ведь Толбухин все-таки действительно вышел к вокзалу, хотя и совсем не с той стороны, с какой я думал.

Рейс с баржей

☆

К. ЕМЕЛЬЯНОВ

В первых числах ноября к небольшому домику в Тумаке, где размещалась оперативная группа пароходства и технического участка пути, подъехала легковая машина. Это приехал к нам подполковник Ткаченко. Он собрал нас всех и сказал:

— Товарищи речники! Вы уже неплохо поработали, но теперь этого недостаточно. К нам предъявлены большие требования. Нужно перевозить еще больше людей и боеприпасов.

Товарищ Ткаченко остался в Тумаке. Он организовывал работу флота на переправах... Небольшие баркасы «Спартаковец», «Пугачёв», № 2 и «Эрик» всё время находились в плавании. 18 ноября мы поставили рекорд по подвозке боеприпасов, продовольствия и бойцов в Сталинград. Товарищ Ткаченко был доволен. Он благодарил нас от имени командования.

— Товарищ Ткаченко! А этот рекорд можно перекрыть,— сказал я ему.

— Каким образом? Ведь флота у вас больше нет? И получить нам его неоткуда.

— В Куропатке имеется брошенная металлическая баржа. В мирное время нам никто не позволил бы возить грузы на такой барже, а теперь надо попробовать. Дайте только приказание, чтобы баржу доставили в Тумак,— сказал я.

Ткаченко сразу же со мной согласился.

В корпусе баржи оказалось много пробоин. Немцы ещё в августе бомбили её. Рулевое управление и рубка сгорели. Но, несмотря на это, баржу ещё можно было использовать. В мое распоряжение было передано сто сапёров. За несколько часов на барже были заделаны пробоины, восстановлено рулевое управление, заменены подшипники, исправлена цепь.

Вести баржу было поручено мне.

20 ноября я поставил её под погрузку. Грузились ящики с боеприпасами, орудия, продовольствие; кроме того, мы должны были взять с собой людей.

В доме, где работал Ткаченко, стояла очередь из полковников и генералов. Каждый из них доказывал, что ему необходимо именно сегодня во что бы то ни стало быть в Сталинграде. Желающих попасть на баржу оказалось столько, что возле неё пришлось поставить заградотряд. Однако некоторые особенно прыткие прорвались все-таки. Они с разбега прыгали в баржу.

Было решено взять с собой не больше шестисот человек. Я боялся посадить баржу на мель.

У Сталинграда острова разделяют Волгу на два рукава. Правый рукав — это коренная, глубокая Волга, левый же рукав — воложка, Куропатка. Обычно эта воложка судоходна только в период весеннего половодья. В конце июля движение по ней уже закрывалось. До войны выдвигался проект перекрыть Куропатку, чтобы коренная Волга не ушла в неё. Хорошо, что этот проект не был осуществлён. В дни обороны Сталинграда Куропатка очень пригодилась. По основному руслу плавать было нельзя. Куропатка стала основной дорогой. И так как в то лето обильно шли дожди, воды в воложке было много. До ноября по воложке проходили большие пароходы, но в ноябре она начала мелеть. Надо было всё время получать сведения о горизонтах и глубинах; иначе можно было посадить судно на мель в зоне обстрела противника.

На Волге уже шёл лёд, громоздились льдины, возможны были и заторы; но лёд шёл только у правого, высокого берега, у луговой стороны его не было. Я рассчитывал воспользоваться этим, пройти Куропатку вдоль лугового берега, подняться к району «Красного Октября» и здесь уж пересечь Волгу.

Проводя совещание с командой, я рассказал, какое значение имеет эта операция, и предупредил кочегаров, чтобы они во время прохода опасной зоны, особенно на том участке пути, где Куропатка впадает в Волгу, там где мы будем под самым носом у немцев, старались не дымить и прочистили бы трубы, чтобы не летели искры.

Мы отвалили в 6 часов вечера. Баржу буксировал баркас № 2.

В 10 часов вечера, в районе Голодного острова, ко мне в каюту вошёл механик и доложил, что насос не качает, итти дальше нельзя. Требуется остановка для ремонта машины.

Дорога была каждая минута. Мы должны были провести весь рейс в темноте. Механик сказал, что ему для ремонта потребуется не больше тридцати минут. Мы пристали к берегу. Оказалось, что в мазутный насос попала тряпка; поэтому топливо в машину не подавалось.

Водники доставляют вооружение и боеприпасы защитникам Сталинграда

Только двинулись дальше по курсу, как опять остановка. Мы на мели. И баркас, и баржа. Капитан баркаса давал команду и «вперёд» и «назад», но баркас с мели не сходил. Тогда мы решили обратиться к испытанной русской «Дубинушке». Всех людей с баркаса пересадили на баржу и так всем народом дернули, что баркас сошёл с мели, а потом уж баркасом сняли и баржу.

Часов в одиннадцать вечера подул северный ветер и изменил ледоход на Волге. Ветром стало гнать лёд в воложку, и выход из неё сильно забило льдом. Со своим баркасом, не приспособленным к ледовым условиям, мы не могли пробиться из Куропатки в Волгу. Льдом нас стало нести обратно, вниз по течению. Мимо нас шёл баркас «Пугачёв». Я просил оказать нам помощь. «Пугачёв» подошёл, взял нас на буксир; мы пошли двойной тягой. Казалось, что теперь уже пробьёмся. Но на самом выходе у «Пугачёва» лопнул буксир, а нас по течению понесло обратно в район Культбазы.

Проходивший мимо буксир «Спартаковец» также хотел оказать нам помощь. Он взял нас, и мы пошли вперёд. Цель была уже совсем близка. Мы уже выходили из Куропатки, вся команда была в восторге; но в это время «Спартаковец» по радио получил команду — повернуть обратно.

Время приближалось к утру. Было приказано и нашу баржу вернуть обратно на Тумак.

Все усилия этой ночи оказались напрасными. Тяжело было возвращаться, не выполнив задания, тем более что мимо нас проносились бронекатера Волжской флотилии, возвращавшиеся на свои базы после выполнения боевых заданий.

В те дни части генерал-майора Горохова, которые дрались в районе Тракторного завода, были окружены с трёх сторон немцами. С четвёртой стороны была вода. Отважные бойцы отражали натиск немцев, получая подкрепление и боеприпасы исключительно по Волге. Бронекатера и лёгкие речные баркасы шли из Тумака. Были случаи, когда немцы забрасывали проходившие у берега катера ручными гранатами. После каждого рейса катера возвращались с десятками пробоин. Их быстро ремонтировали, и в следующую ночь они опять уходили на новые задания. Иной раз военные речники шли на явную смерть, и все-таки перед уходом в рейс они плясали и пели песни. Их боевой дух передавался всем волгарям.

В ночь на 20 ноября нам не удалось провести баржу. Но всё же та ночь не прошла даром. Я успел тогда заметить огневые точки противника и установить, что немцы топят наш флот в районе устья Царицы, стреляя из батарей, установленных у памятника Хользунова.

Нам было разрешено повторить операцию 22 ноября.

Перед тем как вновь отправиться в рейс, я разработал для радистов новый код. Раньше для разговоров по радио у нас были засекречены только названия баркасов. Баркас «Гетман», например, называли «Грушей». Но противник ежедневно слышал в эфире «Выхожу из Куропатки», и ему было всё равно, выходила ли из Куропатки «Груша» или «Слива». Немцы открывали огонь и топили наш флот у выхода из Куропатки.

При разработке нового кода мне пришло в голову использовать действия наших сталинградских партизан в тылу немцев. Все суда получили партизанские клички. Если командующему нужно было спросить, где кто находится, он спрашивал: «Где ползёт Ефим». Вместо «следуйте

вперёд», говорили «желаю успеха, ползите». Высылая на помощь бронекатер, командующий сообщал: «Шлю подкрепление Бориса Константиновича».

Ответы с судна были зашифрованы так: всё обстоит благополучно — «ползём вдоль Царицы», сильный ледоход — «ползти грязно», итти невозможно — «грязь выше колен», судно гибнет — «смертельно ранен партизан такой-то».

Когда заместитель командующего утвердил этот код, началось инструктирование и тренировка всех радистов флота.

Мы учли также, что если в эфире вдруг пропадут наши «Груши» и «Сливы», а появятся какие-то партизаны, то враг может понять, в чём дело. Поэтому всем радистам приказано было через каждые полчаса передавать по старому коду ложные сообщения.

В 6 часов вечера 22 ноября снова началась посадка людей на нашу баржу. Так как ледовая обстановка усложнилась, на этот раз нам дали, кроме баркаса № 2, ещё старый путейский баркас «Эрик», имевший сильный мотор.

Баркас № 2 попрежнему вёл на буксире баржу, а баркас «Эрик» шёл впереди, промеряя глубины и пробивая лёд.

Ночь была тёмная, тихая.

В районе Голодного острова я должен был сообщить по новому коду, где мы находимся. Я вызвал по радио «Батю» — командующего и доложил ему, что говорит командир партизанского отряда Емельянов, что в районе «Бани» мы нашли немецкий дзот; немцы отсюда удрали, впопыхах забыв гармонь. Для большей убедительности сидевший рядом со мной в каюте боец стал играть на баяне.

Выйдя на палубу, я увидел ракеты, взвивавшиеся над долиной речки Царицы. Повидимому, немцы, поймав наш разговор, усиленно искали вокруг себя партизан. Пока шедшие впереди нас бронекатера проходили опасную зону, с берега не раздалось ни одного выстрела. Но когда из Куропатки стала выходить наша баржа, появилась луна и немцы нас заметили — открыли огонь из минометов.

Для успокоения пассажиров я пригласил на палубу баяниста. Он сыграл партизанскую, а потом «Вниз по матушке по Волге». Опасная зона была пройдена хотя и под обстрелом, но благополучно. Мы подходили к району «Красного Октября». Надо было высаживать бойцов, выгружать орудия и боеприпасы. Но лёд у берега был ещё тонок. Я боялся, что при высадке начнётся толкотня и лёд проломится.

Как раз в это время передавалось по радио сообщение об успешном наступлении Красной Армии в районе Сталинграда. Волнуясь, я наспех записал эту сводку. С этим листком бумаги в руках я забрался на крышу кухни баржи и поднёс ко рту рупор:

— Товарищи! Получено сообщение Совинформбюро об окружении немцев под Сталинградом!

Услышав в ответ радостный гул, я сказал:

— Это хорошо, что вы спешите, но не спешите прыгать на лёд. Подождите, пока будут положены доски.

С берега нам уже мигали огоньком, указывавшим, где надо пристать.

В темноте раздавались нетерпеливые голоса: «Прибыл ли такой-то? Есть ли пополнение в бригаду?»

Мы причалили между «Красным Октябрём» и Нефтесиндикатом к крутому берегу, который был усеян блиндажами, как ласточкиными гнёздами.

В обратный рейс мы должны были захватить с собой раненых; их выносили из блиндажей закутанными в тёплые стеганые одеяла.

Я зашёл в блиндаж-перевязочную. Этот бревенчатый домик, врытый в землю, освещался фронтовой коптилкой «молния». Я решил и тут прочесть только что принятое мною сообщение Совинформбюро об окружении немцев под Сталинградом. Никогда не забыть, какую радость принесла эта весть раненым. Все подзывали меня к себе:

— Давай сюда, морячок!

А тяжело раненный, которому делали перевязку, просияв, сказал:

— Ой, хорошо!

Я вышел из перевязочной и пошёл по ходам сообщения. Мимо бегом проносились бойцы. Я остановил одного и спросил:

— Где здесь передовая, где немцы?

— А это что ж по-твоему? — изумился он.— Там впереди железная дорога, за нею немцы.— А потом вдруг сказал уже другим, радостным голосом: — Обожди вот, скоро передовая далеко от Волги будет.

Ледяной мост

☆

В. И. ФОМИН

На левом берегу, напротив нашего завода, скапливалось большое количество машин, танков и разной боевой техники, ожидавшей переправы. Надвигалась зима, на Волге с верховьев уже непрерывно плыл то мелкий битый лёд, то крупные ледяные поля. Работа переправ очень усложнилась. Буксиры, попадая в полосы ледохода, обламывали об лёд плицы колёс, баржи сносило течением, срезало льдом. Ждать ледостава было нельзя. Готовящийся к наступлению фронт требовал усиленного питания.

В эти дни на заводе группа рабочих и инженеров, ранее работавших на судостроении, взялась сделать колёса буксирных пароходов более крепкими и обшить борта буксиров металлическими полосами. Это предложение было одобрено на заседании партийного комитета и принято Военным Советом фронта. Принято было и второе предложение этой же группы: использовать для переправы через Волгу в условиях ледохода большую металлическую баржу, стоявшую недостроенной на стапелях завода.

Бригады, поставленные на доделку баржи, работали круглые сутки. Работа происходила под открытым небом, на виду у противника. Днём судно сваривалось снаружи, ночью внутри — при очень тщательной маскировке. Когда немецкие воздушные разведчики все-таки заметили баржу, почти всё уже было сделано, подготавливалось лебёдочное хозяйство. Чтобы спасти судно, надо было немедленно спускать его на воду. Вопреки вековым правилам, не допускавшим возможности спуска судна на воду в ночное время, нам приходилось делать это ночью, в абсолютной темноте. Немцы были совершенно уверены, что ночью баржа не уплывёт от них; тем более что днём они вывели из строя подстанцию и этим лишили нас возможности пользоваться током Сталгрэса. Без электроэнергии спуск баржи на воду был немыслим, но бригаде электротехников удалось быстро восстановить подачу тока, и это обеспечило нам победу. Судно за ночь было выведено из затона и укрыто от немецких лётчиков.

Потом, бывая в районе Светлого Яра, я не раз наблюдал с чувством большой гордости за наш коллектив, как на палубу этой огромной баржи, вплотную причаленной к левому берегу Волги, танкисты заводили десятки

Поток грузов двинулся через Волгу

машин, идущих своим ходом. Наша баржа принимала на себя столько груза, сколько могут поднять два товарных поезда.

Но при колоссальных масштабах готовящегося наступления этого было мало. К тому же температура воздуха быстро падала; со дня на день надо было ожидать полного ледостава, при котором требовались другие средства переправы.

Не рассчитывая на то, что лёд выдержит тяжесть танков и нагруженных боеприпасами машин, инженерные войска фронта разработали проект моста-переправы. Нужно было выложить по льду крепкий деревянный настил, а прежде всего заготовить для него большое количество деревянных конструкций и крепёжных материалов. Изготовление конструкций было поручено нашим рабочим.

Оборудование лесопильного цеха к тому времени было уже снято, паросиловая станция демонтирована. Начальник цеха Кузнецов, вызванный ночью командованием, получил задание:

— В трёхдневный срок подготовить цех к работе на полную нагрузку.

Собрав нужных ему людей, товарищ Кузнецов предупредил их, что, пока цех не будет пущен, придётся работать без отдыха. Надо было установить оборудование, заново смонтировать паровую машину. Механик цеха Мисюра в это время лежал больной. Думали, что придётся обойтись без него, но, узнав о срочном задании фронта, товарищ Мисюра сам пришёл в цех. Вместе со всеми он проработал, не выходя из цеха, 40 часов.

Задание фронта было выполнено на 32 часа раньше указанного срока.

На глазах у немцев из дымовой трубы цеха повалил дым. Несколько суток ни на минуту не прекращалась работа по изготовлению конструкций для ледяного моста и всё это время у лесопилки шёл бой наших зенитчиков с немецкими лётчиками, пытавшимися разбомбить оживший цех. Защита была хорошая. Немцы не сумели сбросить на цех ни одной бомбы; все они падали в стороне.

В эти дни на заводе подошли к концу запасы продуктов. Получить их можно было только с заволжской базы, но на Волге начался сплошной ледоход и переправа прекратила работу: буксирные пароходы не могли уже пробиться сквозь лёд. Пришлось сначала сократить суточную норму питания, а потом пойти на крайнюю меру — собрать по бригадам авральные запасы продовольствия и расходовать их. То, что мы собрали, обеспечивало нас на один-два дня. Ясно было, что нам не дотянуть до ледостава, когда на Волге начнёт работать зимняя переправа.

Голодовка угрожала коллективу завода как раз в тот момент, когда он напрягал все силы для выполнения срочного заказа фронта. Решено было попытаться перебросить продовольствие через Волгу на вёсельном баркасе. С большим трудом нам удалось связаться с товарищем Кузнецовым, который в это время находился за Волгой, работал на переправе. Он ответил, что будет сделано. Мы стали ждать, надеясь, что ледоход уменьшится и баркас не затрёт льдом. Но старые волгари сомневались, найдётся ли смельчак, который решится сейчас выйти в Волгу.

На другой день на Волге была та же картина — сплошной ледоход! Мы уже потеряли всякую надежду, решили, что придётся голодать в ожидании лучших дней. И вдруг разнеслась весть:

«С левого берега отчалил баркас!»

На дамбе собралась толпа рабочих. У того берега видна была большая лодка. Лавируя между льдин, она шла к нам на вёслах. Затаив дыхание, мы следили за ней, как за акробатом в цирке. Моментами казалось, что сейчас вот эту лодку, пробирающуюся между двух крутящихся в водовороте льдин, раздавит в щепки; но нет, выскользнув из-под удара льдины, она стремительно летела в следующее разводье. Опять её настигает ещё более страшная глыба льда, и опять лодка ловко уклоняется от удара и проскальзывает дальше в разводье. На середине реки, где трудно справиться с течением и без таких помех, как эти льдины, лодку закружило. Мы думали, что теперь все кончено; сейчас на наших глазах смельчак погибнет. Я невольно закрыл глаза. Когда я открыл их, мне показалось,

что вижу сон: мгновение назад беспомощно кружившаяся лодка быстро шла к нам, лавируя между льдин.

Наконец, мы узнали человека, сидевшего на вёслах. Это был сам Кузнецов.

— Ну, вот, привёз вам крупу и сахар,— сказал он.

Через несколько дней на Волге установился ледостав. Деревянные конструкции, заготовленные нашим лесопильным цехом, были уложены на лёд, и поток грузов, ожидавших переправы, двинулся через Волгу. Страна посылала фронту всё, что требовалось для разгрома врага, и мы вправе были гордиться тем, что в какой-то мере помогли продвинуть к фронту эти многотысячные колонны машин.

На главном направлении

☆

А. М. ИВАНОВ

Четверо нас, партизан, было прикреплено к бригаде моряков: я с сыном, и Палагушкин Михаил Федорович с сыном. В конце сентября нас перебросили с реки Царицы в район завода «Красный Октябрь» на главное направление. Здесь в октябре начались жестокие бои. Немцы бомбили моряков с утра до ночи, гарь разносилась от Волги до Мамаева кургана. Вскоре Михаила Федоровича ранило при подноске боеприпасов, и он отбыл в госпиталь за Волгу, в город Ленинск; а сына его, Юрия, взяли в штаб связным. Остались мы с Витей одни при моряках сводного батальона капитана Немцева, державшего оборону у больницы имени Ильича.

Мы занимались разведкой. На несколько дней уходили в тыл немцев. Ночью пробирались оврагами, а днём маскировались в разрушенных домиках или сарайчиках; а то просто в ямах под железным хламом сидели, и Витя наносил на схемку расположение немецких огневых точек. Бывало, мы слышали, как немцы над нами ходят, железом тарахтят, чуть нам на головы не наступают.

Штаб нашего батальона помещался тогда под лестницей полуразрушенной больницы, а немцы были возле парашютной вышки.

Сталинградские партизаны в разведке перед наступлением советских войск

Немецкие танки подходили к самому штабу, били из пушек по коридору больницы, а мы бросали в них бутылки с горючей жидкостью. Танки уходили все в дыму. После отражения танковой атаки, когда был убит командир батальона капитан Немцев, ударил шестиствольный миномёт, разрушил стенку, и она привалила нас с Витей. Мы были отправлены на лечение за Волгу, в посёлок Рыбачий. От сводного батальона осталось десятка полтора моряков, но в ноябре прибыло пополнение, и наша бригада была снова переправлена в Сталинград в составе четырёх батальонов, на бронекатерах и баржах.

Мы с Витей прикрепились к 4-му батальону майора Минькова, занявшего оборону в районе Мясокомбината и Метизного завода, под Мамаевым курганом. Немцы на самой высоте сидели — у водоёма, питающего городской водопровод, и по всему длинному гребню, почти от Банного оврага до оврага Нефтесиндиката — а мы внизу. Нас отделяло от них полотно железной дороги. Тут самое сильное кровопролитие происходило. Весь склон Мамаева кургана сплошь был завален немецкими трупами, а наверху по вечерам немцы все-таки ещё на губных гармошках играли.

Дадут залп из всех видов оружия, поужинают и начинают по всему кургану играть на гармошках. Мы как раз в это время всегда на разведку выходили. Положишь себе на спину убитого немца и ползёшь наверх. Витя ря-

дом ползёт, а если немцы заметят нас сверху и откроют огонь, мы расползаемся в стороны друг от друга. Один постреляет немного, чтобы привлечь на себя внимание, и замолкнет. Немцы подумают, что убит, и тоже затихнут.

Бывало, что по нескольку суток приходилось лежать под замёрзшими трупами и питаться тем, что находили в сумках убитых.

Это было перед нашим наступлением. Нужно было выявить немецкие минные поля, огневые точки и пути подхода, чтобы батальон мог произвести манёвр и зайти немцам сбоку. Немцы ждали лобовой атаки из-за полотна железной дороги, но их обманули. Майор Миньков за полотном расположил только несколько автоматчиков, а батальон повёл на штурм в обход.

После взятия Мамаева кургана, когда красный флаг был водружён на самой высоте, у водоёма, капитан Шальман перетянул нас с Витей к себе, в 1-й батальон, наступавший по Банному оврагу. В этом овраге были и наши блиндажи и немецкие; случалось, что здесь наши разведчики сталкивались с немцами нос к носу.

Один раз мы пошли в разведку по левому отростку оврага к железной дороге Сталинград—Москва, просидели два дня во рву возле немецких орудий, а когда возвращались назад, натолкнулись в темноте на пулемётчика; прямо на него наползли. Он в это время закуривал, согнувшись у пулемёта. Огромного роста был. У меня хоть и медвежья хватка, а все-таки я подумал, что этот верзила подомнёт. Но он сразу поднял руки.— Хорват,— говорит и показывает, что сам пойдёт с нами, добровольно. Мы ему поверили. Он пополз впереди нас так быстро, что мы едва поспевали за ним.

Его звали Нико. Мобилизованный немцами хорват. Он остался у нас в батальоне.

Из Банного оврага батальон пошёл на освобождение рабочего посёлка завода «Красный Октябрь». Первым был взят домик, сделанный из самана, крайний к железной дороге, у отростка оврага. Немцы предприняли несколько контратак, но были отбиты. Ожидался жестокий бой. Комбат послал нас в тыл немцев, на Моховую и Карусельную улицы — выявить огневые точки. На обратном пути мы встретили возле одного блиндажа плачущую женщину и узнали от неё, что оставшиеся в посёлке жители умирают от голода. Женщина плакала, что немцы отняли у неё кусок конины, который она вырезала из убитой лошади и сварила, чтобы накормить сына.

— Живут рядом, вот и повадились ходить,— сказала она про немцев.

Мы заинтересовались, спросили:

— А где они живут?

В цехах заводов шли упорные бои

— А вон,— говорит,— стекло блестит.

Поблагодарив за ценные для нас сведения, мы распрощались с этой женщиной. Стекло, на которое она указала, блестело рядом, в глубоком подвале. Мы швырнули туда несколько гранат и, убедившись, что от немцев осталось только крошево, заторопились. Но по пути нас опять остановил плач. На этот раз плакали дети.

У обгоревшего домика, прижавшись друг к другу, стояло четверо ребят. Старшей была девочка лет семи. Я спросил её:

— А где мать?

— Немцы убили,— ответила она.

— А папа?

— Его ещё раньше увели.

Жаль было детей, они есть просили; и мы решили взять их с собой, хотя надо было ползти с щупом через заминированное поле. Самого маленького я посадил себе на спину и пополз вперёд, проверяя щупом дорогу, а за мной ползли остальные дети, один за другим, гуськом. Витя охранял нас сзади. Чтобы маленький не заплакал, я посулил ему конфетку, и он всю дорогу тихонечко лежал на моей спине. А старшие даже сами маскировались, закидывали себя снегом.

Много я пережил, пока полз с этими детьми, лавировал с ними между минами. Мы благополучно добрались до тоннеля в железнодорожной насыпи через Банный овраг. В санчасти детей искупали, надели на них красноармейские нательные рубахи. Рукава пришлось обрезать. Мы спрашивали этих сироток:

— А вы не боялись ползти с нами?

Старшая девочка ответила:

— Мы теперь ничего не боимся.

После этого я не мог пропустить ни одного фашиста. Возвращаешься с разведки, видишь немца — подкрадешься, прыгнешь и навалишься на него, как медведь. Комбат мне даже замечание сделал:

— Уж очень вы, батя, рискуете.

А Витя говорил про меня:

— Он такой угрюмый стал, что мне самому с ним страшно.

В январе, когда посёлок «Красного Октября» был полностью освобождён, мы с сыном вернулись в 4-й батальон, к майору Минькову. Этот батальон был брошен на уничтожение северной немецкой группировки, к заводу «Баррикады». Двадцать седьмого вечером мы подошли метров на сто к цеху, в котором сидели немцы и вели пулемётный огонь. Подход был

трудный, но по команде «вперёд» первая группа выскочила из оврага, стала перебегать из воронки в воронку, ворвалась в цех через пролом и открыла гранатный бой. Темно уже было, в цеху ничего не видно. Под ногами какие-то обломки, трупы. Нащупаешь станок, пустишь ракету и смотришь, где немец; а он стоит за станком с гранатой в руке и тоже высматривает тебя. Одного немца я заметил, когда он мне в грудь автоматом упёрся. Я ударил его по локтю. Автомат у немца вылетел; я схватил его за горло, а Витя, не отходивший от меня, нож в него всадил.

За ночь цех несколько раз переходил из рук в руки. Дрались гранатами, автоматами, ножами, кирпичами, даже кулаками, как при Александре Невском.

Утром немцы стали окружать цех. Комбат Миньков послал меня с донесением в штаб. Туда я благополучно прошёл, а на обратном пути, уже возле цеха, снайпер ударил мне в грудь; пуля правое легкое пробила. Я упал, захлёбываясь кровью. С час пришлось пролежать на снегу в воронке. Потом собрался с силами и поднялся, чтобы добраться до своих, махавших мне руками из пролома цеха. У самого пролома немец, выйдя из-за угла цеха, выстрелил в меня из пистолета почти в упор в грудь. Я покачнулся от удара, но удержался на ногах и прыгнул в пролом.

Майор Миньков лежал в углу, раненный в голову. Я передал ему приказ держаться и доложил, что выдвигаются противотанковые пушки, а потом уже пошёл искать санитарку Нину.

Была в батальоне такая девушка молоденькая, лет семнадцати. Она всё время находилась с нами в цехе. Человек двести перевязала, а сама ни разу не была ранена. Её прозвали «Ниной святой».

Кровь идёт из горла, а я хожу по цеху и кричу: Нина святая!

Немцы были уже зажаты в крайний угол, под станки, но из цеха до вечера нельзя было выйти. Когда Нина перевязала меня, я огляделся и увидел немца, сидевшего под крышей, на ферме. Ударил по нему из автомата, и он повис на цепи. Должно быть, прикован был.

Как стемнело, меня в госпиталь отправили, за Волгу. Беспокоился я сильно за Витю; потерял его из виду в том бою. Лежу уже на койке в госпитале, вдруг слышу, сын говорит:

— Батя, и ты здесь?

Он в один день со мной был ранен и в тот же госпиталь попал.

Перед победой

☆

А. Г. КРЮКОВ

Пошли гвардейцы генерал-майора Гурьева, к которым мы были приданы, в наступление, на штурм мартеновских печей «Красного Октября». Мало было среди гвардейцев рабочих бойцов-сталинградцев, прежних ополченцев. Одни погибли в обороне, а других, когда нас за Волгу отправили на переформировку, оставили там работать. Только тех, кто помоложе был, командование зачислило в штурмовые части.

Высадились мы с катеров у «Красного Октября» и расположились на самом берегу против крайних к Волге мартеновских печей. По всему заводу немцы были, а в крайних печах наши удержались.

Комбат вызвал меня к себе.

— Здешний? — спрашивает.

— Да,— говорю.— Тринадцать лет работал на мартенах каменщиком, учеником начал.

— Значит, расположение знаешь?

— Еще бы! Сам эти печи клал.

— Вот это,— говорит комбат,— очень важно: сам клал, значит должен знать, в каких щелях немцы сидят.

Он назначил меня в разведку.

Наш полк имел приказ пробиваться вперёд мартеновским цехом, выйти в чугунолитейный, а оттуда к клубу имени Ленина. У командования был замысел продвинуть войска коридором через весь завод; потом трамвайной линией завернуть к Банному оврагу, где были наши, чтобы таким образом окружить немцев в прокатных цехах — между Банным оврагом и мартеновскими печами.

Немцы на мартеновских печах сидели, как клопы в щелях: и в ваннах, и в газопроходах, и в шлаковиках, и в насадках. Забирались даже в изложницы — формы, в которые металл выливается. Первых двух немцев-«языков» мы за головы вытащили из изложниц. Идём ночью в разведку я, токарь Могильный, тоже с нашего завода, два гвардейца — от колонны к колонне, от болванки к болванке, от изложницы к изложнице. Подошли к колонне, от которой кран поверху ходит, присели — слышим, что где-то

рядом немцы бормочут, а где — не видно. Присмотрелись в темноте и увидели: две головы из изложниц торчат. Немцы не слышали, как мы подкрались: ветер был сильный, на разбитой крыше гремели железные листы. Вытащили фрицев, связали, завернули в плащ-палатки и поволокли к себе.

Это было на десятой печи. Тут особенно упорный бой шёл. Красноармейцы почти не стреляли — гранатами действовали. Доходило до того, что камнями, железными брусьями бились. Меня после разведки послали на эту печь, чтобы показать бойцам, как взбираться на верхние конструкции. Иначе нельзя было немцев выбить из печи. Мы поднялись по колонне наверх и закидали оттуда немцев гранатами и минами.

Очистим один мартен — принимаемся за другой. Сначала очищаем нижний пролёт, насадки, потом верхний — рабочую площадку. Узким коридором шли: направо, на шихтовом дворе, немцы, налево, на литейной канаве — тоже.

Со стороны шихтового двора немцы мешали нашему продвижению на мартенах. Немецкие пулемётчики стреляли с четвёртого этажа столовой. Надо было выбить их из этого здания. Гвардейцы пошли на штурм, ворвались в подвал, но из него никуда нельзя было выйти: подымаешься по лестнице — немцы с площадок бьют из автоматов, вылезешь наружу — из окон гранаты летят. Трое суток гвардейцы дрались за это здание. Лестница была совершенно разбита, одни рельсы остались. Немцы оружие в окно выкинули, а как самим спуститься вниз — не знают. Пришлось им по-обезьяньи слезать.

Теперь легче стало продвигаться мартенами, и вскоре мы вышли в чугунолитейный цех. Здесь тоже очень сильный бой был — за каждой формой немец сидел, но 5 декабря и этот цех мы очистили.

Был у меня товарищ Коля Моргай, украинец, эвакуированный на наш завод. В обороне мы с ним всё время были вместе в рабочем отряде, а после переформирования нас разлучили, за Волгой я его оставил. В чугунолитейном цехе мы с ним снова встретились.

Только закончился бой. Мы получили продукты, позавтракали; оглядываюсь, у кого бы закурить, смотрю — Коля Моргай. Он прибыл с пополнением. Когда мы расстались, он ещё в гражданском был, а теперь тоже уже переобмундировался в красноармейское, как все рабочие бойцы. Но вид у него был совсем не гвардейский. Парень ещё молоденький, восемнадцатый шёл. Он головой крутил, осматривался растерянно, чуть не плакал. Я только что сто граммов выпил, повеселел, кричу ему:

— Коля, друг, давай сюда!

Шаг за шагом выбивали врага

Здороваемся мы с ним, я спрашиваю:

— Что с тобой?

— Товарищей потерял,— говорит,— да теперь всё равно, от тебя никуда не уйду.

Пошли мы вместе с ним к комбату. Я обратился:

— Дружок молодой с пополнением прибыл. Разрешите ему в наше отделение.

Комбат разрешил и тут же дал нам задание: уничтожить пулемётную точку немцев в кирпичах за асфальтом. Эта точка задерживала продвижение всего полка из чугунолитейного цеха в направлении клуба имени Ленина.

Под стеной цеха была дыра — пролом. Мы пролезли в неё и поползли через асфальт. За асфальтом надо было быстро вскочить на ноги и перепрыгнуть через небольшой бугорок, а потом опять ползти. Я перепрыгнул первый и лёг, — ждал, пока перепрыгнет Моргай. Он прыгнул и упал на самом бугорке. Мне показалось, что он поскользнулся — парень не очень ловкий был. Показываю ему рукой — скорее сползай вниз. А он мне показывает на свою ногу: ранен, мол. Я пополз назад и стащил его с бугорка.

Левая нога у Моргая была оторвана осколком мины по колено — болталась на одном сухожилии. Я перевязал его и попрощался:

— Ну, ползи, Коля, назад.

Он ни разу не вскрикнул, только тихонько заплакал, когда я прощался с ним.

— Не бойся,— старался успокоить его я,— как-нибудь доползёшь до пролома, а то обожди здесь, пока я вернусь,— тогда вытащу.

— Я, может быть, жив останусь, ты не беспокойся,— проговорил он,— а тебя, наверное, убьют.

Он больше всего волновался, что меня убьют; всегда за всех товарищей болел. У него никого родных не было, кроме матери, которая осталась у немцев.

Я пополз дальше и больше не видел Моргая. Нельзя было оглянуться: всё внимание было привлечено пулемётом, который строчил по выходу из чугунолитейного цеха. Я видел ствол пулемёта, огонь, вырывавшийся из ствола. Немцы меня не видели: скрывал железный лом, которым тут всё было завалено.

Метров двадцать было до пулемёта, когда я кинул в него гранату. Кидая вторую, почувствовал удар по боку и сразу же кровь, полившуюся

изо рта. Сначала мне показалось, что это слюни текут, я подумал: чего это они текут? Провёл по губам пальцем и увидел кровь! Пуля пробила грудь и вышла в бедро.

Назад я полз по тому же пути, что и туда,— через бугорок. Но Моргая возле бугорка уже не было. Посмотреть вокруг мне не удалось: пули прижали меня к земле, я сполз в воронку. В этой воронке лежало несколько трупов наших бойцов. Моргая среди них я не нашёл.

Во фляжке одного убитого оказалось немного водки. Я омылся водкой, и мне стало легче, хотел выглянуть, посмотреть — не видно ли где Моргая, но выглянуть невозможно было: шапку, которую я приподнял на палке, пробило несколько пуль.

До вечера пришлось пролежать в воронке. В темноте приползли санитары с носилками. Меня доставили в санбат, помещавшийся в насадке седьмой печи, а утром с площадки, очищенной на берегу Волги, отправили на самолёте У-2 в Ленинск.

Может быть, и Моргая тоже подобрали, отправили на самолёте в госпиталь, куда-нибудь ещё дальше в тыл,— в Ленинске я его не встречал. А может быть, и погиб. Жаль очень: почти перед победой.

Дом молодёжи

☆

Л. ПЛАСТИКОВА

Больше суток работали мы, переправляя раненых. Ночью нам приказали отдохнуть. Добрались до блиндажа и в изнеможении повалились на землю. Только теперь почувствовали, как устали: ломило затекшие руки, горло пересохло, хотелось пить, но трудно было подняться. Некоторые сразу же заснули. Но не прошло и нескольких минут, как в блиндаж торопливо вошёл полковник. Он потребовал к себе секретаря райкома комсомола. Я поднялась.

— Товарищи, нам нужна ваша помощь,— сказал полковник.— Наши бойцы грудью стали против танков. Много раненых на поле боя. Санитары вышли из строя.

Всё было ясно. Ребята поднялись, взяли сумки; некоторые потягивались, борясь со сном.

Полковник внимательно обвёл нас всех взглядом, помолчал, а потом сказал:

— Работа трудная и опасная, товарищи; но речь идёт о сохранении жизни защитников Родины.

— У нас хватит сил с честью выполнить ваше поручение, товарищ полковник,— ответила я за всех присутствующих.

Мы снова пошли на поле боя: вытаскивали раненых, переносили их в укрытия, а потом отправляли в госпиталь.

Это было в день наступления. Тогда наш тракторозаводской райком комсомола находился рядом с воинскими частями на обрыве Волги.

Посёлки Спартановка и Рынок были уже освобождены от немцев. В этих сожжённых посёлках жители ютились в полуразрушенных подвалах — мёрзли, голодали, с трудом двигались.

Среди жителей были и дети. Мы собрали их всех вместе и поселили в блиндажах, недалеко от берега. Здесь они были сравнительно в безопасности. Неподалёку, в разбитом подвале (другого помещения поблизости не было) мы отремонтировали уголок и назвали его «Домом молодёжи». Толстые стены защищали от пуль, от осколков. Тогда это помещение казалось нам настоящим дворцом. Здесь мы решили под новогоднюю ночь устроить традиционную ёлку — настоящую, весёлую, с подарками; как до войны.

Кто-то из бойцов сказал, что видел в Латашинском саду две целехонькие ёлки.

Сад был близок, но чтобы попасть туда, надо было проползти мимо немцев. Под вечер с двумя комсомольцами мы отправились к линии фронта. Вот и сад — голый, почерневший, изрытый воронками. Здесь год назад в зимние каникулы устраивались игры для школьников и лыжные прогулки.

Ёлки мы отыскали сразу; целёхонькие, они и без всяких украшений выглядели нарядно. Но нас выследил немецкий снайпер. Стоило чуть приподняться, пули ложились рядом. Возвращаться же обратно без ёлок — нельзя. Хорошо, что захватили с собой верёвки. Они помогли. Мы начали

набрасывать петли на ветки и обламывать их. Наломали много веток, собрали и — скорее обратно.

Крепко связали между собой веточки, сделали деревянную подставку, и получилась настоящая ёлка. Тогда казалась она нам чудесной. Дуся Кострина испекла много пряников. Они были крохотные, но очень аппетитные.

Долго мы ломали голову: чем же нам украсить ёлку. Игрушек не было никаких. И тут нам помогли бойцы. Из обрезков бумаги и лоскутков смастерили фигурки животных. В гильзы патронов были вставлены деревянные палочки с надетыми на них бумажными фигурками. На одной такой фигурке ясно виднелся петушиный гребешок, но за неимением красного он был выкрашен в зелёный цвет и украшал голову не то утки, не то носорога. Курица имела три ноги и петушиный хвост. Оранжевый пудель довольствовался одной ногой зелёного цвета. Этот пудель был сделан из толстого шинельного сукна.

Так общими усилиями мы убрали ёлку и поставили её в центре подвала. По окопам, тянувшимся к «Дому молодёжи», по ходам сообщений патрули провожали маленьких сталинградцев, которые уже несколько месяцев жили под огнём.

Ребята входили в подвал и не верили своим глазам. Елка! У многих на глазёнках выступили слёзы. Завели патефон, и это тогда всех поразило. Ведь и детишки и взрослые уже отвыкли от музыки. Запели. Вначале дети сидели поражённые,— смотрели то на ёлку, то по сторонам. Но потом освоились и все вместе в этом подвале у новогодней елки спели «Интернационал».

За этот вечер мы по-настоящему сдружились с детворой. Старшие дети скоро стали нашими помощниками. В развалинах они собирали разные вещи: электрические провода, ролики, выключатели, гвозди, лопаты... Всё это могло пригодиться. Пионеры помогали воинским частям подвозить воду, поили лошадей.

Наш завод был в руках немцев, а уже на небольшой освобождённой территории района начиналась жизнь. Строились мосты, оборудовалась баня, рыбаки готовили сети.

В своем районе

☆

Т. С. МУРАШКИНА

Когда замёрзла Волга, я несколько раз переходила с одного берега на другой. Наконец, я попала в свой район — туда, где в оврагах и балках, на небольшой территории, не занятой немцами, под непрерывным огнём, оставались еще наши жители.

С группой бойцов МПВО мы переправлялись на правый берег по льду ползком у завода «Красный Октябрь», а оттуда перебрались к третьей группе Нефтесиндиката.

Здесь невдалеке друг от друга были расположены штабы Чуйкова и Родимцева.

Первым делом я явилась в комендатуру штаба 62-й армии.

Военный комендант товарищ Шевченко повёл меня в полуразрушенный домик, врытый в землю.

Вот как произошло мое знакомство с генералом Чуйковым.

— Кто же это додумался вас сюда прислать? — слегка улыбаясь, спросил он.

— Я председатель райисполкома,— ответила я.

— А какую вы работу будете проводить?

— У вас в блиндажах живут жители нашего района,— сказала я.

— Да. Вы бы детворе сахару привезли.

— Вот этого нет.

— Где же мне вас поместить? С артиллеристами или со связистами? — спросил он.

— Всё равно,— ответила я.

— Ну, хорошо, идите к Родимцеву.

Военные товарищи вначале никак не могли понять, зачем мы приехали и что будем делать тут. Но так или иначе всюду встречали нас гостеприимно и с большим радушием — не как гостей, а как хозяев этих мест.

Я ходила из блиндажа в блиндаж, брала на учёт всех жителей, которые жили вместе с бойцами. У Тагиевского взвоза, в будке стрелочника, я

встретила мать и дочь Дегтярёвых. По всему было видно, что они уже привыкли к боевой обстановке. Здесь же я впервые узнала об Александре Черкасовой, которая вместе с другими женщинами и детьми во время боев жила на одном из южных склонов Мамаева кургана. Всего за несколько дней мы взяли на учёт в своем районе семьдесят семей, живших в самом пекле войны вместе с солдатами. И каждый день, через овраг, который был как бы границей, переползали новые люди, спасавшиеся из немецкой неволи.

Мне приходилось часто посещать госпиталь, помещавшийся здесь же на берегу, в туннеле дамбы, по которой проходит железная дорога. Внутри дамбы, в четыре яруса, были сооружены нары. В земляное дно туннеля вбиты сваи, на них положены доски. Под полом протекала вода. Здесь лечились от ран защитники Мамаева кургана. Прямо из туннеля они снова шли в бой. Среди бойцов в этом госпитале были и мирные жители. Я сама направила сюда несколько человек, нуждавшихся в срочной медицинской помощи. Уже потом их удалось переправить на левый берег Волги.

Мы начали регулярно снабжать население продовольствием. Разносили по блиндажам хлеб и рыбу. Уже теперь бойцы знали обо мне. Меня называли — «советская власть!»

Войдёшь — обязательно пригласят сесть, угощают чем-нибудь. Поражаешься: пелена дыма всё застилает, не видно лица сидящего рядом, а люди поют песни, разговаривают о прочитанных книгах, спорят, вслух мечтают о том, какая жизнь будет после войны. А выходишь из блиндажа — кто белый халат предлагает, кто советует, где пригнуться, где проползти.

В армию Чуйкова со всех концов страны приходили посылки с подарками защитникам Сталинграда. С каким любопытством распаковывались эти посылочки, в которых заботливо уложены были всякие мелочи, необходимые солдату! И каждый раз после того, как вскрывали такую посылочку, солдаты садились писать ответ в какой-нибудь далёкий от Волги город — в Томск или Джамбул. А когда в посылках оказывался шоколад или конфеты, начиналось угощение маленьких сталинградцев, которые жили среди военных.

Вместе с бойцами Родимцева мы слушали доносившиеся издалека могучие раскаты советской артиллерии. Вскоре на моих глазах гвардейцы покинули свои окопы и блиндажи и, как бы выпрямившись и поразмяв свои кости, перешли в долгожданное наступление.

С разных сторон сходились части Советской Армии в наш Дзержинский район, освобождая его от немцев. 31 января я уже была на центральных улицах нашего района. Прошла мимо разрушенного дома, где была моя квартира. По какой-то случайности из всего имущества уцелел кувшин для цветов. Я его схватила и долго таскала с собой подмышкой, думала: «Когда мы растащим все эти развалины и над нами снова будут крыши и мы будем спокойно спать по ночам, в этот кувшин я снова поставлю цветы».

Мы ходили по своему освобождённому району, по маленьким тропочкам, среди мин и встречали людей, которые потеряли память, людей, которые боялись своего собственного голоса. Смотришь на человека — фигура мальчика, а виски совершенно белые.

Идём как-то по Солнечной улице, слышим — из подвала доносится чей-то стон. Вхожу туда. На соломе лежит девочка семи лет без сознания. Как потом я узнала, немцы, перед тем как сдаться в плен, изнасиловали эту девочку.

А вот семья Неделиных, которую я хорошо знала до войны. Мы их вытаскивали из какой-то зловонной ямы. Неделина долго не могла узнать меня, а когда я ей растолковала, что я — Мурашкина, она не верила и всё приговаривала.

— Вас же расстреляли немцы!

Придя в себя, Неделина стала умолять меня спасти её ребёнка. Он был болен менингитом.

А вот блиндаж, заваленный трупами. Среди мертвецов ползает маленькая девочка. Увидев меня, она заговорила:

— Я кушать хочу.

В это время на улицах Сталинграда ещё шёл бой. Танкисты выбивали немцев из каменных зданий — последних очагов сопротивления. Ко мне подошёл лейтенант, строго взглянул на меня и спросил:

— Что вы тут делаете?

— Это мой район, товарищ, я председатель исполкома Дзержинского района.

— Вот оно что,— как-то протяжно и с удивлением сказал лейтенант, посмотрел на предъявленное мною удостоверение и добавил:

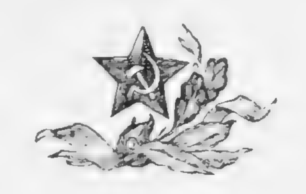
— Тяжеловато вам здесь будет, товарищ председатель.

И я подумала: «Да, пожалуй, теперь будет потруднее».

На Невской улице каким-то чудом уцелел небольшой домик.

«Вот тут-то мы и разместимся»,— решила я.

Через несколько дней над этим домиком взвился красный флаг. Дзержинский исполком районного совета депутатов трудящихся снова принялся за работу в своем районе.

ПОСЛЕ БИТВЫ

Дорогая память

☆

Н. П. ДЕГТЯРЕВА

В нашем районе сохранился один дом, не очень разрушенный. В нём, когда бои кончились, больницу открыли. В этом же доме маленькую комнатку отвели под аптеку. Стала я в этой аптеке работать фармацевтом. Была моя аптека хоть и не на людной улице, а на бойком месте. Кто приходил по делу, а кто просто так, погреться. Заглядывали бойцы и командиры, с которыми мы с мамой сдружились, когда жили в «Белом домике» на берегу Волги во время боёв. Приходили, приглашали меня на вечера и банкеты. Сколько тогда таких вечеров было... Ведь всем хотелось как можно лучше отпраздновать нашу победу. На таких вечерах много тогда наших сталинградцев побывало и в армии Чуйкова, и в той части, которая Паулюса в плен взяла. Хоть и много получала я тогда таких приглашений, но не пришлось мне побывать ни на одном вечере, так как не могла я надолго оставить аптеку: аптека работала круглые сутки; она была дежурная. Но всё же несколько раз я отлучалась и сопровождала защитников Сталинграда по сталинградским улицам. Развалины они видели и без меня, а я рассказывала им, как здесь было раньше. Всё это слушали теперь, как чудесную сказку. Особенно интересовались местами, где в гражданскую войну в Царицыне товарищ Сталин бывал. Я знала их ещё тогда, когда была пионеркой.

На речке Царица после боев

Подолгу стояли бойцы у разрушенного здания напротив вокзала, где помещался штаб обороны Царицына, а потом был устроен Музей имени Сталина.

Я рассказывала о зданиях-дворцах и о том, как выглядел техникум, в котором я училась, какой был домик, в котором мы жили, в переулке на Новогородской улице... И воины, слушая мой рассказ, говорили, что, конечно, наш город станет еще более красивым; об этом говорили все с такой уверенностью, что мне невольно казалось, будто я уже сейчас живу в самом замечательном городе.

Как-то во время разговора возник спор. Одни говорили о том, что надо будет для истории, для потомков, оставить какую-то часть города в развалинах — пусть, мол, эти руины всегда напоминают людям о том, что сделали здесь фашистские варвары. Это будет лучше всякого музея!

Другие же не соглашались: «Ни в коем случае. Пусть не будет здесь ни одной царапины, ни одной пробоины»,— говорили они.

Идём мы по улицам, а спутники мои всё фантазируют, будто все они по профессии или строители, или архитекторы. Идут, оглядываются —

кругом пустыри, а они предлагают: где дворец построить, где аллею, где арку поставить, а где памятник. Очень тогда этими планами увлекались. А я всё шутила — уж если придётся вам Сталинград строить, так не забудьте в каком-нибудь светлом доме отвести просторное помещение с большими окнами для аптеки.

Все наши знакомые бойцы оставляли свои адреса, просили писать, дарили на память фотографии, и каждый хотел на прощанье сказать что-нибудь потеплее, посердечнее. Вот как-то разыскал меня один наш бравый солдат и вручил мне на память открыточку, на которой написал: «Не совсем хотелось бы покидать таких друзей, но мы на службе, и притом война». Когда я сейчас смотрю на эту открытку, я вспоминаю хорошего парня, который часто заходил к нам в «белый домик» и много рассказывал о своих товарищах, с которыми жил на передовой. Где он теперь...

Полки и дивизии оставляли Сталинград, уходили и на юг, и на запад; переправлялись через Волгу, грузились в Гумраке. Помню я эти дни расставания и взаимных пожеланий.

Ко мне как-то ранёхонько пришёл человек, который мне нравился больше других. И он пришёл попрощаться.

— Наш путь на Запад,— сказал он мне.

Он просил, чтобы я вышла его проводить. И я пошла. По дороге он мне рассказывал про свою жизнь, о том, как учился, о своей матери... Он хотел о многом сказать мне. Но и так было всё понятно. Я вывела его на дорогу, по которой одна за другой проносились машины, на прощанье обняла его и первый и последний раз в жизни поцеловала. Он сел на одну из проходивших машин, и больше я уже никогда его не видела. А письма получала — и из-под Белгорода, и из Запорожья. Он писал мне о том, как переправлялся через Днепр, что часто со своими товарищами вспоминает наш Сталинград. А потом как-то получила я письмо уже не от него, а от его матери. Она писала мне, что сын её с честью погиб за Родину.

Одних провожали мы, а других встречали — много новых жителей в Сталинграде появилось. Их родные места еще были заняты немцами, так вот они именно Сталинград выбрали себе местом жительства. Помню я, рассказывал мне один инвалид Отечественной войны, что долго он задумывался над тем, куда бы ему из госпиталя поехать. Какой бы город он ни назвал, ему бы туда литер выписали. Так вот он и назвал Сталинград.

Новые сталинградцы начинали здесь свою жизнь и в палатках, и в землянках; испытывали всяческие неудобства и лишения, но все говорили одно и то же: нас теперь в другие места не заманишь.

Стали мы с мамой много писем с фронтов получать. Приходили треугольнички и из госпиталей и из далёких тыловых городов; сообщали нам бойцы о наградах, о встречах с родными; просили не забывать о могилах своих друзей, похороненных у берега Волги.

Мама моя, как только весна наступила, взяла лопатку, насыпала в корзинку жёлтого песку и пошла подправлять дорогие могилки бойцов. Это у неё теперь стало первой обязанностью. Так обходит она весь берег, от одной могилки к другой: где ограду подправит, где холмик цветами украсит, а у могилы, где моряки похоронены, посадила мама несколько деревьев.

О чём только в письмах ни спрашивали: подняли ли на Набережной памятник летчику Хользунову? Ходят ли трамваи? Какие пьесы у нас в театре идут? Сколько новых домов отстроили?..

Ответ Сталинграда

☆

П. Р. КАЖБЕРОВ

Пробираясь к Сталинграду, на одной из станций, в толпе, я встретил Александра Васильевича Степанова. Как я ему тогда обрадовался! Мы не виделись больше полугода с того дня, как Степанова, комиссара танковой бригады народного ополчения, раненного осколком на площади Тракторного завода, рабочие унесли к Волге и на пароходике «Кировец» отправили на левый берег. Тогда Степанов тяжело страдал от боли. Он лежал на гамаке, подвешенном на носу парохода. А вот теперь он стоял передо мной — осунувшийся, но сохранивший свою военную выправку.

— Ох, скорей, скорей бы добраться нам в Сталинград. Медленно, медленно едем мы, Павел Романович. Только в Сталинграде я как следует поправлюсь; надоело мне лежать в госпиталях, вдалеке от родного города и завода. Как там сейчас?

Когда мы стояли на платформе и договаривались, как будем дальше вместе продолжать путь, раздался голос, который заставил нас обернуться.

Мы увидели на буферах между вагонами проходящего поезда человека, одной рукой державшегося за тормоз, а другой — махавшего нам.

— Э, друзья, до скорого свидания в Сталинграде! — кричал он.

Мы сразу узнали нашего Ивана Москвичева, начальника сборки танков, и долго смотрели ему вслед. Повезло же нашему москвичу,— так мы называли всегда товарища Москвичева. Нам не удастся его обогнать. Какой он счастливый, раньше нас прибудет на завод! А ведь там уже, должно быть, жизнь кипит, как в улье. Со всех сторон — и из Сибири и из Урала спешат к Волге наши люди.

Не успели мы повернуть за угол вокзала, как натолкнулись на другого нашего тракторозаводца. Это был Алексей Петрович Чернов, начальник металлснаба завода. Он был на костылях — ещё не вполне оправился после ранения, полученного в Сталинграде. Мы обнялись. Теперь уже возвращались не в одиночку, а целой группой: вместе ходили к коменданту, стояли в очередях, поддерживали друг друга во время посадки и под стук колёс без конца говорили о Сталинграде, вспоминали погибшего Николая Вычугова, командира танковой бригады; вспоминали тракторозаводцев, которых по всей стране раскидала война; делились пайком и всячески старались, чтобы быстрей, навстречу к Сталинграду, летело время.

В пути Чернов плохо почувствовал себя. Он не мог перенести всех тяжестей поездки, и его пришлось на одной из станций снять с поезда и поместить в госпиталь.

Как он завидовал нам, что мы продолжаем путь! Мы стояли у окна; с каждым пролётом нарастало волнение. Трудно было оторваться от окна. И вот, наконец, вдалеке показались очертания нашего города. Здесь прошло мое детство. Мы подъезжали к городу, а города, собственно говоря, и не было. Всю дорогу мы вели между собой разговор, а теперь молча стояли рядом.

Кругом — горы строительного мусора, битого кирпича... Когда мы сошли с поезда, в глаза бросился небольшой киоск, в котором продавали воду. Это была первая новая постройка, которую я увидел в разрушенном городе.

Мы пошли пешком. На пути нам встретились минёры. Они сосредоточенно рассматривали только что извлечённую из-под моста мину. Один из минёров, заметив нас, приветливо улыбнулся и сказал:

— Не на Тракторный ли? Если туда, то держитесь, голубчики, банного моста. Вон, видите, те разваленные фермы у железной дороги.

Сердце облилось кровью, когда увидели мы, во что немцы превратили наш завод — гордость всей страны. Ветер свободно разгуливал в развалинах, и заунывно скрипело железо, и качались на ветру какие-то балки,

Надо все начинать снова

но казалось, что кругом мёртвая тишина. Только по временам всё вздрагивало. Как будто всё ещё здесь звучало эхо отгремевшей битвы. Это работали минёры, подрывавшие мины, заложенные немцами.

И вот, наконец, мы в своей семье. Но мы не расспрашивали друг друга ни о чём, а только говорили о восстановлении завода. Товарищ Ткачев, исполняющий обязанности директора завода, и его помощник Лебедев, не успев поздороваться со мной, сразу же заговорили о том, что надо срочно восстановить главный корпус и организовать в нём ремонт танков. Директор сейчас же отдал приказ о моём назначении начальником этого корпуса.

Передо мной возникла совсем уж неожиданная задача: как добраться до цеха, в котором я проработал много лет? Я пошёл со стороны главного входа, но груды горелого железа и разбитые станки преградили мне путь. Тогда я стал пробираться с другой стороны, но только прошёл несколько шагов, как увидел впереди огромную воронку. И такие препятствия возникали повсюду. На заводе не осталось ни одного ровного клочка земли. Всё было перепахано снарядами и бомбами. Воронки покрыли заводскую территорию, как оспа.

Глыбы бетона громоздились друг на друга. Изогнутые металлические конструкции, переплетённые между собой, как паутина, казалось, при первом же порыве ветра могут обрушиться и придавить.

Не успел я выбраться на дорожку, как услышал оглушительный взрыв. Оказалось, что кто-то шёл сзади меня, сделал несколько шагов в сторону и подорвался на мине.

Потом к таким случаям пришлось привыкнуть. Ведь мы находились на густо насыщенном минном поле.

Вот и мой цех. На груде металла и кирпича я встретил товарищей, которых уже давно не видел. Ко мне навстречу бежали Борис Павлович Аристов — наш энергетик, моторист Васин и улыбающийся Иван Москвичев, который обогнал нас в пути. Поздоровавшись, мы сразу же повели разговор о том, с чего надо здесь начинать.

В тот же день мы составили ориентировочный план восстановительных работ, и я отправился для доклада к директору завода. Этот день я считал днём своего второго рождения как специалиста, осваивающего новую науку — науку восстановления.

План был одобрен, и нам пожелали успеха.

...Ночь застала меня в общежитии 502-го дома. Большинство работников завода жило в те дни в блиндажах и тоннелях, в палатках и кабинах немецких самолётов, под лестничными клетками разрушенных зданий. Наше общежитие считалось образцовым.

Чудом сохранившаяся крыша лежала на перекладине, подпёртой с двух сторон деревянными балками. Стены были разрушены, пола не было. Здесь, греясь у печурки, в которой всё время поддерживала огонь жена одного из наших инженеров, я узнал, как жили и работали на заводе те, кто прибыл сюда раньше нас, как в ледяной воде, при штормовом ветре, рабочие подводили тросы под затонувшую на Волге баржу с заводским оборудованием, как по одному поднимали из-подо льда станки. Теперь эти станки устанавливались среди развалин.

В первую ночь я спал очень мало. Холод согнал меня с койки; еще только рассветало, как я по разведанным тропинкам побежал в цех. Здесь у костра грелось несколько человек. Никогда не забыть эти костры! Около них читали сводки Совинформбюро; здесь намечали план работ на день, здесь же мы набрасывали на листках бумаги первые чертежи; здесь же, у костра, мы дали клятву Родине и Сталину, что сделаем всё для того, чтобы скорей наладить ремонт танков.

Производственную площадь приходилось отвоевывать метр за метром.

Помню, как радовались мы все, когда из-под мусора стал виден кое-где сохранившийся паркетный пол, напоминавший нам о том, каким был наш цех, оборудованный по последнему слову техники. А какое это было событие, когда на расчищенную площадь стали завозиться моторы для переборки! По площади цеха еще гулял ветер, но цех уже работал.

Как-то вечером мы услышали паровозный свисток. Это наши товарищи из железнодорожного цеха отремонтировали первый паровоз и, подняв пары, вывели его из депо. Свисток паровоза казался нам тогда голосом ожившего завода.

Кто-то сказал:

— Это отбой воздушной тревоги!

После этого каждое утро свисток паровоза заменял нам заводской гудок.

20 апреля 1943 года, совместно с военпредом завода Баскаковым, я подписал паспорт сдачи первого отремонтированного нами танкового мотора.

На огромной территории, где еще недавно шли бои, наши рабочие собрали разбитые танки. Мы их стали называть по местности, где они были обнаружены: баррикадский, садовый, мечеткинский...

— Эх, Кажберич, если бы все танки перетаскать на наш завод и запустить их! — говорил мне Александр Иванович Лебедев.

Первые три танка, поставленные на ход, остались на заводе и стали работать как тягачи на расчистке путей и цехов. Они же стаскивали для ремонта другие подбитые танки.

Вскоре один танк-тягач подорвался; другой танк провалился в «танковую западню», устроенную немцами. После этого наши водители начали более осторожно отыскивать пути прохода и буксировки танков.

Наш корпус в то время представлял собой завод в миниатюре. И в обкоме и на партийных собраниях нам говорили: «Тракторозаводцы, на ваш труд смотрит сейчас вся Родина. Не посрамите своей чести и дайте скорей танки для фронта. Пусть весь мир знает, что танки Сталинграда снова бьют, преследуют и гонят немцев».

Тогда родились два крылатых слова: «Ответ Сталинграда». Эти слова, написанные на броне танков, должны были возвестить всему миру, что жив Сталинград, жив город-герой!

Это было только началом восстановления, наши первые шаги. По железнодорожным путям страны уже шли эшелоны, направленные в наш адрес. Станки и оборудование нам отгружали с заводов Урала.

Заказы для Сталинграда выполняла вся страна.

По мобилизации ЦК ВЛКСМ в Сталинград на СТЗ потянулись вереницы молодёжи. Здесь были и харьковчане, удмурдцы, молотовцы, куйбышевцы, кировчане и москвичи.

Мы должны были на заводе, лишённом ещё всех видов энергии, вдохнуть жизнь в омертвевший металл и снова превратить его в грозные машины.

И вот, настал долгожданный час запуска мотора генератора на нашей цеховой электростанции. Несколько поворотов пусковой рукоятки, и дизель начал набирать мощность. Моторист, следя за выражением наших лиц, вдруг лукаво улыбнулся и сказал:

— Павел Романович, а теперь нагрузку можно взять.

Я включил главный рубильник. И тогда на Сталинградском тракторном заводе снова зажглась лампочка Ильича. И над дверью помещения, где стоял генератор, мы сделали надпись: «Электростанция № 1».

Не прошло и нескольких часов, как мостовой кран взял на свой крюк первый груз.

Это был подорванный танк.

Мы спешили как можно скорей подготовить сдаточное отделение, чтобы в нём разместить танки, перевезённые с мест боёв для ремонта.

Всё чаще и чаще слышалась команда нашего товарища Молчалина:

— Майна, вира!

Исторический лозунг: «Всё для фронта, всё для победы», написанный тем же шрифтом, что и раньше, снова красовался на лицевой стороне мостового крана.

22 апреля 1943 года мы сдали военпреду Главного бронетанкового управления Красной Армии первый танк.

Все наши рабочие и инженеры следили за тем, как наша художница Вера Москвичева со старанием выводит на танковой башне наш девиз: «Ответ Сталинграда», пятиконечную звездочку.

Вскоре фронт почувствовал помощь нашего завода.

12 июня 1943 года мы отправили на фронт эшелон отремонтированных танков, и на каждом из них был наш девиз.

Спустя некоторое время мы получили письмо с фронта от танкистов, воевавших на наших танках. Они писали нам:

«Дорогие товарищи, клянёмся вам бережно хранить бессмертные традиции Сталинграда — источника нашей гвардейской чести и славы,— запечатлённые на нашем знамени, впитавшем кровь героев Сталинградской

битвы. Мы украсили это алое знамя новыми боевыми блестящими победами и никогда не запятнаем его чести. С нами вы, дорогие товарищи. Нас ведёт к победе великий, любимый наш Маршал товарищ Сталин. Победа будет за нами».

Торжество сталеваров

☆

С. П. СОРОКИН

1

Первое, что я увидел, вернувшись с Урала в Сталинград, на завод «Красный Октябрь», была медная пластинка с надписью: «Здесь стояли насмерть донцы дивизии Щорса».

Эта пластинка висела на врытом в землю столбе. Вокруг было голое место — заваленные снегом груды кирпича, разбитые танки, орудия. Неподалёку, на полуразрушенной стене одного заводского здания, я прочёл надпись другого полка той же дивизии: «Здесь стояли насмерть таращанцы».

Таких надписей на территории завода оказалось очень много. Каждый полк, сражавшийся здесь, оставил на память о себе несколько слов. Углём, мелом исписаны были все уцелевшие стены, столбы и колонны. Среди свежих надписей, сделанных бойцами несколько дней назад, перед тем как уйти из Сталинграда на запад, попадались и старые полусмытые дождями лозунги: «Ни шагу назад!», «Стоять насмерть!», «За Волгой земли для нас нет», «Товарищ Сталин, клянёмся тебе выстоять».

Я ходил по заводу, читал эти надписи, лозунги, клятвы и думал: вот здесь я родился, вырос, прожил всю свою жизнь, всё вокруг было так обыкновенно, а теперь это священные места. Там, где раньше стояли ларьки, киоски, теперь высились простые, строгие памятники, воздвигнутые солдатами над могилами своих товарищей и командиров. На каждом памятнике были написаны стихи, посвященные павшим героям. Когда я читал их, мне казалось, что здесь сражались не обыкновенные солдаты, а солдаты-поэты, великие бессмертные люди.

Я ни на минуту не переставал думать, что вот я снова в Сталинграде, хожу по своему заводу, и в то же время мне не верилось, что это так.

Я любил слушать рассказы красноармейцев о недавних боях. Они часто в своих рассказах употребляли выражения: «Это вон там было, в чугунолитейном» или «Вон, в листопрокатном», а ты, старый инженер этого завода, смотришь туда, куда они показывают, и ничего не узнаёшь.

В мартеновском цехе, где я проработал много лет, можно было заблудиться, как в тайге. Да это и действительно была какая-то невообразимая металлическая тайга: дикий хаос разбитых и сваленных конструкций, перекрытий, кровли и завалы кирпича от разрушенных стен и труб.

Мы ходили по этой тайге, освещая себе путь факелом из горящей пакли. Спускались под печи, в насадки, бурова, в которых еще недавно жили, как в пещерах, и наши и немцы попеременно. Там еще оставались кровати, подушки, мины, гранаты и бутылки с горючей жидкостью. Осматривая одну насадку, я поднял руку, показывая товарищам, что свод совсем сгорел, как вдруг почувствовал, что кирпич под ногой сползает. В тот же миг снизу брызнул огонь. Это вспыхнула жидкость в раздавленной бутылке. Охваченные пламенем, мы едва успели выскочить из насадки и сорвать с себя загоревшуюся одежду. Такие сюрпризы тогда были обычны. Иногда из дымоходов доносилось вдруг угрожающее фырканье, и когда мы направляли туда свет факела, навстречу нам выскакивал огромный, взъерошенный, похожий на шакала, кот. В развалинах обитало много одичавших, разъевшихся на немецких трупах котов. Иногда вдруг раздавалось, как в настоящем лесу: ку-ку — кукушки куковали в цехе.

В поисках чего-нибудь пригодного для временного жилья мы заглянули на первом мартене через пролом в стене в здание так называемых бытовых помещений, где раньше находились столовая, раздевалка, души и тому подобное. От этого большого четырёхэтажного здания сохранился только нижний полуподвальный этаж. Оглядевшись при свете факела, мы увидели слева от себя ствол пулемёта, торчавший из отверстия во внутренней стене. Мы хотели уже пройти в комнату, в которой стоял этот пулемёт, но услышав в глубине помещения чьи-то шаги, остановились в нерешительности у пролома. Человек шёл со стороны выхода из здания на Волгу. Это был румынский солдат. Он нёс что-то в котелке. Заметив нас, румын испуганно отшатнулся, потом вышел на свет и поклонился.

— Мы — румынешко, работаем фабрика-кухня, гараж,— сказал он и прошёл мимо нас в тьму.

Мы не знали, что и думать: из дыры в стене торчит пулемёт, ходят какие-то румынские солдаты... И о какой фабрике-кухне, о каком гараже

говорит он? Что-то совершенно непонятное. Решили, прежде чем продолжать свое обследование, позвать кого-нибудь из красноармейцев.

Автоматчик, молодой, но, видно, бывалый парень, которому мы сообщили о своей загадочной встрече с румыном на первом мартене, заинтересовался:

— А, ну, покажите-ка, где вы его видели.

Он вошёл в этот полуподвал, не сняв даже с плеча автомата. Мы последовали за ним. Он осматривал комнаты, освещал их фонариком. В первых двух комнатах никого не оказалось, а в третьей, когда фонарик осветил верхнюю часть стены, мы увидели под самым потолком трёх румынских солдат, лежавших на подвесных койках. Койки были обыкновенные, подвешены на ломах, вбитых в стену.

— А, ну, слезай живо! Сдавай оружие! — крикнул автоматчик.

Румыны моментально спрыгнули с коек и стали сдавать оружие — лежавшие в углу винтовки, пистолеты. Тут же на полу стоял котелок, наполненный только что выловленной в Волге рыбёшкой. В комнате была железная печь. Она не топилась, но от неё ещё шло тепло. Должно быть, её топили по ночам.

По всему видно было, что эти румынские солдаты рассчитывали прожить здесь долго, может быть, до конца войны; наверное, думали, что много времени пройдёт прежде чем советские люди начнут разбирать эти развалины, а пока здесь можно скрываться, как в лесных дебрях, по ночам ходить оврагом на Волгу глушить рыбу. Им, конечно, и в голову не могло притти, что через несколько дней после окончания боёв здесь уже появятся советские инженеры и рабочие, чтобы начать восстановительные работы.

По правде сказать, и сами мы сначала не совсем ясно представляли, как будем восстанавливать свои цехи. Невольно возникала мысль, что легче построить новый завод где-нибудь в другом месте, чем разобраться в этом диком хаосе.

2

Прошло около шести месяцев после нашего возвращения с Урала в Сталинград. Мы уже жили во вновь отстроенном доме и как далёкое прошлое вспоминали те дни, когда ходили по развалинам завода с факелом. Мартеновский цех — и шихтовый двор, и рабочая площадка, и литейный пролёт — принимал свой прежний вид. По подъездным путям, во время боёв на метр заваленным землёй и битым кирпичом, снова бегал паровозик, двигались платформы с железным ломом и чугуном. Первая мартеновская печь была уже полностью восстановлена. Мы готовили её к эксплоатации.

По плану завод должен был дать первую плавку в июле 1943 года. Чтобы выполнить план, надо было начать загрузку печи шихтой не позже полудня 31 июля. Нам удалось это. И вот наступил торжественный день.

Для участия в торжестве выпуска первой плавки были приглашены на вечер многочисленные гости, представители общегородских и районных организаций, участники обороны Сталинграда. Выездная редакция «Комсомольской Правды» начала готовить специальный выпуск под заголовком «Есть сталь Сталинграда».

Печь вводилась в эксплоатацию под моим руководством комсомольской бригадой, отличившейся на восстановительных работах. Эта бригада в большинстве своем состояла из молодых ребят и девушек, приехавших на помощь Сталинграду из разных областей страны. Сначала они работали так же, как и все наши старые сталевары, вернувшиеся из эвакуации, на расчистке подъездов к цеху и самого цеха, потом на кладке печи, строительстве подъездных путей, восстановлении механизмов. Теперь комсомольцы стояли и на основном агрегате и на всех вспомогательных участках, начиная от погрузки шихты до разлива металла. Это было новое поколение металлургов, заменившее сталеваров, которые влились в армию и ушли с ней в наступление.

Первые два часа завалка печи шла нормально. Паровозик узкоколейки проталкивал в ворота печного пролёта один состав вагонеток за другим. Было уже завалено в печь одиннадцать тонн железного лома. И вдруг одна пустяковая как будто авария расстроила весь налаженный процесс работы. При восстановлении паровозика свисток оказался посаженным чуть-чуть выше, чем это разрешал габарит. Ударившись о ворота, свисток слетел. Пар вышел из котла. Чтобы поднять пар, нужно было два-три часа. А другого паровозика не было: мы успели восстановить только один.

Я думал, что делать? Поднимать ли пар в котле паровозика? Но пока мы поднимем пар, плавка может закиснуть, а это значит, что сталь не будет дана сегодня. А сколько было об этом разговоров: «Вот, думали, что не удастся восстановить завод, а мартеновцы на-днях уже дают сталь!». «Ведь это мартеновский цех, в этом цехе гвардейцы стояли насмерть!», «Мартеновцы не должны подвести, их цех окружён памятниками героям». И после этого — срыв плана, позорная отмена торжества, о котором уже оповещён весь город.

Только бы никто за стенами цеха не узнал о том, что у нас произошла авария, — думали мы. У всех была одна мысль: несмотря ни на что, плавка

должна быть дана сегодня. И сталевары, и машинисты, и грузчики подбегали ко мне встревоженные, спрашивали:

— Семён Павлович, не сообщайте ничего директору: хоть и вручную, а завалим печь во-время.

Все поняли, что другого выхода нет, и без всякой команды, как в бою, когда люди видят, что надо любой ценой спасать положение, перешли со своих участков на погрузку и подачу вагонеток вручную.

Вспоминаешь сейчас, как мы всем цехом, потные, подкатывали вагонетки с шихтой, и кажется, что всем нам тогда кто-то нашёптывал: «Эх, вы, как же это так случилось! Скорее, скорее заваливайте печь, пока еще никто не узнал об аварии!» Я всё думал, что вот придёт директор, увидит, что мы работаем вручную, поймёт, в чем дело, и скажет:

— Ну, теперь всё равно плавки сегодня вам не дать, план сорван.

— Нет, дадим, хоть в последние минуты перед двенадцатью часами, но сегодня, в июле, — мысленно отвечал я директору.

Мы выпустили плавку в 10 часов 15 минут вечера, когда стало уже совсем темно. Перекрытия над цехом ещё не было. Печь вводилась в эксплоатацию под открытым небом. Зарево от расплавленного металла поднялось высоко над Сталинградом. Я стоял в толпе гостей, смотрел вместе со всеми, как огненный поток металла лился по жолобу в ковш, думал, что вот рядом со мной стоят люди, которые ещё недавно сражались с врагом у этой печи, из которой сейчас льётся металл, и вдруг мне пришла в голову поразившая меня мысль: «Как же это так — ведь кровля над цехом ещё не восстановлена; торопясь дать плавку, мы и не подумали об этом. Что же теперь будет со светомаскировкой? Война ещё продолжается, город затемнён, возможны налёты вражеской авиации, а тут зарево, которое должно быть видно в радиусе 30—40 километров!». Но никто из собравшихся не обращал на это внимания, как будто теперь светомаскировка не имела уже никакого значения. Все поздравляли друг друга с выпуском стали. Сталевар Соколков, сын одного из старейших сталеваров нашего завода, вместе с отцом работавший на восстановлении печи, разливал ложкой металл по плите, и гости разбирали на память остуженные в ведре с водой лепешки стали. Некоторые, прежде чем спрятать в карман эту лепешку, долго смотрели на неё, ощупывали ее пальцами, точно это был не простой кусок металла, остуженного после взятия пробы, из расплавленной ванны, а что-то необыкновенное, какое-то чудо.

Наше дело

☆

А. М. ЧЕРКАСОВА

Кончились бои в Сталинграде. Вывели мы наших детишек из блиндажа. Даже не верилось, что можно ходить, не пригибаясь. Бойцы, которые около нас размещались, стали уходить куда-то, и решили мы с подругой — Ольгой Васильевной Долгополовой, — что надо домой вернуться. Потянуло на старое обжитое место. Пошли к себе на Мамаев бугор к остановке «Вторая верста». Что ж мы увидели? Поле боя и — всё. Первым делом побежали к роднику чистой воды напиться, по которой так соскучились. Перетащили потом сюда своих детей и пожитки; опять начали себе жилище строить. Получилась не то хатёнка, не то землянка, а все же старались, чтобы попрочней было. Тут мне пила-ножёвка и топор, которые все бои с собой таскала, пригодились.

Оттащили мы с Ольгой немецкие трупы от своего жилья. Трудно было сначала. Куда ни глянешь, трупы да ящики от патронов, ленты пулемётные, каски железные: всё с землёй перемешано. Пугал и скрип и одинокий выстрел. Детей наружу страшно было выпускать — того и гляди на минах подорвутся. Они, как всегда, с Долгополовой оставались, а я с Мамаева кургана сразу в город пошла; хотелось и мне на площади Павших борцов побывать, послушать людей на митинге. Давно я так много людей в одном месте не видела. Бойцы радовались, обнимали друг друга. До начала митинга все плясали и песни пели. Стояли мы тогда, гражданские, невдалеке от военных; вместе с ними слушали тех, кто на митинге выступал. Увидела я здесь впервые товарища Хрущева и генерала Чуйкова и других командиров, о которых много слыхала.

Бывало, думали мы с Ольгой, что уж никого в живых после таких боёв не останется, а оказалось, что вся площадь полным-полна. Со всех сторон войска идут — молодые, сильные наши ребята. А на некоторых полушубки беленькие, совсем чистенькие, как свежий снежок.

Вернулась я с митинга в свою хибарку. — Ну, говорю, всех наших полководцев видела! Рассказала я своей подруге о том, как на этой площади поклялись мы, сталинградцы, товарищу Сталину свой город восстановить.

Решили мы тогда пойти районную власть разыскивать. Встретила я свою знакомую Марию Петровну Лисунову, которая райОНО заведывала. Обрадовалась она мне и тоже говорит, что надо за дело скорей приниматься. Встретилась я и с Мурашкиной Татьяной Семёновной. Пошли мы по району. Шли и всё по сторонам смотрели, не осталось ли где какого уцелевшего домика или хоть какого уголка, который можно было бы на первых порах под жилье приспособить. Татьяна Семёновна меня спрашивает, как я собираюсь жить дальше, и тут же говорит, что нужно открывать в районе детские дома и о детях позаботиться.

Решили мы устроить в нашем районе первый детский приёмник на Ориенбургской улице в маленьком полуразрушенном домике. До последнего дня жили в нём немецкие офицеры. Видно было, мало кто из них выбрался отсюда живым. Весь этот домик был набит немецкими трупами. Вынесли мы трупы, хлам да мусор, стали всё мыть и дезинфицировать; лазили по немецким блиндажам, собирали одеяла, посуду, стулья... Бывало, смотришь — идёт к нам какой-нибудь военный, а на руках у него малыш. Из каких только ям тогда детей не вытаскивали.

Долго не могли мы достать в городе целого оконного стекла. В каком-то блиндаже нашли несколько зеркал, ободрали их и вставили в рамы вместо стекла.

Снова к жизни надо было привыкать. Жили мы тогда, женщины, очень дружно. Дети лягут спать, а мы сидим тут же, и не верится нам: неужели они в кроватках лежат, ножки свободно вытянуть могут. Сидим это мы, между собой вполголоса толкуем, а сами-то думаем — где сейчас бойцы наши, с которыми мы рядом жили... Ведь попрежнему они по сырой земле ползают, попрежнему себя не щадят. Как начали гнать врага от Сталинграда, так и не останавливаются. А здесь — занавесишь небольшие оконца и сидишь в тишине. Детишки во сне чмокают, улыбаются, кто вскрикнет тревожно — подойдёшь, разбудишь, перевернёшь на бочок, поправишь подушечку; он и опять спокойно спит.

Смотришь на них и думаешь: как наши дети жить будут.

Часто мне приходилось тогда в райкоме партии и в райисполкоме бывать. То Мурашкина спросит про детишек наших, то в райкоме партии товарищ Грачева какую мысль подаст. У них у самих были дети маленькие, они нашу нужду хорошо понимали.

Бывало, соберёмся мы все вместе и думаем, что бы ещё сделать, чтобы люди меньше лишений чувствовали. Я всегда говорила, что хоть и не специалисты мы по многим делам, а стоит нам только взяться, с любым делом

справимся. Ведь не одни мы. Тогда с каждым днём заметно было, как народу всё больше становится. Откуда к нам только ни приезжали: и из Сибири, и из Татарии, и из Башкирии; откуда только поезда ни приходили и чего только ни везли... Пойдёшь на станцию и видишь — поезда прибывают, а на вагонах написано: «Тебе, Сталинград».

Как-то уж летом слышу я разговор о том, что на площади 9 января большой четырёхэтажный дом восстанавливать начали. Ну, думаю, хорошо; не всё людям в палатках да под лестничными клетками жить. Про дом тот много разговоров шло. Мы уже давно на передовой от солдат слыхали, что был среди них сержант Павлов, который как занял этот дом, так ни на шаг от него и не отступил. Нам ещё в военных газетах и в листовках про него статьи читали. Всех тогда воинов призывали быть такими же, как этот сержант. Так и прозвали этот дом, ещё когда оборона была, «Домом Павлова».

А теперь, бывало, иду, смотрю на этот дом по середине площади, так же, как и другие, побит он снарядами — и думаю, как чудно: Дом Павлова. А какой он собой, этот Павлов? Может быть, и я его когда видела, этого Павлова, что за герой?

Как-то зашёл среди нас, женщин, разговор про Дом Павлова; начали вспоминать о том, какие рядом дома стояли, как мельница под огнём немцев работала, как туда за мукой ездили, все завидовали тем людям, которые снова жить будут в знаменитом доме.

Слышим, восстанавливать тот дом начали, да рабочих рук нехватает. Повели мы, женщины, между собой разговор об этом и решили, что надо нам, женам фронтовиков, за него взяться. Наше дело помочь строителям Дома Павлова.

Посоветовались мы с районными работниками; говорят они нам: лиха беда — начало, мы вам поможем. И тут же дали совет, как лучше к делу приступить. Вот и вышли мы тринадцатого июля, в воскресный день, к Дому Павлова целой бригадой. Были среди нас разные женщины: воспитательница Кузубова Мария, муж ее в армии погиб, и молодая девушка комсомолка Маруся Вилячкина, подруга моя Долгополова и другая воспитательница нашего детского дома Мартынова Александра Васильевна. У неё четыре сына в армии были, и с собой на работу она взяла пятнадцатилетнюю дочь Людмилу.

Перед тем как приступить к работе, осмотрели мы дом. Вслух надписи на его стенах читали. Кто-то написал на уцелевшей стене чёрной краской: «Мать-Родина, здесь насмерть стояли гвардейцы Родимцева. Этот дом отстоял гвардии сержант Я. Павлов».

Сталинградцы начинают восстанавливать свой город

Приступили мы к работе: взялись за расчистку, начали мусор таскать. Работаем и смеёмся: вот бы Павлову сейчас посмотреть, как женщины-домохозяйки вместе с молоденькими девчатами теперь в его доме хозяйничают.

Меня в первый же день бригадиром выбрали. Должно быть, потому, что уже знали, что я строительным делом люблю заниматься. Уж так у нас повелось: кому гвоздик, топор или пилу — всегда ко мне.

День был солнечный, настроение у всех было хорошее. Поработали мы несколько часов, во вкус вошли; я не заметила, как ко мне какой-то мужчина высокий подошёл, говорит:

— Товарищ, на одну минуточку; я — корреспондент из «Сталинградской правды».— Ну, и начал меня расспрашивать о том, как это мы додумались бригаду такую собрать. Я ему о том, что думала, и рассказала. Он говорит: — Дело хорошее.

— Конечно, хорошее,— отвечаю я ему.— Это мы здесь только детсадские, а если бы другие сталинградки за это дело взялись, нас бы здесь не столько было.

А он говорит: — Вы бы об этом в газету написали.

Подозвала я наших комсомолок, студенток. Составили мы обращение, в котором призывали сталинградцев трудиться на восстановлении родного города так же самоотверженно, как борются с врагом наши отцы, мужья и братья; подписались под обращением, а потом снова за работу принялись.

Через несколько дней смотрим — в газете наше обращение на видном месте напечатано.

Стали мы ежедневно с пяти-шести часов вечера, после того как заканчивали свою смену в детском саду, выходить на работу к Дому Павлова. Очень я была довольна, когда в следующий выходной день, двадцатого июля, к Дому Павлова со всех сторон нашего района начали сходиться женщины — и с Метизного завода, и с Мясокомбината, и с холодильника. А кроме того, домохозяйки — молодые и пожилые. Даже два инвалида Отечественной войны пришли, говорят: «Мы вам не помешаем, позвольте и нам в этом деле принять участие».

Разбились мы на бригады,— всем хватило дела. Кто воду с Волги для извести и цемента на стройку коромыслами таскает, кто кирпич наверх носит.

Мартынова наша повязала фартук, боевая этакая, говорит: «Война кончится, сыны мои придут, будут работать, а сейчас я за них».

Вымажемся мы все — кто в извести, кто в глине,— после работы идём на Волгу купаться. На работу и с работы мы всегда шли с песнями. Затянем «Провожала мать сыночка...», далеко слышно — сталинградки идут.

Как придёшь с постройки в детский сад, даже детишки, если не спят ещё, про работу спрашивают. И дочурки мои все допытываются: «Ну, как, мама, перекрыли?».

Спрашивали меня разные люди — трудно ли нам. Конечно, трудно было. Но потрудишься и думаешь: а всё же пот не кровь; труднее тем, кто кровь свою за Родину проливает.

Вначале землю таскали, копали, подготавливали и котлованы, и траншеи, а потом заделались и штукатурами, и за кладку кирпичей взялись. Один раз кирпичную стенку выложили; говорят нам — плохо. Три раза её разбирали, а все-таки вывели. Мне особенно нравилось укладывать кирпичи. И у меня сначала кирпичи ходили то влево, то вправо, то вниз, то вверх; а потом стала я класть кирпич к кирпичу. Стоишь, бывало, наверху, смотришь с четвёртого этажа на город и думаешь: сколько нужно труда, чтобы снова повсюду здесь дома стояли. Сколько это надо кирпича уложить! Но ведь не одна я здесь. Так, по камешку, по камешку и дело начнём.

Мы ещё строили, ещё штукатурка не успела высохнуть, а уж на наших глазах в Доме Павлова первые готовые комнаты заселялись, детишки появились. Бывало, смотришь — какой-нибудь карапуз кирпич схватит и тоже наверх тащит. Даже дети у нас в детском саду стали из кубиков «дом Павлова» складывать.

Когда отстроили мы свой первый дом, Дом Павлова, крепко благодарили нас строители за помощь, а мы их за ученье.

Как-то в те дни со мной иностранные корреспонденты беседовали, всё спрашивали, чем я от других женщин отличаюсь — пешком ли я на работу хожу или на автомобиле езжу, какая, мол, у меня сила? Ну, что было на это ответить, смеюсь: конечно, пешком, а сила у меня самая обыкновенная — двенадцать лошадиных сил. Не знаю только, что им переводчик передал. Конечно, сила самая обыкновенная у всех у нас была. А сильны мы были только желанием как можно скорей хорошую жизнь наладить.

С Дома Павлова и пошло. Начали женщины по своей охоте и за другие дома браться. Приехали в Сталинград девушки-сибирячки, посмотрели, как мы Дом Павлова восстанавливаем, и решили восстановить дом, который защищали в Сталинграде их земляки.

Черкасовские бригады на восстановлении города

Стало таких бригад, как наша первая, не сотни, а тысячи. После основной работы выходили женщины восстанавливать цехи на Тракторном и на «Красном Октябре». Всерьез стали мы строительные профессии изучать. Сотни женщин получили удостоверение о том, что стали они кто каменщиком, кто штукатуром, кто плотником.

Чего только ни делали тогда наши добровольцы: и трамвайные пути укладывали, и металлический лом собирали, тротуары очищали, вывозили шлак на ремонт шоссейных дорог, завалы разбирали и фундаменты рыли, водопровод прокладывали, клубы и кинотеатры строили. Потом стали и цветы сажать, окапывать деревья в садах, ямы рыть для новых посадок. Много новых скверов, бульваров будет у нас в Сталинграде. На Мамаевом кургане решили центральный парк разбить. Там, где мы по буграм ползали, газоны будут да клумбы, а у подножья нашей горы, как объяснили мне архитекторы, будет стадион.

Моей бригаде пришлось как следует поработать, чтобы от других не отставать.

Я сейчас работаю в детском саду, который мы сами заново отстроили — от фундамента до крыши; всё своими руками за одно лето сделали. До сих пор наша бригада держит два переходящих знамени — одно районное, другое городское.

Когда узнали о нашей работе бойцы на фронте, начали они с нами переписываться. Интересно было им знать, как теперь в Сталинграде, за который они воевали, люди живут. Большая переписка у нас с фронтами началась. А вот от товарища Павлова всё писем не приходило. Мы уж думали, что он погиб на войне. А оказалось, что ранен был, в госпитале лежал.

Пришлось всё же нам с ним встретиться. Уже кончилась война, как узнали мы вдруг, что приехал к нам в гости товарищ Павлов Яков Федотович, привёз нам привет от гвардейцев дивизии Родимцева.

Приехал он уже к нам не сержантом, а младшим лейтенантом, на груди его была Золотая Звезда Героя Советского Союза, планки орденов и медалей и две полоски о ранениях. А сам он такой невысокий, худенький, сероглазый. Я вначале не знала, с чего начать разговор, волновалась, вижу и он как-то смущается — кругом народу много. Поздоровались мы, и сразу почувствовала я себя с ним так, словно на одной улице в детстве росли.

Товарищ Павлов несколько раз обошёл фасад своего дома, заглядывал во все подъезды, со всеми жильцами здоровался, всё благодарил нас, строителей, и приветы от товарищей передавал.

А потом, окружённый детворой, пошёл он на площадь 9 января, где в братской могиле похоронены гвардейцы, с которыми вместе Павлов сражался. Долго он у могилы молча стоял, а потом сказал детям:

— Это они за ваше счастье жизни своей не пожалели.

Собрались мы все вместе в квартире одного фронтовика, товарища Жукова. Он теперь жил в Доме Павлова. Собрались мы за праздничным столом, вроде как на новоселье. Много нас народу было, удивительно даже как все и разместились: и жильцы были, и работники Дзержинского райкома партии, даже делегаты от предприятий к нам на вечер пришли. Лучший кондитер в городе прислал товарищу Павлову огромный торт. Отрезали первый кусок торта и положили на тарелку Павлову, а второй кусок мне положили. Выпили мы по бокалу в честь наших славных защитников, в честь гвардейцев Родимцева, а потом тост был за нас, сталинградских женщин.

Еще с многими сталинградцами встречался Павлов, и мне приходилось бывать при этих встречах.

Встречались мы всё на вечерах да на митингах, а как-то пришёл он и домой ко мне — детишкам гостинцев принес. Уселись мои девчонки к нему на колени, начали ему волосы теребить и все его отличия рассматривать. А он стал рассказывать нам запросто свою историю. Из госпиталя не удалось ему вернуться в родную дивизию генерала Родимцева. В других частях он воевал и даже не знал о том, что давно уже присвоено ему звание Героя Советского Союза. А как-то попался в его руки журнал, в котором снимок был помещён, как мы на восстановлении Дома Павлова работали, он и сказал своим товарищам: «Вот, посмотрите, дом в Сталинграде, который я оборонял». Только после этого узнали, что он и есть этот самый сержант Павлов. Снова тогда связался товарищ Павлов со своей дивизией, затребовали они его к себе. Вернулся он в свой полк, которым в дни обороны полковник Елин командовал: вместе с этим полком до Берлина дошёл.

Долго в тот вечер разговаривали мы о войне да о мирной жизни.

Когда собрались мы провожать товарища Павлова, снова подошли к его дому. Попрощался он с жильцами да с детишками, а перед тем как сесть в машину, написал он на фасаде здания: «Дом у Черкасовой принял пригодным для жилья».

Возвращённое детство

☆

Е. ВОЛОШКО

Не успели замолкнуть в Сталинграде последние выстрелы, как бойцы и командиры стали собирать в освобождённых от немцев районах детей, ютившихся в щелях, подвалах, туннелях, блиндажах.

В Дубовке, на Волге, для них был организован специальный детский дом.

Одежду этих детей пришлось уничтожить, так как она была сплошь покрыта насекомыми. Запаса одежды в детском доме еще не было. Стирать

Дети пошли в школы

бельё приходилось, когда дети спали, чтобы снова надеть его, когда они встанут. Не было у нас тогда ещё и никакого оборудования. Это были трудные дни. Ведь некоторые дети попали к нам настолько истощёнными, что не в состоянии были двигаться. Они ещё не оправились от страха; их продолжали преследовать перенесённые ими ужасы войны. Когда ночью над Дубовкой пролетал самолёт, дети поднимали отчаянный крик, бросались к няням, цеплялись за их одежду и долго не могли успокоиться. Так воспринимали они не только гул самолётов, но каждый резкий неожиданный звук на улице или в доме. Особенно тяжело переносили дети первые весенние грозы. Их пугали удары грома. Они кричали: «Бомбят! Бомбят!»

Лене Бесфамильной было всего четыре года, когда она попала в наш детский дом. Она не играла с детьми, исподлобья хмуро смотрела на всех.

Однажды, рассматривая журнал, Лена вдруг дико вскрикнула. Она увидела на картинке немца. «Это он убил мою маму!» — закричала она.

На глазах пятилетней Гали Ивановой фашисты убили её мать, братишек и сестрёнок. Она осталась одна и выжила только потому, что ее кормила какая-то незнакомая женщина. Первое время по приходе в детдом Галя страдала тяжёлой бессонницей, боялась малейшего шороха, ни на шаг не отпускала от себя воспитателя или ночную няню.

Некоторые дети в течение нескольких месяцев не проронили ни одного слова. Нам, воспитателям, было тяжело смотреть на них. Посмотришь — и невольно отвернёшься. Некоторые воспитательницы едва сдерживали слёзы.

Вова Милов как-то подошёл к воспитательнице и сказал ей: «Тетя, убейте меня, я не хочу жить!». «Зачем ты так говоришь?» — возмутилась воспитательница. «А что ж, у меня нет мамы» — ответил ей Володя.

Раньше других стали круглолицыми и весёлыми дети, которых в дни осады приютили у себя красноармейцы.

Вот Вадик Богатырёв. Когда его привезли к нам, этот мальчик показался мне таким крохотным, что я не удержалась и невольно воскликнула: «Ой, какой маленький, что ж мы с ним будем делать!». Вадик понял, что это относится к нему, посмотрел на всех и гордо заявил: «Я маленький, да удаленький». Странно было слышать это от такого малыша. Сестрёнка его Аля рассказала нам, что папа их на войне, а маму убило, когда они бежали на переправу. Красноармейцы нашли его под трупом матери. «Я думала, что он убит,— рассказывала Аля,— с Вадика

текла кровь, но он оказался жив и даже не был ранен. Это была кровь нашей мамы».

Первое время все дети рисовали только на одну тему. Нарисуют кружочки, а потом объясняют, что это советский самолёт сбросил бомбу на немецкий танк и танк загорелся. Нарисуют кружочки и палочки, обведут их красным карандашом и говорят: «Это убитые лежат — без рук, без ног, в крови». Только позже, через несколько месяцев, дети стали рисовать и птиц, и грибки, и цветы.

* * *

Мы были свидетелями незабываемых встреч.

Как-то ночью на пристани в ожидании парохода я услышала, что кто-то спрашивает о нашем детском доме. Оказалось, что это приехал отец Люды Вакс. Парохода не было, и я вызвалась довести его до детского дома.

Дети спали. Я подошла к кроватке Люды. Она проснулась.

— Людочка, знаешь кто к тебе приехал?.. Твой папа.

Люда от радости обвила меня руками, прижалась, а потом стала поспешно одеваться. Она спросила меня:

— Как же я ему скажу, что маму убили; он ведь расстроится.

— Он, должно быть, уже знает об этом, — успокоила я ее.

Люда вошла в зал. В зале было темно. Отец поймал её и прижал к себе.

— Людочка, скажи мне что-нибудь,— глотая слёзы, тихо сказал он.

— Папа, маму убило,— сквозь слёзы также тихо ответила девочка.

В зал принесли свет. Утирая слёзы, девочка взглянула на отца и сказала:

— Папа, ты уходил от нас молодым, а теперь, посмотри, ты совсем седой. Помнишь, у тебя сумка была за поясом?

— Да, Людочка, помню. Тогда я был моложе.

Жили у нас в детском доме две девочки, сёстры-близнецы, Лена и Галя. Голубоглазые, хорошие девочки. Они были удивительно похожи друг на друга. Мать их считали погибшей, а отец был на фронте. Галя всегда спрашивала нас, где её мама. Однажды она исчезла. Её искали всюду, но не могли найти. Заявили об этом в милицию, звонили по телефону по всем пристаням, наконец, узнали, что Галя прибежала на пристань в то время, когда у пристани стоял большой пароход «Пионерский лагерь». Её обступили пионеры; спрашивали, о чём она плачет. Галя

ответила, что она разыскивает маму. Пароход ушёл, и Галя уехала с пионерами, вверх по Волге.

Леночка плакала по своей сестрёнке и всё ждала, когда Галю снова привезут в Дубовку.

Прошёл месяц. Однажды во двор детского дома вошла женщина с большим чемоданом. Она остановилась и стала внимательно вглядываться в лица пробегавших детей. К ней подошла воспитательница. Женщина поставила чемодан на землю, вытерла пот с лица и спросила:

— Скажите, пожалуйста, у вас находятся две девочки Косьяненко — Галя и Лена?

Лена выбежала из толпы детей и с криком бросилась к матери. Мать и дочь, обнявшись, горько рыдали.

— Где же Галя? — спросила мать.

— Она поехала тебя искать,— ответила девочка.

Мать этих девочек рассказала нам свою историю. Во время бомбёжки она была тяжело ранена. Ее подобрали бойцы, а двух ее девочек завалило, и только недавно, после долгих поисков, она узнала о том, что они живы.

Трёхлетний Шурик Арьков ничего не знал о своих родителях. Когда его спрашивали: «Шура, где твоя мама?» — он отвечал: «Вот она» — и указывал на свою воспитательницу. И вот однажды утром в детский дом пришёл мужчина-инвалид и заявил, что здесь находится его сын, Арьков Шура, но в лицо он его не знает, потому что сын родился, когда он был на фронте. Ему показали сына. Он взял его на руки, стал целовать. Мальчик смотрел на него как на чужого, а потом крепко прижался к нему.

В нашем доме было много детей, матери которых погибли в Сталинграде, а отцы сражались на фронте. Приезд каждого отца-фронтовика был большим событием в нашей жизни.

— Скоро и к нам приедут папы,— говорили дети, когда кто-нибудь из вернувшихся с фронта военных увозил от нас сына или дочку.

Конечно, в дни войны все советские дети особенно тянулись к военным. Но мне кажется, что у маленьких сталинградцев, которые пережили всю оборону в окопах и блиндажах, это тяготение было особенно сильно.

В Дубовке стояла воинская часть. Эта часть помогала нам перевозить дрова, сено, овощи. Бойцы ежедневно подвозили нам воду. Военные приходили к нам, становились в круг с детьми и играли вместе с ними. Особенно полюбили наши дети капитана Пучкова. Они называли его дядей Митей. Когда дядя Митя встречал детей на улице, он останавливал свой мотоцикл и каждому позволял посигналить. Однажды дети задумали при-

Эти дети спасены

гласить дядю Митю на свой праздник. Они пошли в штаб и заявили об этом. Но в штабе не знали, какого дядю Митю они хотят пригласить, а дети не знали фамилию своего любимца. Но всё же дядю Митю, которого требовали дети, разыскали, и он появился на празднике.

Как-то нам сообщили, что в детский дом едут гости — гвардейцы с фронта — и везут детям подарки. Стоявший недалеко Толя Гончаров, услышав эту весть, всплеснул руками и быстро побежал по лестнице.

— Ребята! Ребята! К нам едут гвардейцы с фронта!

— Гвардейцы едут! Гвардейцы! Давайте приведём в порядок комнаты, чтобы гвардейцы нас похвалили,— воскликнула шестилетняя Нина Бесфамильная.

— Ребята, а вы знаете, кто такие гвардейцы? — спросила воспитательница.

— Знаем. Это самые храбрые. Это они побили немцев в Сталинграде.

К нам приехала делегация гвардейского механизированного соединения которым командовал гвардии генерал-лейтенант Обухов.

Дети с крыльца хором приветствовали гостей.

Обычно после ужина дети шли в спальню. На этот раз, в честь приезда гвардейцев, им разрешили побыть в зале с гостями.

Шестилетний мальчик, теребя кудрявые волосы майора Суворова, спрашивал:

— Дядя, правда, что вы гвардеец?

— Дядя, а вам на фронте дают сметану? — спрашивал Толя Гончаров, сидя на коленях у другого гвардейца, и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Нет, вам на фронте нельзя есть сметану, потому что пока вы её будете кушать, немец может вас окружить; ведь сметану кушают маленькой ложечкой, а это очень долго.

Несколько дней прожили гвардейцы в гостях у детей. Они помнили, какими были наши дети, когда их собирали по подвалам и блиндажам. Теперь это были обыкновенные, весёлые советские ребятишки. Наши воспитанники давно окрепли, поправились и успокоились. Вова Милов уже не говорил о том, что не хочет жить, а весело и задорно играл с детьми; Галя Иванова уже спала безмятежным детским сном. Прогулки на Волгу, в сады, в степь, в парк отвлекли детей от мрачных мыслей, а твёрдый режим, усиленное питание и пребывание на воздухе покрыли их щёчки здоровым румянцем.

Открытие школы

☆

П. Е. БУРОВА

Мы с мужем давно учительствуем в Сталинграде, на «Красном Октябре». А в эвакуацию жили в селе Караваинка, километров полтораста от Сталинграда вверх по Волге. Пешком сюда пришли, вещи на тачке везли по песчаному берегу вчетвером,— я, муж, дочь и сын. В Караваинке устроились неплохо — своим любимым делом занимались: муж был директором школы, я географию преподавала. Но когда услышали по радио, что бои в Сталинграде окончились, немцы капитулировали, потянуло в родной город. Я думала: хоть развалины там одни остались, а все-таки Сталинград!

Муж мой не мог бросить свою должность, а мне то, что он директор, на руку было. Я прямо сказала ему:

— Хоть ты мое начальство, но спрашивать тебя не буду, уйду и всё.

Сына я оставила с мужем, а Ирина, дочь моя, тоже решила вернуться в Сталинград. Она в начале войны окончила десятилетку, а потом до эвакуации работала фрезеровщицей на Тракторном.

Отправились мы с ней вдвоем, положив в сумочки по паре белья, немного пшена и сухарей. Шли Волгой, по льду. Оттепель была, неледь, дождь шел со снегом, а за Пролейкой, где мы ночевали, метель разыгралась. Дорога стала теряться: ничего не видно, и вдруг вода заблестит, выступает из-подо льда.

У меня сердце больное. Чувствую, что не в силах дальше итти: пройдёшь пять шагов, а ветер на десять назад отнесёт. Стоим, не знаю, что делать; хочу уже возвращаться, но дочь умоляет:

— Мамочка, ну ещё немножко — может, попутная машина нагонит.

— Какая,— говорю,— машина в такую метель поедет Волгой!

Идём дальше. Стараемся только дороги держаться. Страшно стало, думала, что заметёт нас. Дочь тоже уже начала выбиваться из сил. Вдруг, слышим, позади нас что-то тарахтит. Это была машина, нагруженная железными бочками.

Просим подвезти.

— А вам куда? — спрашивает шофёр.

— В Сталинград,— говорим.

Шофёр смеется:

— Садитесь скорее, а то вас ветер в другую сторону несёт.

Машина довезла нас быстро.

И вот поднимаемся с Волги по разбитой лестнице к «Красному Октябрю». Вокруг трупы немцев и дощечки с надписью «мины». Ни одной целой стены. Приходим к своему дому — сгорел. Мёртвая тишина, пустота. А ведь пять месяцев назад по этой улице шли трамваи, мчались автобусы, автомобили; рядом громыхали пригородные поезда! Впереди, за железной дорогой, стояло одно из самых красивых в районе зданий — 90-я школа, в которой работал муж, учился сын. Позади, ближе к Волге, была 35-я школа. Здесь я работала, училась дочь. Ничего нет — всё уничтожил враг.

Стоим в тяжёлом раздумье возле пепелища своего дома: куда итти, где будем ночевать? Мимо изредка проходят люди. Думаю, куда они идут, где живут?

Две женщины катят тачку. В одной из них дочь узнает свою знакомую, Марию Опачину. Эта женщина приглашает нас к себе и спешит поделиться своей радостью: сегодня получила немного муки, первый паёк.

Она жила в блиндаже на берегу Волги. Никогда не забуду я того, что увидела, войдя в эту сырую и тёмную яму. Нас встретила седая, костистая старуха с чёрным, точно обуглившимся лицом и маленькая, худенькая девочка, выглядывавшая из темного угла.

В детстве мне было очень страшно, когда я смотрела на картинку, изображавшую смерть с косой в руке. Старуха напомнила мне эту картинку. Оказалось же, что это вовсе не старуха, а женщина моих лет. Фашисты убили её мужа, отобрали все продукты, одежду. Во время боёв ей не раз приходилось под пулями перебираться со своей дочерью из одного укрытия в другое.

Первую ночь в блиндаже, несмотря на страшную усталость, я не могла спать. Постелила свое кожаное пальто, дочь легла, а я села у ее изголовья и всю ночь сидела, думала. В эту ночь я думала, хватит ли у нас с дочерью сил, чтобы перенести лишения, которые ожидают здесь. Что Сталинград разрушен, я знала до прихода в город, но что он до такой степени разрушен, не предполагала. Я думала, пошла бы я в Сталинград или нет, зная всё, что встречу здесь. И спрашивала себя: не лучше ли вернуться назад? Убеждала, что шла не для того, чтобы возвращаться, и тут же ловила себя на мысли, что я шла работать в школе, а школы нет и даже места нет, где можно было бы собрать детей.

Утром я вышла из блиндажа, так и не решив, что делать. Не знаю, что думала дочь. Она была тоже испугана тем, что мы увидели, но на мой вопрос, как быть, ответила твёрдо:

— Надо искать власть.

Райисполком помещался тогда за Банным оврагом, в посёлке Лазурь, в маленьком сарайчике с железной печкой. Там я встретила заврайоно товарища Ивину. Она очень обрадовалась, увидев меня, и не стала спрашивать, останусь я или нет, а сразу заговорила, что надо скорее собирать детей и открывать школу.

Долго беседовали мы с ней, советовались, как приступить к работе. Она мне сказала, что в посёлке уцелело несколько подвалов, один из которых можно использовать под школу. Я пошла осматривать этот подвал уже без всяких сомнений, окончательно решив, что остаюсь в Сталинграде.

Райисполком дал нам с Ириной отдельный блиндаж на берегу Волги. Мы быстро оборудовали его: притащили найденную среди развалин кровать, поставили ящик вместо стола, в дверь вставили стеклышко, заменившее нам окно. Одного нам нехватало — котелка, в котором можно было бы сварить что-нибудь. Мы пошли на поиски его и нашли на берегу среди валявшегося здесь мусора. Красноармейцы, жившие в соседнем блиндаже, увидев, как мы чистим найденный котелок, принесли нам вечером ведро и тазик для хозяйства. От этих красноармейцев мы узнали, что в развалинах завода еще скрываются отдельные немцы, и, испугавшись, решили на ночь припирать чем-нибудь дверь.

Дочь взяли работать в райисполком. Она составляла списки населения на получение продовольствия, а я тут же собирала сведения о детях школьного возраста. Но не все родители могли сами притти в райисполком. Те, кому пришлось жить на территории, занятой немцами, обессилев от голодовки, не вылезали из своих убежищ. Я ходила по посёлку и разыскивала детей по блиндажам и ямам. Идёшь, видишь яму, прикрытую досками или старым железом, тряпками; заглянешь в неё — люди живут.

Первое время, пока сапёры не разминировали освобождённой территории, страшно было ходить — куда ни повернешься, всюду дощечки с надписью «мины». Однажды, возвращаясь из посёлка в свой блиндаж, задумалась о чем-то и вдруг вижу впереди надпись «мины», оглянулась назад — «мины», шагнула в сторону — «мины». Я думала: сейчас вот шагну и взорвусь, а вблизи ни одной живой души нет. Самым ужасным мне почему-то казалось то, что никто не узнает даже, куда я исчезла.

Задымили заводы

Будь кто-нибудь поблизости, я бы так не испугалась. Хорошо ещё, что не совсем стемнело, следы свои на снегу увидела — по ним и вышла назад.

Подвал, выделенный под школу, находился за Банным оврагом. Там особенно много было мин. Пока доберёшься, не раз подумаешь, что сейчас тебя разорвёт на куски.

Несколько дней я откапывала этот подвал: окно его завалило землёй при взрыве авиабомбы. Земля оледенела: лопатой не возьмёшь, только ломом. А тут ещё разбитая телега вмёрзла в землю. Мучение с ней было, я отпиливала её по кусочку — отпилю и снова долблю. Раскопала окно, стала очищать подвал от хлама. Он завален был поломанными железными кроватями.

Тяжело приходилось так, что иной раз, измучившись за день, едва дойдёшь до своего блиндажа, свалишься на койку и плачешь. Чего плачешь, сама не знаешь; просто тяжело. Снабжение еще не налажено было, продукты на машинах возили из-за Волги, а уже распутица наступила: застрянет где-нибудь машина, и жди, пока её вытащат или другая придёт. Ляжешь голодной, кажется, что утром нехватит сил подняться с постели, плачешь, а проснёшься, подумаешь, что скоро школу откроем, снова с детьми буду заниматься, и бежишь, как молоденькая, торопишься вымыть, побелить подвал.

Когда дети начали собираться, легче стало — все помогали мне. Первой пришла пятнадцатилетняя Мария Милосердова. Она привела в школу свою младшую сестру Зину, которой заменяла мать, убитую немцами на ее глазах. Потом пришла Люба Горшкова. У неё брат и сестра погибли при бомбёжке, отца-ополченца немцы заживо сожгли в сарае, где он лежал раненый.

После всех потрясений и ужасов детям сначала не верилось, что они опять будут учиться, как учились раньше, сидеть в классах, готовить уроки.

Двенадцатилетний Юра Текутов, который убил из дробовика немца, когда тот хотел отобрать последний оставшийся в семье кусок хлеба, спрашивал меня:

— Неужели мы снова будем ходить в школу?

Подвал стал чистенький — вымытый, побеленный; но в нём ничего не было — голые стены. Дети беспокоились:

— А на чём мы будем сидеть? А где мы возьмём классную доску?

Оборудование пришлось собирать среди развалин. Мы ходили осторожно, по протоптанным дорожкам, чтобы не наступить на мину. Какая радость была, когда находили что-нибудь нужное: стол, скамейку или

учебник — в груде сваленных книг. Классной доски найти не удалось, но вместо нее мы повесили на стену крышку стола, окрашенного зелёной охрой.

Хотелось как-нибудь украсить школу. Дети много находили цинковой бумаги, в которую, кажется, завертывались мины. Мы решили использовать ее для плакатов: вырезали из этой бумаги буквы и наклеивали их на красную бумагу. Плакаты получались очень красивые, буквы блестели. Лозунги были прежние: «Хорошая учёба — наш долг перед Родиной», «Будем учиться так, чтобы товарищ Сталин «отлично, ребята» сказал», но дети воспринимали их теперь как-то по-новому, очень живо. Эти малыши уже не только знали, но и чувствовали, что такое долг, Родина.

Кто-то из детей нашёл старый журнал с портретом товарища Сталина, прибежал с ним в школу, крича:

— Сталин! Сталин!

Дети окружили его и долго молча разглядывали этот портрет. Я чувствовала что каждый из них о чём-то думает серьёзно, как взрослый.

Мы решили вырезать портрет из журнала и повесить его в школе. Ребята разыскали лист толстой бумаги, наклеили на него портрет и сами смастерили рамку.

Никогда я не испытывала такого удовлетворения от своей работы, как в день открытия школы. Ребята стали собираться задолго до начала занятий и сразу же усаживались за столы, чтобы занять место — боялись, что для всех нехватит.

У нас было два длинных стола, сбитых из четырёх маленьких. Каждый класс имел по одному столу. Сначала занимались первый и второй классы, потом третий и четвёртый. Но только я начала заниматься с младшими, как старшие стали подходить. Спрашиваю:

— А вы чего? Вы же во вторую смену.

— Мы подождём,— говорят.

Ни за что не хотели уходить, стояли тихонечко у двери и ждали, пока я кончу заниматься с младшими.

После занятий мы всей гурьбой ходили на расчистку места под фундамент новой школы. Ее начали строить весной. Теперь вот, когда дети снова учатся в просторных светлых классах, вспоминаешь то время и думаешь: «Да, трудно было, но как хорошо, что мы не побоялись лишений».

Первый урок

☆

А. Ф. УЛАНОВА

С учительницей Валентиной Григорьевной Скоповой, приготовив всё, что надо было к началу занятий, мы вышли за изгородь встречать учеников.

На дороге показался мальчик. Издали он выглядел совсем крохотным. Мы следили за каждым его шагом. Вот он — перед нами — бледненький, худенький; в руке у него маленькая парусиновая сумочка.

— Ты в школу? — спросила его Валентина Григорьевна.

— Да.

— А сколько тебе лет?

— Скоро уже семь с половиной.

— А как зовут тебя?

— Геннадий Алексеевич Хорьков,— серьезно ответил мальчик.— Я уже знаю буквы и умею считать до ста.

— Ты молодец, Геннадий Алексеевич, но только я буду звать тебя Геной. Я своих учеников называю по имени, хорошо, Гена?

— Ладно,— ответил мальчик.— А вы нам расскажете о Рокоссовском и о Чуйкове? — спросил он.

— Обязательно расскажу,— пообещала Валентина Григорьевна.

Когда стали подходить другие ученики, мы взяли Гену за руки и торжественно повели его по лестнице. После боёв в Сталинграде мы несколько дней очищали эту лестницу от камня и железа, пока пробрались на третий этаж, где обнаружили каким-то чудом уцелевшую комнату. Она была заставлена нарами в три яруса. Пол зиял большими провалами; не было ни потолка, ни рам, ни дверей. Теперь эта комната имела уже приличный вид. Только в рамах не было ни одного стеклышка. Но это не остановило нас; мы решили открыть школу, не дождавшись, когда удастся нам остеклить первый восстановленный класс.

...Мы ввели детей в класс и поздравили их с началом занятий.

Я также села за парту и раскрыла свой блокнот, чтобы коротко записать первый урок.

— Дорогие дети! — с волнением начала Валентина Григорьевна.—

В городе строятся новые школы, клубы и стадионы

Свой первый урок я хочу посвятить нашему родному городу, городу-герою, который носит имя великого вождя.

Валентина Григорьевна остановилась, внимательно оглядела учеников, посмотрела на портрет товарища Сталина и продолжала: «Сталинград — город особенный. Сам товарищ Сталин не раз называл его городом-героем. Двадцать пять лет назад на молодую Советскую республику пошли походом четырнадцать государств. Капиталисты не хотели, чтобы свободный советский народ был хозяином своей страны. Наш город тогда назывался Царицыном. К нему подступили враги. Тогда Ленин направил сюда товарища Сталина, и Сталин отстоял Царицын. Знаете ли вы, дети, об этом?»

— Мой папа воевал за Царицын,— поднял руку один из старших учеников.

— Мой дедушка тоже воевал, у него есть за Царицын орден,— сказала одна девочка.

— Здесь, на берегу Волги,— продолжала учительница,— наши советские люди за двадцать пять лет построили большой, прекрасный город, построили Сталинградский тракторный завод, который выпускал замечательные тракторы; хорошо мы с вами жили здесь до войны. Помните, какие улицы были, какие театры! Какой чудесный Дворец пионеров у нас был... А музыкальные школы, детские технические станции, клуб имени Павлика Морозова. Все это было предоставлено ребятам.

Вы помните, как в прошлом году к нам в город ворвались дикие варвары. Сто шестьдесят два дня шла здесь кровавая битва.

— Сто шестьдесят два дня? — переспросил кто-то.— А это много?

— Да, это очень много,— ответила Валентина Григорьевна. И она начала рассказывать детям о том, как их отцы и братья, ополченцы Сталинграда, сражались вместе с Красной Армией за родной город, как бились на наших улицах сталинские гвардейцы, как сержант Павлов с группой бойцов отстоял один большой дом на берегу Волги, как солдаты Сталинграда победили врага, уничтожили тристатридцатитысячную отборную немецкую армию.

Ребята жадно слушали.

— Я обязательно буду танкистом, когда вырасту,— сказал Гена Хорьков.

— А я сержантом Павловым,— сказал его сосед по парте.

— Будете, ребятки, будете и танкистами, и лётчиками, и генералами; будете строить танки и тракторы.

Валентина Григорьевна подошла к незастеклённому окну.

— Для вас, наших детей, сталинградцы выстроят новые школы, дворцы, клубы и стадионы, и вы опять будете счастливы, как прежде,— говорила она.— На много километров вдоль Волги растянется красивейший город с прекрасными домами, с широкими площадями. Наш город будет утопать в зелени. Наш Сталинград подымется из пепла и будет ещё прекраснее, чем был. Ведь вся страна протянула нам руки помощи. К нам едут строители, и отовсюду приходят поезда с лесом, кирпичом, гвоздями и стеклом.

Вы, дети, будете свидетелями великой героической стройки. Вы должны любить наш город, любить тех, кто его защищал и кто его возрождает.

Дети, как завороженные, слушали рассказ учительницы. А ведь говорила она о том, что уже все мы знали, взрослые и дети; об этом же

коротко говорили и лозунги, написанные на уцелевших фасадах зданий; об этом говорили все сталинградцы, которые клялись возродить родной город. Простые слова Валентины Григорьевны взволновали не только детей, но и нас, взрослых, присутствовавших на этом первом уроке. В эти минуты припомнилось всё пережитое. Это действительно был первый урок, точно сама история вместе с холодным предвесенним ветром ворвалась в эту единственно уцелевшую комнату огромного здания. Вот и Лида Пластикова, наш комсомольский секретарь, не покидавшая завод, когда в его цехах шли бои; как внимательно слушает она учительницу, как вглядывается она в собравшуюся здесь детвору!

Я слушала Валентину Григорьевну, записывала её урок, и мне казалось, что я говорю вместе с ней, вместе вспоминаю пережитое.

Прошло еще только несколько недель, как я из тыла страны вернулась в разрушенный Сталинград. Добиралась сюда и поездом, и на машинах, на волах; ехала на верблюде, запряжённом в огромную бричку; шла пешком и, наконец, Волгу переплыла на ледоколе.

Сойдя с ледокола, вместе с другими людьми, вернувшимися в Сталинград, я взобралась на крутой берег и по знакомой улице вышла на площадь Павших борцов. Как величественна была эта площадь в центре Сталинграда! Сколько раз в дни юности мы с благодарностью вспоминали здесь героев, лежавших на площади, под серым обелиском, в братской могиле. А теперь эта площадь окружена развалинами, и здесь выросли свежие могилы героев, отдавших свою жизнь за Сталинград.

Мне бросилась в глаза совсем одинокая, единственно уцелевшая скамейка с овальной спинкой. Когда-то над ней возвышался высокий, развесистый клён. Теперь от этого клёна остался расщепленный надвое обрубок. Но на единственной веточке, сохранившейся на клёне, уже набухали почки.

Я слушала первый урок и видела перед собой эту веточку с набухающими почками. Я вспомнила одного старика, который вместе с нами на ледоколе вернулся в Сталинград. Этот старик молчал, когда ехали, молчал когда сошёл с берега и шёл вместе с нами. Но здесь, на площади, он вдруг медленно опустился на землю, поцеловал её и громко воскликнул:

— Тут родился, тут и век свой доживать буду!

Старик поднялся с земли, сорвал со своей седой головы шапку, высоко подкинул её вверх и закричал:

— Что же вы молчите, братцы, дочки, сынки, али не рады, что домой вернулись? Ура!!! — закричал он,— Ура Сталинграду! Ура Сталину!

И тогда мы подхватили эти возгласы старика, и в воздух полетело всё, что можно было подкинуть,— и шапки, и перчатки, и узелки.

Мне казалось, что и этот старик сидит сейчас на парте и тоже слушает Валентину Григорьевну и молча, так понимающе качает своей седой головой.

Старые чертежи

☆

Я. У. МАЛЬЦЕВ

В мой кабинет, похожий на старый деревянный ящик, вошёл худощавый мужчина средних лет. Взглянув на него, я подумал: вот люди уже возвращаются к своей профессии, а солдатский облик сохраняют. В этом человеке можно было узнать фронтовика и по форме военной одежды, по сохранившимся на ней следам погон и ремней, по свежей сетке морщин на лице и особенно по тому, как он внимательно и как-то осторожно огляделся, войдя в мой кабинет. У людей, возвращавшихся в Сталинград с фронта, я часто замечал такой взгляд. Иной уже не первый раз входит в помещение, а всё ещё как будто ощупывает взглядом стены, мебель, точно подозревает, что здесь что-нибудь заминировано.

Посетитель представился с солдатской строгостью речи и передал мне отношение на бланке главного инженера проектного института № 7.

«В коммунальный отдел завода «Баррикады».

Прошу выдать обмерные чертежи домов № 1018 и 1019 для восстановления старой планировки».

Казалось бы, в этой бумажке нет ничего особенного. Обыкновенные дела будничного дня. Но я-то знал, о каких домах идёт речь. Эти дома были построены тридцать лет назад. Трудно представить, как выглядел тогда наш волжский берег. Перед войной мы считали свой район самым красивым районом в городе. Вокруг нескольких небольших домов, построенных до революции на голом берегу Волги, за годы сталинских пятилеток

вырос целый посёлок с пятиэтажными зданиями, клубами, школами, зазеленели парк, скверы. Сейчас всё это надо восстанавливать. Причём же здесь эти старые домики, почему вдруг о них вспомнили? Я посмотрел на стоявшего передо мной товарища и почему-то подумал: а не пошутили ли над ним, посылая его в коммунальный отдел за чертежами, которые давно погибли в огне, так же, как и эти дома?

— Простите, я не понимаю, о каких обмерных чертежах идёт речь? Ведь дома-то разрушены! — сказал я.

— А чертежи мы у вас уже брали, на другие дома,— заявил он и вынул из свой полевой сумки эскизик на порыжевшей синьке.

Края этого эскизика так истлели, что, когда я взял его в руки, они начали осыпаться. Запахло плесенью. Следы ее видны были на этом документе. Можно было подумать, что он сотни лет пролежал в земле, в степном кургане, что это не эскиз дома, а грамота времен Золотой Орды. Я смотрю на полуистлевший чертёжик, и мне кажется, что я что-то начинаю вспоминать, меня даже охватывает какое-то волнение, точно сейчас должно произойти что-то очень важное. Но все-таки я так ничего и не вспомнил. Вызвав сотрудника плановой группы и передав ему отношение главного инженера проектного института, я спросил:

— Что это за обмерные чертежи просят у нас проектировщики. Разве у нас что-нибудь сохранилось?

— Да, у нас есть чертежи на все дома,— ответил он.— Они уже несколько раз брали. Плохо только, что берут и не возвращают.

Показав посетителю сердитым взглядом на шкаф, стоящий рядом со мной, он сказал:

— Вон, возьмите,— и ушёл к своему столу.

Посетитель не заставил себя просить. Видно было, что он уже хорошо знает, где и что лежит в этом шкафу. Взяв пачку чертежей, перетянутых шпагатом, развязав её, он стал перекладывать лист за листом. На пол посыпались мелкие лепестки истлевшей бумаги. И вдруг на меня надвинулось чёрное облако дыма — я мысленно перенёсся в блиндаж, в котором помещался наш штаб МПВО.

Это было в конце сентября 1942 года, когда немцы занимали район «Сорока домиков», Северный городок и рвались к центру заводского посёлка. Наш блиндаж находился на базарной площади. Здесь же проходила линия фронта. Мы, несколько работников МПВО, составляли своеобразное подразделение. У нас было три лошади с упряжью, мы тушили пожары, вывозили раненых, доставляли в окопы воду, помогали солдатам

чем только могли, жили с ними одной жизнью, делились махоркой, ели из одного котелка. Несколько раз командование предлагало нам перебраться в Нижний посёлок, но мы медлили, думали, что, если уйдём с базарной площади, этот участок обороны станет гораздо слабее. Может быть, смешно было так думать — мы ведь не сражались с оружием в руках, были гражданские люди,— но все-таки нам казалось, что перебраться на Нижний посёлок — это значит отступить, сдать свои позиции. В конце концов нам приказано было «сменить позиции», потому что немцы подошли уже к Шуховской башне.

Прежде чем уйти, надо было уничтожить всё, что мы не могли взять с собой. На уцелевшем складе оставалось двести ящиков стекла. Жалко было уничтожать стекло и решили закопать его на заводском дворе. И вот подготавливаем мы уже последнюю траншею — осталось закопать еще несколько ящиков, как из кузницы, в которой другие товарищи сжигали архив коммунального отдела, прибегает ко мне техник Кожушко со связкой каких-то дел.

– Нельзя жечь эти дела,— сказал он,— здесь все чертежи и планы наших домов.

Подумали мы, что делать с ними, и решили тоже закопать поглубже вместе со стеклом.

После этого столько было пережито, что я совсем забыл о стекле и о чертежах. В 1943 году, будучи уже в городе Горьком, я получил письмо от своего товарища, который вернулся в Сталинград на наш завод одним из первых. Он писал мне: «Стекло сохранилось, кроме одного ряда, в который попала бомба». О чертежах он не упомянул. На первых порах, когда людям, возвращавшимся в разрушенный город, негде было жить, приходилось строить времянки, стекло казалось важнее чертежей, погибших в огне домов. Я вернулся в Сталинград спустя год после получения оттуда первого письма. Всюду еще громоздились развалины, но восстановительные работы были уже в разгаре.

...Лепестки истлевшей синьки продолжали сыпаться на пол. Инженер из проектного института, перелистывая старые чертежи, вслух читал названия домов и их номера. Я смотрю на него, мне кажется, что он перелистывает историю Сталинграда. Перед глазами проходит одна картина за другой.

Теперь мне всё становится понятным. Да, домов этих не существует, но чертежи их нужны: город так разрушен, что без этих чертежей не восстановить старой планировки.

Я представляю себе военного историка, который держит в руках топографическую карту с условными знаками, нанесёнными синим и красным карандашом рукой погибшего командира. По этим знакам историк восстанавливает картину великой битвы. Точно так же инженер-строитель по сохранившимся чертежам и планам восстанавливает прошлое Сталинграда; и я вижу, как из развалин вырастают новые дома, передо мной возникают очертания будущего нашего города-героя.

На станции Сталинград первый

☆

ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

Н. Н. АТАМАНОВ

Я возвращался в Сталинград с военизированной бригадой железнодорожников. До станции Гумрак мы сопровождали поезда, продвигавшиеся к Сталинграду вслед за линией фронта. Дальше путей уже не было. Мы пошли пешком, группа железнодорожников, выделенных для обследования уцелевшего после боёв паровозного парка.

По обе стороны разрушенного полотна железной дороги в степи стояли разбитые и обгоревшие танки, из-под снега торчали стволы орудий, миномётов, и тут же — нога, рука или каска убитого. Чем ближе к Сталинграду, тем больше следов только что закончившегося сражения. Самое страшное нас ожидало, когда мы подошли из степи к Мамаеву кургану и слева от себя увидели руины заводов, а справа — руины центральных районов

города. Здесь, на самом высоком месте сталинградского берега, откуда виден весь город, Волга, леса и посёлки Заволжья, был центр побоища. По всему большому голому бугру, на котором раньше росла молодая роща, из-под снега виднелись замёрзшие в разных положениях трупы немцев, всюду валялись каски с множеством пулевых и осколочных пробоин.

Обогнув Мамаев курган, мы подошли к паровозу, разбитому до основания прямым попаданием бомбы в котёл. Он стоял на перегоне Разгуляевка—Сталинград 1-й, врезавшись колёсами в шпалы. Под ним был немецкий блиндаж.

Только по номеру я узнал, что это — мой паровоз. На этом паровозе серии СУМ № 21642 до войны я водил пассажирские поезда Сталинград—Москва, а потом составы с боеприпасами и горючим из Сталинграда на фронт. На нём в июле 1942 года я совершил последний рейс в Качалино, преследуемый двенадцатью фашистскими самолётами. Непрерывно маневрируя, то набирая скорость, то останавливаясь, укрываясь в глубоких выемках пути, мне удалось благополучно довести состав до станции. В Качалино немцы все-таки засыпали нас бомбами. Я был тяжело ранен осколком. Паровоз тогда уцелел благодаря моему помощнику Панину, который сумел быстро переставить его. Потом на моем паровозе сделал еще несколько рейсов машинист Кочергин.

Тут, под Мамаевым курганом, на 598 километре, Кочергину пришлось сойти с паровоза, так как пути были разбиты и вокруг всё горело. Бомба попала в паровоз, как я потом узнал, когда он уже не мог двигаться, стоял среди огня, покинутый бригадой.

На следующем километре мы увидели ещё один разбитый паровоз той же серии — СУМ № 21641, который до эвакуации водил машинист Кузьмин. Он стоял на рельсах, весь изрешеченный осколками мин и бронебойными пулями. Но котёл был цел, и мы пришли к заключению, что этот паровоз, пожалуй, можно будет восстановить.

После этого я пошёл на могилу своей семьи, погибшей при бомбёжке Сталинграда.

До эвакуации я жил за Астраханским мостом, на Пугачёвской улице. Там и осталась моя семья. Она погибла уже после моего ранения. Я узнал о ее гибели в госпитале от товарищей.

На месте своего дома я нашёл пустырь, груды кирпича, а среди них — маленький блиндажик. В этом блиндажике жила знакомая старушка. Она вышла на двор и показала мне бугорок-могилу, в которой сама закопала мою семью — жену и дочь.

Товарищи, вернувшиеся вместе со мной в Сталинград, поддержали меня в моем горе. Мне предложили поехать временно на станцию Чир. Я сразу согласился.

Эта станция была вся разбита — ни путей, ни колонок. Весь уйдя в работу, я не думал о возвращении в Сталинград; казалось, что теперь мне всё равно, где жить. Но когда паровозное депо на станции Чир было восстановлено, меня снова неудержимо потянуло в родной город. Это было летом 1943 года, когда в Сталинград со всех направлений шли поезда со стройматериалами, заводским оборудованием и добровольцами, ехавшими на восстановление города-героя.

В июле я работал уже в Сталинграде со своим помощником Паниным, молодым парнем, который до войны был у меня кочегаром; мы восстанавливали паровоз серии СУМ № 21641, стоящий возле Мамаева кургана вблизи моего погибшего. Мы его притащили с перегона к депо, которое тоже надо было восстанавливать.

Машинист этого паровоза Кузьмин работал в далёкой эвакуации, и о его возвращении не было слышно. Все-таки мы сначала думали, что вот ремонтируем паровоз, а вернётся хозяин и предъявит на него свои права. А так хотелось снова самому водить поезда!

Жил я в это время в полуразрушенном доме рядом с моим прежним, сгоревшим. В этом соседнем доме уцелела одна комната, вернее стены и потолочные перекрытия. Немцы устроили в ней конюшню. Все подоконники и дверные косяки были объедены голодными лошадьми. Вместе с навозом мне пришлось выносить конские кожи и кости. Состояние их свидетельствовало о том, что в конце концов эти лошади были съедены: я находил обглоданные кости.

Три дня, приходя с работы, я занимался очисткой помещения; потом стал стелить полы, делать оконные рамы. Надо было отстраивать комнату почти заново.

С паровозом пришлось возиться долго. Ремонт оказался более сложным, чем мы предполагали; потребовал много кропотливой работы. Не только весь тендер, но и дышла и пароотводные трубки были продырявлены осколками и пулями: не паровоз, а решето. Мы с Паниным работали с утра до ночи, стремясь скорее закончить ремонт, чтобы выехать на линию раньше, чем вернётся Кузьмин.

Наконец с помощью мастера депо Колыбашкина и машиниста Сурова паровоз был восстановлен. Мы зажгли его и поехали работать — повели пассажирский поезд из Сталинграда на Поворино.

В этот первый рейс залатанный нами паровоз выглядел ещё неважно и сил ещё было в нём немного: тащил поезд с трудом, пыхтя и отдуваясь. Для того чтобы полностью привести его в порядок, требовался так называемый подъёмный ремонт, чего в разрушенном Сталинграде сделать было нельзя. После нескольких рейсов нам пришлось отвести паровоз в Тбилиси. Там вместе с рабочими тбилисских железнодорожных мастерских мы снова взялись за ремонт паровоза. Из Тбилиси он вышел как новенький, блестящий — покрашенный и отникелированный.

Теперь меня уже не беспокоило, что скоро должен вернуться Кузьмин: паровоз был закреплён за мной.

Мы начали работать на линии Филоново — Сталинград — Котельниково. В воздухе еще иногда появлялись немцы, поэтому поезда ходили с противовоздушной защитой. Первый поезд, который мы вели после возвращения из Тбилиси, был правительственный. Он состоял из восьми вагонов и двух бронеплощадок, спереди и сзади, с зенитными установками. Мы вели его от Филоново до Котельниково, а через некоторое время обратно.

Это было в период Тегеранской конференции, но мы о ней ещё не знали и никак не предполагали, что ведём поезд, в котором едет товарищ Сталин.

На обратном пути правительственный поезд прибыл в Сталинград днём. Я вылез из паровоза на правую сторону, вокзальную, чтобы осмотреть движущий механизм. Шёл от будки к передним колёсам и вдруг увидел товарища Сталина, шагавшего прямо навстречу мне. Он слез с поезда на левую сторону и, перейдя на второй путь, на котором стоял поезд, обогнул паровоз.

Сколько раз принимали мы на собраниях приветствия товарищу Сталину, писали коллективные, а многие даже личные письма. И вот он сам выходит вдруг из-за паровоза. Это было так неожиданно, что от растерянности или смущения я опустил голову и молча посторонился. Мой помощник, видевший это из окошечка паровозной будки, потом долго не мог простить мне, что я растерялся.

— Ну, как же ты, Николаевич, так! — говорил он.

Я поднял голову, когда Сталин уже перешёл первый путь и вступил на перрон. Он был в военной форме, шёл быстрым, но удивительно ровным шагом, заложив правую руку за борт шинели, не оглядываясь, как будто он каждый день проходил здесь и всё хорошо знает. За ним шли Молотов, Ворошилов и еще несколько человек, которых я не разглядел. Пройдя перроном до ворот, Сталин остановился здесь, у выхода с вокзала на пло-

щадь, вокруг которой были одни развалины и среди них высилась каким-то чудом уцелевшая полукруглая коллонада углового дома.

В трудные дни среди сталинградцев не раз проносился слух, что приехал товарищ Сталин — что он где-то тут, чуть ли не в самом осаждённом городе, что кто-то будто видел его на берегу Волги и даже в окопах, что с кем-то он разговаривал по телефону. Я стоял у паровоза, смотрел на Сталина, и мне самому стало казаться, что я не раз уже видел его в Сталинграде.

Несколько минут товарищ Сталин смотрел на разрушенный город, потом покачал головой, повернулся, кажется, что-то сказал и направился назад к поезду. Он шёл тем же ровным, быстрым, спокойным шагом, заложив руку за борт шинели, но чувствовалось, что он взволнован.

Поезд простоял в Сталинграде минут двадцать. Потом мы помчались с ним по тому же пути, которым в феврале возвращались в Сталинград пешком, двигаясь за линией фронта. Огибая Мамаев курган, мы с Паниным по очереди выглядывали из окошечка паровоза, того самого, который нашли здесь под бугром, на разбитых путях, изрешеченным, искалеченным. Теперь этот восстановленный нами паровоз вёл правительственный поезд. На этом поезде ехал товарищ Сталин, который, конечно, тоже смотрел в окно на Сталинград.

Город ещё лежал в руинах, но трубы заводов уже дымились; над мартеновскими печами «Красного Октября» поднималось зарево: сталевары давали плавку.

ОГЛАВЛЕНИЕ

КНИГУ ИЛЛЮСТРИРОВАЛИ ХУДОЖНИКИ

П. И. БАРАНОВ

На стр. 13, 21, 27, 37, 41, 47, 55, 59, 63, 65, 69, 75, 77, 79, 91, 97, 109, 111, 123, 129, 152, 197, 223, 231, 247, 251, 263, 277

В. В. БОГАТКИН

На стр. 14, 16, 19, 33, 129, 146

В. Д. БОЖКО

На стр. 269
Вклейка между стр. 272—273

Е. А. ВЕДЕРНИКОВ

На стр. 25, 87, 163, 175, 182, 184, 195, 201, 206, 214, 228

А. Б. ЗЕГЕР

На стр. 171
Вклейки между стр. 144—145, 192—193

П. Н. ПИНКИСЕВИЧ

На стр. 29, 159, 219
Вклейки между стр. 16—17, 232—233

К. И. ФИНОГЕНОВ

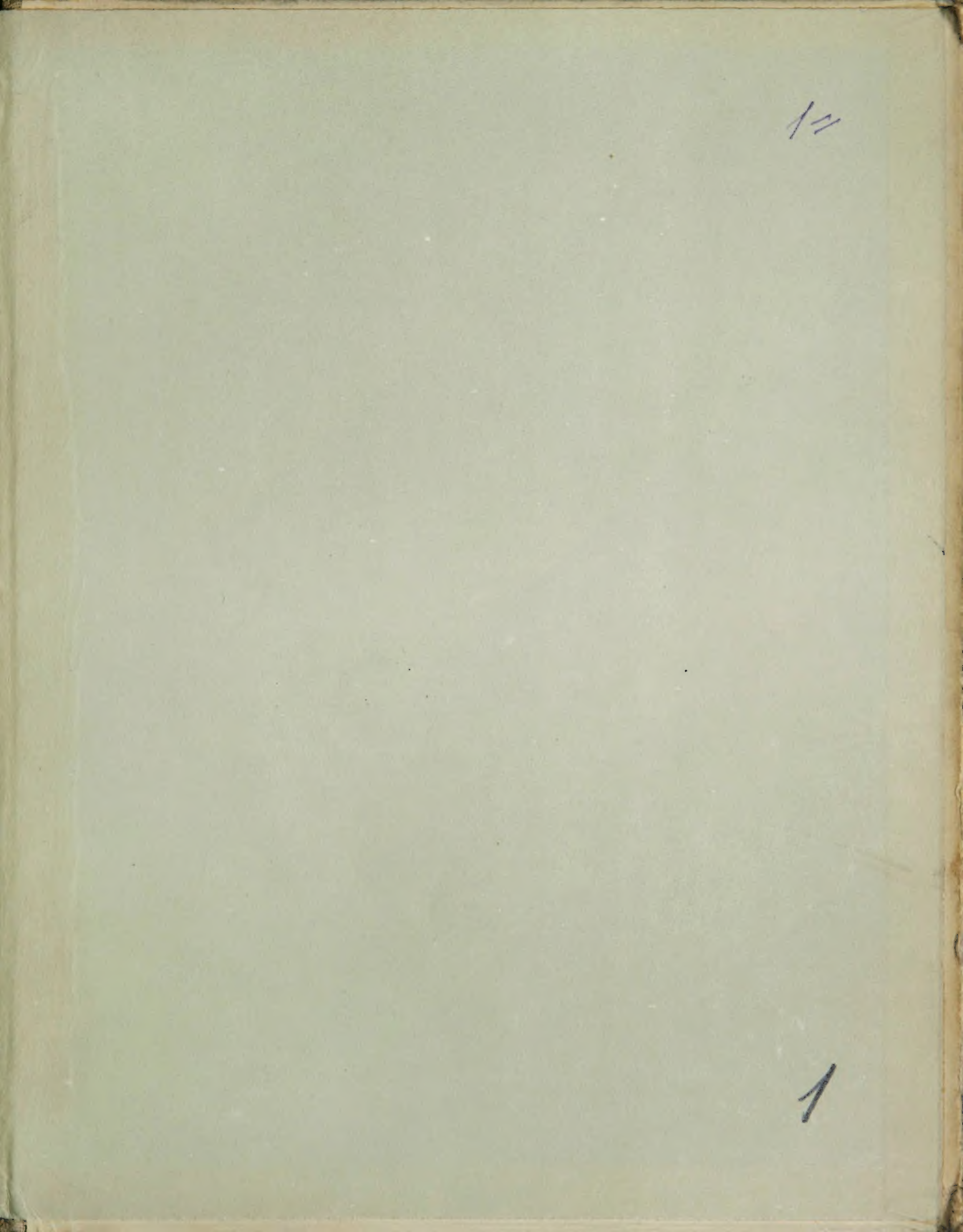
На стр. 117, 237, 267, 281, 286
Вклейки между стр. 48—49, 88—89, 112—113

Редактор полковник *А. И. Крутиков*
Технический редактор *Е. К. Коновалова*
Корректор *Е. А. Мусатова*

Г32411.
Подписано в печать 1. 7. 1950 г.
Изд. № 1/169.
Формат бумаги $70 \times 92^1/_{16}$ = 9,25 бум. л. = 21,675 печ. л. + 9 вкл. = 0,556 бум. л. = 1,3 печ. л.
18,52 уч.-изд. л.

Отпечатано с матриц в типографиях
М-134 и М-125.

Цена 10 руб.